

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ.

МИХАЙЛО ХЕРАСКОВЪ.

РОССІЯДА,
ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Im Werden Verlag.

München 2003.

МОСКВА.

Въ вольной Типографіи Пономарева.

1807.

© «Im Werden Verlag», 2003, 2007 (изменения в форматировании)

Издание подготовил кандидат филологических наук Алексей Игоревич Любжин

<http://imwerden.de>

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россійское государство въ самыя отдаленныя времена, которыя намъ древніе Историки извѣстными учинили, было сильно, сосѣдамъ страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой Европейской державѣ славою, силою, изобиліемъ и побѣдами, по тогдашнему государству состоянію, не уступало; а пространствомъ своимъ все прочія какъ и нынѣ, превосходило. Но послѣ великаго Князя ВЛАДИМИРА разторженіе Россіи на разныя доли, удѣльныя княжества, междоусобія, неустройства и властолюбіе размножившихся Князей, время от времени силы ея истощать начинали; а наконецъ бѣдственному игу хищныхъ Ордъ поработили. Съ того времени угасла прежняя Россійская слава, и въ цѣломъ мірѣ едва извѣстною учинилась; она подъ своими развалинами въ забвеніи близъ трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое Россію набѣги Татаръ и самовластіе ихъ погрузило; отторженіе многихъ княжествъ, прочими сосѣдами у ней похищенныхъ; неспокойство внутреннихъ ея мятежниковъ, вовсе изнуряющихъ свое отечество; сіе состояніе къ совершенному паденію ея наклонило. Зло сіе простерлось до времени Царя ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Перваго, вдругъ возбудившаго Россію, уготовавшаго оную къ самодержавному правленію, смѣло и бодро свергшаго иго Царей Ордынскихъ, и возставившаго спокойство въ нѣдрахъ своего государства. Но царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новгородцы еще не вовсе укрощены были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ униженія въ славу, изъ пораженія въ господство; сія важная и крутая перемѣна произошла при внукѣ Царскомъ ІОАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ Второмъ, который есть Герой сія Поэмы.

И такъ не должно ли царствование ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Втораго поставлять среднюю чертою, до которой Россія, бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близъ трехъ вѣковъ ею утраченную? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разстроенное, отъ сосѣдственныхъ державъ угнетенное, внутренними безпокойствами раздираемое, несогласіемъ многоначальства волнуемое, иновѣрцами поработенное, собственными вельможами разхищаемое; когда все сіе вообразимъ, и представимъ себѣ младаго Государя, самодержавную власть приемиющаго, сильныхъ и страшныхъ непріятелей державы своей попирающаго, многоначальство обуздывающаго, мятежниковъ и въ нѣдрахъ отечества усмирившаго, отторженные соседями грады возвращающаго, и цѣлыя государства своему скипетру присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ укротившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія толь великаго духа къ Государю? Таковъ былъ Царь ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ!

Иностранные писатели, сложившіе нелѣпыя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицають. Самъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю Историкамъ на размышленіе. Впрочемъ безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ поименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе: по чему сіе твореніе и Россіядою названо. Представляю младаго Монарха, лаврами учѣнчаннаго; сего Монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ въ краткой Россійской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги

Грознымъ учинился, и что неуройства Бояръ, на подобіе крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи; а моя Поэма сіе оправдать обязана.

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой труд, нынѣ въ третій разъ исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ я на Исторической истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятуя мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, избрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что Эпическія Поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливья намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

ВЗГЛЯДЪ НА ЭПИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

Въ *Иліядѣ* Гомеръ воспѣваетъ гнѣвъ Ахиллесовъ, за похищеніе его невольницы Бризеиды Царемъ Агамемнономъ, гнѣвъ толико бѣдственный Грекамъ и Пергаму; кровавыя битвы, пагубу осаждающихъ и пагубу осажденныхъ Троянъ. — Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, убитъ Гекторомъ — онъ мститъ за своего друга — убиваетъ храбраго Гектора, и темъ Поэма оканчивается.

Въ *Одиссеѣ* воспѣто десятилѣтнее странствованіе Итаккаго Царя Улисса; возвращеніе его въ домъ свой и страшное избіеніе любовниковъ Пенелопиныхъ, которое *Мнистерофоніей* наречено.

Виргилій въ несравненной *Энеидѣ* воспѣлъ побѣгъ Энеевъ изъ разоренной Греками Трои, прибытіе его в Карфагену, любовь его с Дидоною, невѣрность его къ сей несчастной Царицѣ — Другой побѣгъ его въ Италію, гдѣ убивъ Турна, сопрягается онъ с Лавинією, невѣстою сего почтеннаго Князя.

Въ *Погубленномъ раѣ* важный *Мильтонъ* повѣствуетъ паденіе перваго человѣка, вкушеніе запрещеннаго плода, торжество діавола, изгнаніе Адама и Эвы изъ рая за ихъ непослушаніе, и причину злополучія всего человѣческаго рода.

Волтеръ начинаетъ свою *Генріяду* убіеніемъ Генриха III, а оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной Религіи въ другую — но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительнымъ.

Армида въ Тассовомъ *Іерусалимѣ*, прекрасная волшебница; Армида, есть душа сей неогнѣнной Поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытіи Ренода, возхитительны — но не суть назидательны.

Пробѣжимъ *Лузіяду Камуенсову* и *Фарзалию Луканову*. — Первая есть странствованіе Лузитанцовъ въ Африку, обрѣтеніе нѣкоторыхъ новыхъ земель — сказанія и чудесности. Вся сія Поэма есть пѣтическое повѣствованіе, въ коемъ и самъ Поэтъ имѣлъ участіе. Но повѣствованіе, живою кистію писанное, сладостное, привлекательное; это есть галерея преизящныхъ картинъ, непорядочно разставленныхъ, но каждая изъ нихъ восхищаетъ, трогаетъ, удивляетъ, и въ память врѣзывается.

Фарзалию многіе нарицаютъ Газетами, пышнымъ слогомъ воспѣтыми; но сіи Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаніями и сильными выраженіями; въ ней воспѣта война Юлія съ Помпеемъ; при всемъ томъ Поэма не докончана Пѣвцомъ своимъ, и не была исправлена.

Для тѣхъ сіе пишу, которые думаютъ, будто Эпическая Поэма похвальною пѣснію быть должна. Эпическая Поэма заключаетъ какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну относящуюся до всего человѣческаго рода — таковъ есть *Погубленный рай* Мильтоновъ; или воспѣваетъ случай, въ какомъ нибудь Государствѣ происшедшій и цѣлому народу къ славѣ, къ успокоенію, или наконецъ ко преображенію его послужившій — такова должна быть Поэма ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, которую по моему мнѣнію писать еще не время. Два великіе Духа принимались пѣть ПЕТРА ВЕЛИКАГО, Г. Ломоносовъ и Томасъ; оба начали — оба не кончили. —

Къ такому роду Поэмъ должно *Генріяду* Волтерову — и мою *Россіяду*, не сравнивая однако слабое мое твореніе съ превосходною Эпоеею Волтеровою. — Горе тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину, и сколь великую славу приобрѣло наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства! Надобно перейти мыслями въ тѣ страшныя времена, когда Россія поработана была Татарскому игу — надобно вообразить набѣги и наглости Ордынцовъ, внутри

нашего государства чинимые — представить себѣ Князей Россійскихъ раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластія Царей Казанскихъ — видѣть правителей Татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ, для поклоненія имъ Князей обладающихъ — надобно прочесть внимательно всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабоженія Ордынцамъ — и вдругъ вообразить Россію надъ врагами своими торжествующую, иго мучителей своихъ свергшую, отечество наше побѣдоносными лаврами увѣнчанное — и младаго Государя, прежнимъ своимъ законодателямъ кроткіе законы предписующаго. —

Читатель! ежели, преходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмутится и наконецъ въ сладостный восторгъ не придетъ — не читай мою Россіяду — она не для тебя писана — писана она для людей умѣющихъ чувствовать, любить сою отчизну, и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ.

Знаю, что моя Поэма далеко отстоитъ отъ Эпическихъ Поэмъ въ мірѣ извѣстныхъ; знаю, что въ ней есть немалыя погрѣшности, слабости, несовершенства; что многое въ ней подвержено благоразсудной критикѣ, но не плевеламъ головъ поврежденныхъ — но кто изъ Писателей избѣжалъ критики? и кто написалъ совершенное твореніе въ мірѣ?

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

- Пою отъ варваровъ Россію освобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость низложенну;
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, поверженну Казань.
- 5 Изъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.
- О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье
- 10 Пролей твои лучи, искусство, озаренье!
- Отверзи, Вѣчность! мнѣ, селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтають;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитають,
- 15 Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равень будетъ.
- Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моею
- 20 Вниманье привлеку народовъ и Царей.
Завѣса поднялась! Сіяютъ предъ очами
Герои, свѣтлыми увѣнчанны лучами.
Отъ нихъ кровавая Казанская луна
Низвергнута во мракъ и славы лишена.
- 25 О вы, ликующи теперъ въ мѣстахъ небесныхъ!
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитесь тѣлесныхъ.
- Еще восточную Россію древней часть
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,
- 30 Кипѣли мятежи, росли злодѣйства новы;
Простерся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ;
Летало зло за зломъ, бѣды во слѣдъ бѣдамъ;
Куреній олтари во храмахъ не имѣли,
Умолкло пѣніе, лишь бури тамъ шумѣли;
- 35 Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,
И пастырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.

- Когда свѣтило дня къ полунощи взирало,
 Стенящу, страждущу Россію обрѣтало.
 Въ ея объятіяхъ рожденная Казань
 40 Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань.
 Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,
 На полночь гордою горою возвышенный,
 Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ стоитъ,
 Отколѣ на берега шумящей Волги зреть.
 45 Подъ тѣнію лѣсовъ, межъ пестрыми цвѣтами
 Поставленъ Батыемъ ко сѣверу вратами,
 Чрезъ кои въ сердце онъ Россіи выбѣгалъ,
 Селенья пустошилъ и грады пожигалъ.
 Съ вершины видя горъ убійства и пожары,
 50 Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,
 Разженны вѣрою къ закону своему;
 Казань, поверженна въ Махометанску тму,
 Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взирала,
 И руки чрезъ поля въ Россію простирала;
 55 Просила помощи и свѣта отъ Князей,
 Когда злочестіе простерло мраки въ ней.
 Подвигнуты къ странамъ природнымъ сожалѣньемъ,
 Народа своего бѣдами и томленьемъ,
 На части полночь всю разторгшіе Князья,
 60 Смиряли наглыхъ Ордъ, во браняхъ кровь лія.
 Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,
 Главы у гидры злой всечасно вновь раждались,
 И жалы отростивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,
 Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
 65 Драконова глава лежала сокрушенна,
 Но древня злоба въ немъ была не потушенна;
 Подъ пепломъ крылся огонь и часто возгаралъ,
 Во смутны Россовъ дни онъ силы собиралъ;
 Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попрадна,
 70 Во время юности втораго Іоанна.
 Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ
 Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ;
 Смутился духъ его несчастливымъ походомъ,
 Гдѣ онъ начальствовалъ въ войнѣ прошедшимъ годомъ;
 75 Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань,
 Крылами мерзлыми отъ нихъ закрывъ Казань;
 Онъ мрачной тучею и бурями увился,
 Подобенъ грозному страшилищу явился,
 Въ глухой степи ревѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,
 80 Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,
 И Волжскія струи на тучны двинувъ береги,
 Подулъ изъ хладныхъ устъ морозы, вихрь и снѣги;
 Ихъ пламенная кровь не стала Россовъ грѣть,

Дабы въ наставшій годъ жарчае воскипѣть.

- 85   Въ то время юный Царь въ столицу уклонился,
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.
О ты, на небесахъ живущій въ тишинѣ!
Прости великій Царь мою отважность мнѣ,
Что утро дней твоихъ во тмѣ дерзну представить,
90 Пресвѣтлый полдень твой громчае буду славить;
Великъ, что бурю ты вокругъ царства укротилъ,
Но больше, что страстямъ душевнымъ воспретилъ.

- Увидѣвъ, что Москва оставивъ мечъ уснула,
Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;
95 Храняща ненависть недремлющи глаза,
Отъ Волги поднялась какъ страшная гроза;
Орда, нарушивъ миръ, оковы разрывала,
И злобой движима, мутилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
100 Россію утѣснить, какъ въ прежни времена.
Сей страшный исполинъ въ Россійски грады входитъ,
Убійства, грабежи, насильства производитъ;
Рукою мечъ несетъ, другой звучащу цѣпь,
Валяются стѣны вокругъ, томится лѣсъ и степь.
105 Уже вельніемъ коварныя Сумбеки,
Въ Казанѣ полились Россійской крови рѣки;
И пламенникъ нося неукротимо зло,
Посады въ ярости Московскіе пожгло;
Въ жилища Христіянъ съ кинжаломъ казнь вступила,
110 И кровь страдальческа на небо возопила;
Тамъ плачь, уныніе, сиротствующихъ стонъ;
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ.

- Алчба, прикована корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла страданіе столицѣ.
115 О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачать,
Тамъ чувства жалости надолго замолчатъ.
Москва, разимая погибелію внѣшней,
Отъ скорбей внутреннихъ явилась безутѣшной.

- Сокрылась истинна на время отъ Царя;
120 Лукавство, честь поправъ, на собственность воззря,
Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,
Вошло, и день отъ дня сильнѣе становилось.

- Тамъ лесть представилась въ притворной красотѣ,
Котора во своей природной наготѣ
125 Мрачна какъ ночь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служити имъ ко преткновенью ихъ.

- Сія природну желчь преобративъ во сладость,
 130 Въ забавы вовлекла неосторожну младость;
 Вельможи, выгодѣ ревнующи своей,
 Соединилися къ стыду державы съ ней;
 И леств надежныя подпоры получила,
 Отъ Царскаго лица невинность отлучила.
 135 Гонима истинна стрѣлами клеветы,
 Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!
- Во смутны времена еще вельможи были,
 Которы искренно отечество любили;
 Соблазны щастія они пренебрегли,
 140 При явной гибели не плакать не могли;
 Священнымъ двигнуты и долгомъ и закономъ,
 Стенать и сѣтовать дерзали передъ трономъ;
 Пороковъ торжество, попранну правду зря,
 Отъ лести ограждать осмѣлились Царя.
 145 Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружають,
 Ихъ слезы общую напасть изображаютъ;
 Потупленны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,
 Казалось, туманъ простерли вокругъ вѣнца;
 На смутныхъ ихъ челахъ сіяетъ добродѣтель,
 150 Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ владѣтель.
 Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщаютъ, воздремалъ!
 Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.

- Уныль престольный градъ, Москва главу склонила,
 Печаль ея лице, какъ ночь приосѣнила;
 155 Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста,
 Тоскуютъ вокругъ нея прекрасныя мѣста;
 Унынье, разтрепавъ власы, по граду ходитъ;
 Потупивъ очи внизъ, въ отчаянье приводитъ,
 Бьетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ;
 160 На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
 Въ дубравахъ стонъ и плачь, печаль въ долинахъ злчныхъ;
 Во градъ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ;
 Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,
 Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.
 165 Грызюмая внутри болѣзнью всеминутной,
 Казалась Москва водѣ подобна мутной,
 Которая, лишася движенья и прохладѣ,
 Тускнѣетъ, портится и зараждаетъ ядъ.
 Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,
 170 Какъ будто въ Этнѣ огонь внезапно возпаленный,
 Лѣсистые холмы, густыя дресва,
 Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса,
 Народъ возволновалъ! Тогда при буйствѣ яромъ,
 Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ;

- 175 По стогнамъ разлился, на торжищахъ горитъ,
И заревы Москва плачевныхъ слѣдствій зритъ.
Противу злыхъ вельможъ мятежники возстали,
Которы строгости Царевы подгнѣтали,
Которы душу въ немъ старались возмущать,
180 Дабы при бурѣ сей Россію расхищать.
Два Князя Глинскіе смятенью жертвой были,
Единаго изъ нихъ мятежники убили;
Другой пронырствами отъ нихъ спастись умѣлъ,
И новой бурей отъ трона возшумѣлъ.
185 Простерся мщенья мракъ надъ свѣтлымъ Царскимъ домомъ,
Непримирима власть вооружилась громомъ;
Разила тѣхъ мужей, разила тѣ мѣста,
Гдѣ правда отверзать осмѣлилась уста;
Поборники забавъ награды получали,
190 А вѣрные сыны возплакавъ замолчали.

- Россія, прежнюю утративъ красоту,
И видя вокругъ себя раздоръ и пустоту,
Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди столицы,
Набѣгомъ дерзкихъ Ордъ отторженны границы,
195 Подъ сѣнью роскошей колеблющійся тронъ,
Въ чужомъ владѣніи, Двину, Днепръ, Волгу, Донъ,
И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
Возноситъ къ небесамъ заплаканныя очи;
Возноситъ рамена къ небесному Отцу;
200 Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показавъ Москву окровавленну,
Другую вокругъ нея сліянно море зла;
Взрыдала, и речи ни слова не могла.

- 205 На радужныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣдящій,
Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремящій,
Предъ коимъ солнечный подобень тѣни свѣтъ,
Въ комъ движутся міры, къмъ все въ мірахъ живетъ;
Который съ небеси на всѣхъ равнозираетъ,
210 Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ;
Царь пламени и водъ, позналъ Россіи гласъ;
И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,
Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ;
Онъ руку помощи простерти къ ней помыслилъ;
215 Свѣтлѣе стали вдругъ надъ нею небеса,
Живительная къ ней пустилася роса,
Ея печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россію подкрѣпила;
Одѣла полночь вокругъ румяная заря;

220 На землю Ангели въ кристалну дверь смотря,
Составили изъ лиръ небесну гармонію
И пѣли благодать, вѣнчающу Россію.

Тогда единому изъ праведныхъ мужей,
Живущихъ въ лѣпотѣ божественныхъ лучей,
225 Господнему лицу во славѣ предстоящихъ,
И въ ликѣ Ангеловъ, хвалу Его гласящихъ,
Всевышній рекъ: гряди къ потомку твоему,
Дай видѣть свѣтъ во тмѣ, подай совѣтъ ему;
Въ лицѣ отечества явился Іоанну,
230 Да узритъ онъ въ тебѣ Россію всю попоранну!...

Скоряй, чѣмъ солнца лучъ, текущаго въ эфиръ,
Летающій средь міровъ, какъ вѣющій зефиръ,
Небесный мужъ въ страну полночную низходитъ,
Блистательну черту по воздуху проводитъ;
235 Закрытый облакомъ, вступаетъ въ Царскій домъ,
Гдѣ смутнымъ Іоаннъ лежалъ объятый сномъ;
Съ пришествіемъ его чертоги озарились;
Весь градъ затрепеталъ, пороки въ мракъ сокрылись.
Является Царю сія святая тѣнь
240 Во образѣ такомъ, въ какомъ была въ той день,
Въ который въ мірѣ семъ оставивъ зракъ тѣлесный,
Взлетѣла возстенавъ во свѣтлый домъ небесный;
Потупленна глава лежаща на плечахъ,
Печальное лице, померклый свѣтъ въ очахъ,
245 Мечемъ пронзенна грудь, съ одежды кровь текуща,
Трепещущая тѣнь съ молчаніемъ грядуща,
И спящаго Царя во ужасъ привела,
Приближилась къ нему и такъ ему рекла:

Ты спишь, безпечный Царь, покоемъ услажденный,
250 Весельемъ упоенъ, къ побѣдамъ въ свѣтъ рожденный;
Вѣнецъ, отечество, законы позабылъ,
Возненавидѣлъ трудъ, забавы возлюбилъ;
На лонѣ праздности лежитъ твоя корона,
Не видно вѣрныхъ слугъ; ликуетъ лестъ у трона.
255 Ты зришься тигромъ быть, лежащимъ на цвѣтахъ;
А мы, живущіе въ превыспреннихъ мѣстахъ,
Мы въ общей гибели участіе приедемъ,
Рабовъ твоихъ слова въ селеньяхъ горнихъ внемлемъ.
Ты властенъ все творить, тебѣ вѣщаетъ лестъ;
260 Ты рабъ отечества, вѣщаютъ долгъ и честь;
Но гласа истинны ты въ гордости не внемлешь,
Ты гонишь искренность, безбожну ложь объемлешь.
Мы Князи сей страны и прадѣды твои,
Мы плачемъ, взоръ склонивъ въ обители сіи,
265 Для вѣчныхъ радостей на небо восхищенны,

Тобой и въ райскихъ мы селеньяхъ возмущенны;
 О Россахъ стонемъ мы, мы стонемъ о тебѣ;
 Опомнись! нашу скорбь представь, представь себѣ;
 О царствѣ, о себѣ, о славѣ ты помысли,
 270 И избіенныхъ насъ злодѣями изчисли.

Отверзлось небо вдругъ вздремавшаго очамъ,
 И видитъ Іоаннъ печальныхъ предковъ тамъ,
 Которы кровію своею увѣнчались,
 Но въ прежнемъ образѣ очамъ его являлись;
 275 Батыевъ мечъ во грудь Олегову вонзенъ;
 Георгій братъ его лежитъ окровавленъ;
 Нещастный Теогностъ оковы тяжки носить,
 Отмщенія ордамъ за смерть и раны просить;
 Склонивъ главы свои, стонаютъ Князи тѣ,
 280 Которы мучимы въ ихъ были животѣ.
 Тамъ видится законъ попранный, униженный,
 Лющій токи слезъ и мракомъ окруженный;
 Погасшимъ кажется Князей Россійскихъ родъ;
 Вельможи плачуши, въ уныніи народъ;
 285 Тамъ лица блѣдные въ крови изображенны,
 Которы въ жизни ихъ Ордами пораженны;
 Онъ видитъ сродниковъ и предковъ зритъ своихъ,
 Ихъ муки, ихъ тоску, глубоки раны ихъ.

И тѣнь рекла ему: Отшедъ въ мученьѣ многомъ,
 290 Роптая на тебя, сіи стоятъ предъ Богомъ;
 Послѣдній убіенъ злодѣйскою рукой
 Твой предокъ Александръ, я бывший Князь Тверской,
 Пришелъ съ верховъ небесъ отъ сна тебя возставить,
 Твой разумъ просвѣтитъ, отечество избавить;
 295 Зри язвы ты мои, въ очахъ тоску и мракъ,
 Се точный при тебѣ страны Россійской зракъ!
 Зри члены ты мои, кровавы, сокрушенны,
 И селы вобрази и грады разрушенны;
 Днесъ тотъ же самый мечъ, которымъ я раженъ,
 300 И тою же рукой Россіи въ грудь вонзенъ;
 Ліется кровь ея!... Омытый кровью сею,
 Забылъ, что Бога ты имѣешь судію;
 Вопль каждаго раба, страданіе и стонъ,
 Взлетѣвъ на небеса, текутъ предъ Божій тронъ;
 305 Ты подданнымъ за зло отвѣтствовать не чаешь,
 Но Господу за ихъ печали отвѣчаешь.
 Вздремавшую въ тебѣ премудрость воскреси,
 Отечество, народъ, себя отъ зла спаси;
 Будь пастырь, будь герой, тебя твой Богъ возлюбитъ;
 310 Потомство позднее хвалы тебѣ возтрубитъ.
 Не мѣшкой! возгреми! рази! такъ Богъ велѣлъ....

- Вѣщаль, и далѣе вѣщати не хотѣлъ.
 Чертогъ небесными лучами озарился,
 Во славѣ Александръ въ домъ Божій водворился.
- 315 Смущенный Иоаннъ не зреть его во мглѣ;
 Страхъ въ сердцѣ ощутилъ, печали на челѣ;
 Мечта сокрылася, видѣнье отлетѣло,
 Но въ Царску мысль свой ликъ глубоко впечатлѣло,
 И сна пріятнаго Царю не отдаетъ;
- 320 Съ печальнаго одра онъ смутенъ возстаетъ,
 Кидаетъ грозные ко предстоящимъ очи.
 Какъ странникъ во степи среди глубокой ночи,
 Послыша вокругъ себя шипеніе змievъ,
 Къ убежищу нигдѣ надежды не имѣвъ,
- 325 Не знаетъ гдѣ ступить и гдѣ искать спасенья,
 При каждомъ шагѣ онъ боится угрызенья:
 Таковъ былъ Иоаннъ, напомнивъ страшный сонъ:
 Казалось мерзку лестъ позналъ внезапно онъ:
 Страшится онъ льстецовъ, имъ ввѣриться не смѣетъ.
- 330 Нещастенъ Царь, когда онъ друга не имѣетъ;
 Но въ дѣйство тайное хотѣнье произвести,
 Велѣлъ въ чертогъ къ себѣ Адашева привести.

- Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта,
 Казался при дворѣ какъ нѣкая планета,
- 335 Вступающа въ свой путь отъ незнакомыхъ мѣстъ
 И рѣдко зрима среди горящихъ звѣздъ.
 Придворные его съ досадой угнѣтали,
 Но внутренно его сердцами почитали.
 Адашевъ щастія обманы презиралъ,
- 340 Мірскія пышности ногами попиралъ;
 Лукавству былъ врагомъ, ласкательствомъ гнушался,
 Величествомъ души, не саномъ украшался,
 Превыше былъ страстей и честностию полнъ.
 Какъ камень посреди кипящихъ бурныхъ волнъ,
- 345 Борea не боясь, стоитъ неколебимо,
 И волны, о него бiяся, идутъ мимо:
 Адашевъ тако твердъ среди развратовъ былъ,
 Отъ міра удаленъ, отечество любилъ;
 Спокойно въ домъ вступилъ, гдѣ грозный жилъ Владѣтель.
- 350 Страшится ли чего прямая добродѣтель!
 Храняща лестъ еще подъ стражей царскій дворъ,
 Увидя правду въ немъ, потупила свой взоръ;
 Отчаянна, блѣдна и завистью грызема,
 Испытываетъ все, ждетъ солнца, тучъ и грома.
- 355 Предсталъ почтенный мужъ, и честность купно съ нимъ;
 Такъ въ мракѣ иногда бываетъ ангель зримъ!

Въ объятіяхъ своихъ Адашева имѣя,
 Со подданнымъ Монархъ бесѣдуетъ краснѣя:
 Тебѣ, въ слезахъ онъ рекъ, я сердце отворю;
 360 Ты честенъ, можешь ли не быти другъ Царю?
 Каковъ въ пустынѣ былъ, будь вѣренъ передъ трономъ.

Тогда, о страшномъ снѣ повѣдавъ съ горькимъ стономъ,
 Мой Богъ меня смирилъ, онъ съ важнымъ видомъ рекъ;
 Я въ нынѣшней ночи сталъ новый человѣкъ;
 365 Стыжусь, что я благихъ совѣтовъ уклонился....
 Восплакалъ Иоаннъ и правѣднымъ явился.
 Какъ мать вѣрный сынъ отечество любя,
 Адашевъ чаялъ зрѣть на небесахъ себя;
 На лестъ взирающій вокругъ трона соплетенну,
 370 Оплакивалъ сей мужъ Россію угнѣтенну;
 Въ восторгѣ рекъ Царю: Благословенный сонъ!
 Вѣрь, вѣрь мнѣ Государь, что Богомъ посланъ онъ;
 Внемли отечества, внемли невинныхъ стону;
 На сердцѣ ты носи, не на главѣ корону.
 375 Что пользы подданнымъ, что есть у нихъ Цари,
 Коль страждетъ весь народъ, попранны олтари,
 Злодѣйство бодрствуетъ, а правда угнѣтенна;
 Не Царь порфирию, порфира имъ почтенна!
 Довольно презиралъ ты самъ себя и насъ;
 380 Насталъ теперъ твоей и нашей славы часъ!

Глаголамъ истины внимающій Владѣтель,
 Увидѣлъ съ небеси сходящу добродѣтель:
 Какъ ангелъ, явльшійся Израилю въ ночи,
 Имѣла вокругъ главы блистательны лучи;
 385 Се вѣрный другъ тебѣ! Монарху говорила,
 И ликъ Адашева сіяньемъ озарила.
 Увидѣлъ Царь, ея, въ его челѣ черты;
 И такъ воззвалъ къ нему: Будь мой сотрудникъ ты;
 Мнѣ нуженъ разумъ твой, совѣтъ, твоя услуга.
 390 Всѣхъ паче благъ Царю искати должно друга.
 Вѣщай мнѣ истинну, ея намъ грозенъ видъ;
 Но видъ сей отъ коронъ и троновъ гонитъ стыдъ;
 Гони сей стыдъ, гони и строгимъ мнѣ совѣтомъ
 Яви стези ійти премудрости за свѣтомъ!

395 Адашевъ, чувствуя, коль хитро можетъ лестъ
 Отъ истины отвлечь, Царя въ обманъ привести;
 Вѣщаль: Отъ нашихъ душъ соблазны да отгонимъ,
 Себя отъ здѣшнихъ стѣнъ и праздности уклонимъ;
 Небесной мудрости приобрести руно
 400 Уединеніе научитъ насъ одно;
 Премудрость гордости и лести убѣгаетъ,
 Мірскую суету она пренебрегаетъ;

- Среди развратностей гражданскихъ не живетъ,
 Въ пещерахъ и лѣсахъ ее находитъ свѣтъ;
 405 Гдѣ нѣтъ тщеславія, ни льсти, ни думъ смущенныхъ,
 Пойдемъ ее искать въ обителяхъ священныхъ,
 Отколѣ чистый духъ взлетаетъ къ небесамъ:
 О Царь мой! избери сію обитель самъ;
 Россія силъ еще послѣднихъ не лишена,
 410 Любовь къ отечеству не вовсе потушена;
 Вели собратъ совѣтъ, на истину воззри,
 И нечестивости совѣты разори:
 Увидишь славу ты парящу предъ собою;
 Мы ради кровь пролить, теперь готовы къ бою.
 415 Господь, Россія вся и весь пространный свѣтъ,
 Ко славѣ, Царь, тебя отъ праздности зоветъ!

- Есть мѣсто на земномъ лицѣ сооруженно,
 Сподвижникомъ святыхъ отшельцевъ освященно;
 Угодники оттолъ возшедь на небеса,
 420 Оставили свои нетлѣнны тѣлеса,
 Которые, пріавъ усердное моленье,
 Даруютъ миръ, покой, скорбящимъ изцѣленье.
 Угодникъ Сергій ту обитель основалъ,
 Онъ въ малой хижинѣ великій трудъ скрывалъ;
 425 Небеснымъ житіемъ сіи мѣста прославилъ,
 И Богу тамъ олтарь триличному поставилъ;
 Увидя стѣны вокругъ и храмовъ красоту,
 Возможно городомъ почестъ пустыню ту;
 Въ обитель Божію сокровища внесены
 430 Являютъ души къ ней усердіемъ возженны;
 Тамъ холмъ потокомъ водъ цѣлебныхъ напоенъ,
 Который Сергіемъ изъ камня източенъ;
 Развѣсисты древа пригорокъ осѣняютъ¹,
 И храмовъ на главы вершины преклоняютъ.
 435 То зданье къ святости за тѣмъ приобщено,
 Что славы древнихъ лѣтъ хранитъ залогъ оно:
 Герои кистью тутъ живой изображенны,
 Которыми враги Россіи низложены;
 Тамъ видѣнъ Святославъ, сѣдящій на земли,
 440 Ядущій хлѣбъ сухой и въ потѣ и въ пыли;
 Онъ зрится будто бы простой межъ ратныхъ воинъ;
 Но древнимъ предпочтенъ Атридамъ быть достоинъ.
 Владимиръ мечъ и пальмъ носящъ изображенъ,
 Стоитъ трофеями и свѣтомъ окруженъ;
 445 У ногъ его лежитъ поверженна химера;
 Со славою съединясь его вѣнчаетъ вѣра.
 Тамъ лавры Ярославъ имѣетъ на главѣ;

¹ Нынѣ сіе мѣсто большою Живоначальныя Троицы церковію застроено.

- Донской блистаетъ здѣсь; тамъ Невскій на Невѣ;
Тамъ ликъ Великаго представленъ Іоанна,
450 Цесарской перваго короною вѣнчанна;
Побѣды, торжества, блистанія вѣнца
Къ дѣламъ великимъ огнь внушаютъ во сердца;
Для сихъ причинъ въ сей храмъ, ко славѣ предъизбранна,
Адашевъ убѣдилъ склониться Іоанна.
- 455   Еще не скрылося въ волнахъ свѣтило дни,
Достигли мирнаго убѣжища они.
Сопутницей своей имѣя добродѣтель,
Какъ будто видѣлъ рай въ обители Владѣтель:
Во славѣ зрится Богъ, присутствующій тамъ!
- 460 Съ священнымъ ужасомъ вступилъ въ Господній храмъ;
Онъ вѣдалъ, что душа, на небо вознесенна,
Отъ тѣла своего врачевна и нетлѣнна,
Творила многія и нынѣ чудеса,
И то сказать могла, что кроютъ небеса;
- 465 Приходитъ къ Сергію, мольбы ему приносить,
Всевышней помощи противъ Казани просить,
Вѣщая: Муж святой! ты Дмитрію помогъ
Татарскія луны сломить кичливый рогъ,
И мнѣ ты помоги, дерзнувъ противъ Казани,
- 470 Россію оправдать во предлежащей брани;
Мое отечество, о Сергій! и твое...
Возноситъ предъ тебя моленіе сіе!
Молитва въ воздухѣ какъ дымъ не исчезаетъ,
Но будто молнія небесный сводъ пронзаетъ,
- 475 На радужныхъ она возносится крылахъ:
Молитву искренну читаетъ Богъ въ сердцахъ;
Она небесный сводъ и звѣзды сквозь преходить,
Въ умилность ангеловъ, геенну въ страхъ приводитъ.
Мольбы его какъ громъ предъ Богомъ раздались,
- 480 Проснулася Москва, Ордынцы потряслись!
Въ сію достойную вниманія годину
Измѣривалъ Творецъ двухъ царствъ земныхъ судьбину:
Россійскій до небесъ возвысился вѣнецъ,
Ордынской гордости означился конецъ;
- 485 Но побѣдительнымъ народамъ и державѣ
Препятства предлежать въ гремящей будутъ славѣ.
Разсѣется Орда, угаснетъ ихъ престолъ;
Но Россамъ напередъ устроить много золъ.
- Тогда Господнее изрекъ опредѣленье
- 490 Органъ небесныхъ тайнъ въ священномъ изступленьѣ,
Трепещущъ, Духомъ полнъ, служащій олтарю,
Душъ пастырь возвѣстилъ пророчества Царю:
О Царь! сплетаются тебѣ вѣнцы лавровы;

- Я вижу новый тронъ, короны вижу новы!
 495 Но царства покорить и славу обрѣсти,
 Ты долженъ многія страданья пренести.
 Гряди, и буди твердь!... Слова произнеслися,
 И гласомъ пѣсеннымъ по сводамъ раздалися.
 Въ душѣ Монархъ тогда спокойство ощутилъ,
 500 И паки шествѣ ко граду обратилъ.
 Адашевъ къ славѣ огонь въ Царѣ усугубляетъ,
 Написанныхъ Князей въ предсѣннѣи являетъ.
 Се Рюрикъ, предокъ твой, вѣщаетъ онъ Царю,
 Троянску отрасль въ немъ и Августову зрю;
 505 Онъ, силы подкрѣпивъ колеблемой державы,
 Потомкамъ начерталь безсмертной образъ славы.
 Се Ольга мудрая, казняща Искорестъ,
 Лучи вокругъ главы, въ рукахъ имѣетъ крестъ;
 Коль свято царствуетъ полночною страною!
 510 Жена прославилась правленьемъ и войною;
 Се праотцы твои! Взгляни на нихъ, взгляни:
 Ты видишь славу ихъ! колѣна преклони.
 Здѣсь кисть ученіе твое изобразуетъ....
 И дѣда Царскаго Адашевъ указываетъ;
 515 Который внутри и внѣ покоилъ царствъ раздоръ;
 Но кажется къ Царю суровый мечеть взоръ,
 И внука праздностью на тронѣ укоряетъ.

- Краснѣя, Иоаннъ на ликъ его взираетъ,
 Токъ слезный отъ стыда изъ глазъ его течетъ;
 520 Начнемъ, начнемъ войну! Адашеву речетъ.
 И се парящая въ кругахъ эфирныхъ слава,
 Гласить: Готовься цвѣсть Россійская держава!
 Благочестивый духъ Царя въ Казань ведетъ;
 Престольный градъ его съ гремящимъ плескомъ ждетъ.
 525 Всевышній на него склонилъ свою зѣницу,
 И Царь торжественно вступилъ въ свою столицу;
 Окрестности ея внезапно процвѣли,
 Во срѣтенье ему, казалось, рощи шли;
 Суровостью времянъ веселость умерщвленна,
 530 Въ долинахъ и лѣсахъ явилась оживленна;
 Какъ будто бы струи прешедый чермныхъ водъ,
 Ликуетъ на холмахъ толпящійся народъ;
 Подъемлетъ высоко Москва верхи златые,
 И храмы пѣніемъ наполнились святыя;
 535 Любовью видитъ Царь возженные сердца,
 Зритъ въ подданныхъ дѣтей, они въ Царѣ отца;
 На лицахъ радости, въ очахъ увеселенье,
 И духомъ сладкое вкушаетъ умиленье.

Коль Царь всевышню власть нечестіемъ гнѣвитъ,

- 540 Натура вся тогда пріемлетъ смутный видъ;
Но естли подъ вѣнцемъ сіяетъ добродѣтель,
Ликуетъ весь народъ, натура и Владѣтель!
Казалось, Иоаннъ вновь царство пріобрѣлъ;
Избранной Думѣ быть въ чертоги повелѣлъ¹;
- 545 До нынѣ стольный градъ стѣнящій, утружденный,
Явился, будто бы осады свободенный.

---

¹ Избранная дума именовалась въ то время вышнее правительство, что нынѣ Сенатъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О вы, щастливые грядущихъ лѣтъ пѣвцы!
Завидны ваши мнѣ Парнасскіе вѣнцы:
Вы ихъ получите, воспѣвъ Е К А Т Е Р И Н У ,
Мнѣ Музы не сію назначили судьбину:
5 Велятъ ко временамъ минувшимъ прелетѣтъ;
Дивитесь въ мысляхъ Ей, а Іоанна пѣтъ.
Но древнія дѣла имѣя предъ очами,
Ея премудрости одушевлюсь лучами.

Изгнавъ изъ Царскаго жилища Іоаннъ
10 Развраты, клевету, коварство, лесть, обманъ;
Оставя праздну жизнь въ златомъ одрѣ лежащу;
И маковы цвѣты и гроздіе держащу;
Отвергнувъ отъ очей соблазновъ темноту,
Что истинны святой скрывала красоту;
15 Изъ грознаго Царя, какъ агнецъ, ставъ незлобень,
Былъ солнцу Іоаннъ восточному подобень,
Которое когда свое лице явитъ,
Сіяніемъ лучей вселенную живить.
Льстецы, что слабости Монарши умножали,
20 Какъ темны облака домъ Царскій окружали;
Подобно солнечный вселенной льстящій зракъ
Сгущенныхъ тучъ отъ глазъ скрываетъ часто мракъ;
Когда поверхность ихъ лучами озлащенна,
Отъ грома ихъ земля бываетъ устрашенна;
25 Но нынѣ смутныя веселости разгнавъ,
Всю важность ощутивъ Владѣтелевыхъ правъ;
И возвративъ себя народу и коронѣ,
Явился Іоаннъ какъ дневный свѣтъ на тронѣ;
Сердца возрѣніемъ безмрачнымъ восхищаль,
30 Со умиленіемъ Боярамъ онъ вѣщаль:
О вы, которые державу мнѣ вручили¹,
И царствовать меня во младости учили!
Мнѣ мнится, моего правленія заря,
Не кажетъ днесъ во мнѣ достойнаго Царя;
35 Мечтается въ умѣ моихъ мнѣ предковъ слава,

¹ Содержаніе сей рѣчи почерпнуто изъ подлинной, говоренной Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ при тогдашнемъ случаѣ.

- Я вижу подвиги младаго Святослава;
Онъ зрится въ полѣ мнѣ между шумящихъ стрѣлъ,
Парящъ во слѣдѣ врагамъ Россійскимъ какъ орелъ.
Ревнуетъ духъ во мнѣ Владимиру святому;
- 40 Завидую изъ рукъ его звучащу грому,
Который онъ на Тавръ, на Халкидонъ металъ,
И солнцемъ наконецъ своей державы сталъ;
Отдавъ покой и миръ врагамъ своимъ недавнымъ,
Россію просвѣтилъ закономъ православнымъ.
- 45 Предсталъ моимъ очамъ Великій Мономахъ,
Который наводилъ на Цареградцовъ страхъ,
И гордость обуздавъ Монарховъ ихъ надмѣнныхъ,
Къ ногамъ своимъ Царей увидѣлъ преклоненныхъ;
Смиряяся Комнинъ, въ знакъ мира наконецъ,
- 50 Ему приносить въ даръ порфиру и вѣнецъ.
Я сей вѣнецъ ношу, державу ту имѣю,
Но предковъ шествовать стезями не умѣю.
Недавно возгремѣлъ побѣдами мой дѣдъ,
Отечество свое отъ многихъ спасшій бѣдъ:
- 55 Россія вознесла главу при немъ высоко,
Потупилося ордъ враждующее око:
Потомокъ я и сынъ Монарховъ таковыхъ,
Имѣя ту же власть, нейду слѣдами ихъ.
Злодѣями со всѣхъ сторонъ мы угнѣтенны,
- 60 И столько презрѣны, сколь были мы почтенны.
На что народамъ Царь, Вельможи имъ на что,
Когда ихъ защищать не думаетъ никто?
Вельможи и Цари отечества ограда!
Мы спимъ, какъ пастыри безпечные у стада;
- 65 Не Крымъ, и не Казань губители его,
Мы первые враги народа своего.
О Россы! ваша честь и слава умерщвлена,
И есть ли въ свѣтѣ мы, забыла вся вселенна.
Надъ самой бездной мы злощастія стоимъ,
- 70 Мы гибнемъ, но спасать Россію не хотимъ!
Казань, которая Россію ненавидитъ,
Теперь со трепетомъ Свѣжски стѣны видитъ;
Тамъ другъ отечества, тамъ вѣрный Царь Алей
Разсѣянныхъ Татаръ погналъ во градъ съ полей;
- 75 Въ единое гнѣздо злодѣи наши скрылись,
Широкіе пути намъ къ славѣ отворились;
Не наши выгоды хочу вамъ описать,
Хочу совѣта, какъ отечество спасать?
Отважится ли намъ съ Ордами къ трудной брани,
- 80 Иль въ страхѣ погребстись и имъ готовить дани?
Я стражъ отечества, а вы его сыны,
И должны ваши быть совѣты мнѣ даны....

Такое Іоаннъ представилъ искушенье,
 Вельможамъ собраннымъ на твердое рѣшенье;
 85 Но каждый взоръ изъ нихъ другъ на друга кидалъ,
 И младшій старшаго къ совѣту ожидалъ.
 Тогда отвѣтъ простеръ сѣдиной умащенный,
 Носящъ чинъ Ангельскій и санъ первосвященный,
 Небеснымъ житіемъ извѣстный Даніиль:
 90 О Царь! ты кровь мою къ отмщенью воспламенилъ,
 Ты бѣдство общее толь живо мнѣ представилъ,
 Что не любить въ сей разъ враговъ меня заставилъ;
 Но правила мои и санъ претитъ мой мнѣ,
 Другова поощрять и мыслить о войнѣ.
 95 Когда бы дѣйствіе слова мои имѣли,
 Нигдѣбъ оружія на свѣтѣ не гремѣли;
 Однако есть враги, и бранямъ должно быть;
 Ихъ можно позволять, но брани грѣхъ любить;
 Не кровію алкать Монарха устремляю,
 100 Но вѣру защищать тебя благословляю.

Казалось съ небеси тѣ слышались слова,
 И преклонила вѣнчанная глава.
 Сіяли радости въ очахъ у Іоанна;
 Но слышенъ тихій гласъ Боярина избранна,
 105 Который зрѣлымъ былъ разсудкомъ озаренъ,
 Власами бѣлыми, какъ снѣгомъ, покровенъ;
 Кубенскій Князь то былъ, столѣтія достигшій,
 Заслуги многія отечеству чинившій,
 Дрожащу руку онъ прижавъ ко персямъ рекъ:
 110 Сѣдины на главѣ мой древній кажутъ вѣкъ,
 И щастіе уже не льститъ мнѣ никакое,
 Я только жизнь мою хочу скочать въ покоѣ;
 Не сродника во мнѣ почти, о Государь!
 Но старцевыхъ рѣчей послушай юный Царь:
 115 Не полагаяся на память усыпленну,
 Взгляни на грудь мою во браняхъ изъязвленну;
 Докажетъ подвиги мои тебѣ она,
 И сколько мнѣ должна извѣстна быть война.
 Подъ сѣнью тишины цвѣтетъ держава краше:
 120 Миръ сладкій, не война вѣнчаетъ щастье наше.
 Въ любви къ отечеству я самъ и твердъ и гордъ,
 Но слабы стали мы противу сильныхъ Ордъ.
 Димитрій, предокъ твой, въ чувствительномъ уронѣ,
 Мамаю сокрушилъ и съ воинствомъ при Донѣ;
 125 Но долго ли покой въ Россіи процвѣталъ?
 Свирѣпый Тахтамышъ, какъ бурный вихрь, возсталъ,
 И въ сердце нашего отечества вломился,

- Россійской кровію полночный край омылся.
 Судьбы державы всей на случай не влагай,
 130 Людей, о Государь! не грады берегай.
 Для славы воевать, слаба сія причина;
 А царство безъ гражданъ пустыня лишь едина.
 Спокоить смутный духъ, моимъ словамъ внемли:
 Коль любишь царствовать обширностью земли;
 135 Твои границы Днепръ съ полудня орошаетъ,
 Россія Волжскія струи до днесъ вкушаетъ;
 Тамъ бурный Волховъ зришь, тамъ кроткую Оку;
 Ты Царь обширныхъ странъ! я смѣло изреку;
 Введи съ престола ты твои повсюду очи,
 140 Владѣтель цѣлыя явишься полуночи;
 Народъ въ сравненіе обширности возьми,
 Мы бѣдны не землей, но бѣдны мы людьми.
 Съ кѣмъ хочешь въ брань итти? Отцы у насъ побиты,
 Младенцы бѣдствуютъ правленіемъ забыты;
 145 Старайся въ мужество ихъ младость привести,
 И юнымъ симъ птенцамъ дай время возрасти;
 Тогда со стадомъ симъ къ побѣдамъ устремляйся.
 Готовъ ко бранямъ будь, но алчнымъ не являйся.

- То слово съ жадностью Князь Глинскій подхватилъ,
 150 И взоры на себя всей Думы обратилъ.
 Сей Князь, коварный Князь, Вельможамъ былъ ужасенъ;
 Злокозненъ во враждѣ, и въ дружествѣ опасенъ.
 Въ той часъ во мрачности таяща острый взоръ,
 Вгнѣзденна хитрость тамъ, гдѣ Царскій пышный дворъ,
 155 Во облакѣ густомъ надъ Думою носилась,
 Коснулась Глинскому, и въ мысль его вселилась;
 Разсыпавъ вокругъ его туманистую мглу,
 Простерлась по его нахмуренну челу;
 Во нравахъ былъ всегда онъ сходенъ мрачной ночи;
 160 Возведши впалыя на Іоанна очи,
 Онъ тако рекъ возставъ: блюди твой Царскій санъ,
 Тебѣ для выгодъ онъ твоихъ и нашихъ данъ.
 Тебѣ ли сѣтовать, тебѣ ли Царь крушиться,
 И сладкой тишины для подданныхъ лишиться?
 165 Ты Богъ нашъ! Естли бъ мы могли и нищи стать,
 То намъ ли на тебя отважиться роптать?
 Притомъ на что Казань, на что война и грады,
 Приемлемъ безъ того изъ рукъ твоихъ награды;
 Блаженство во твоёмъ владѣніи цвѣтетъ;
 170 Любителямъ войны и цѣлый тѣсенъ свѣтъ!
 Къ тому достойны ли любви народы оны,
 Которы бунтовать дерзнутъ противъ короны?
 Свидѣтелемъ тому бунтующій сей градъ,
 Коль горько пострадалъ за вѣрность здѣсь мой братъ!

- 175 Умолкъ, и сладостью придворной обольщенны,
Развратныя сыны казались восхищенны;
Ихъ очи Глинскаго одобрили совѣтъ;
Ни чей не страшенъ сталъ ласкателямъ отвѣтъ;
На собственну корысть въ умѣ они взирають,
180 Но пользу общую ногами попирають.
- Вдругъ будто въ пеплѣ огонь, скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Князь Курбскій съ мѣста всталъ, какъ нѣкій ярый левъ;
Власы вздымались, глаза его блистали;
Его намѣренье безъ словъ въ лицѣ читали.
- 185 На Глинскаго онъ взоръ строптивый обративъ,
Вѣщаль: ты знатенъ Князь, но ты несправедливъ!
Цвѣты, которые разсыпаны тобою,
Ужасную змію скрываютъ подъ собою;
Ты мщеніемъ однимъ за сродника горя,
190 Отца у подданныхъ, отъемлешь ихъ Царя.
Что Глинскій плаваетъ въ довольствѣ и покоѣ,
Россію щастіе не сохранитъ такое.
О Царь мой! властенъ ты мою изчерпать кровь,
Однако въ ней почти къ отечеству любовь;
- 195 Позволь мнѣ говорить: оставь богатству нѣги,
Вели ты намъ пройти пески, и зной, и снѣги;
Мы ради съ цѣлою вселенной воевать,
Имѣніе и женъ готовы забывать,
Готовы защищать отечество любезно;
- 200 Не робкими намъ быть, но храбрыми полезно.
Орды ужасны намъ, ужасны будемъ имъ,
Ужасны, ежели мы лѣность побѣдимъ;
Отмстимъ за прадѣдовъ, за сродниковъ несчастныхъ,
За насъ самихъ отмстимъ Ордамъ до днесъ подвластныхъ:
- 205 Лишь только повели, за Днепръ и за Казань,
Въ сердцахъ мы понесемъ войну, тревогу, брань!
Но естли праздностью себя мы обезславимъ,
И нашихъ силъ противъ Ордынскихъ не поставимъ;
Пойду отсель на край вселенной обитать;
- 210 Любви къ отечеству мнѣ нѣчемъ здѣсь питать!
Подавлена она и сокрушенна лестью;
Чины приобрѣтать единой должно честью,
Служить отечеству трудами и мечемъ,
О чести я пекусь, а больше ни о чемъ....
- 215 Какъ море бурями отвсюду возмущенно,
Не вдругъ при тишинѣ бываетъ укрощено:
Таковъ и Курбскій былъ; бесѣдовать престалъ;
Но стонъ произносилъ и весь онъ трепеталъ.
Въ то время Іоаннъ умильными очами
- 220 Далъ знакъ, что Курбскаго доволенъ былъ рѣчами:
Пріятный Царскій взоръ читая за отвѣтъ,

Придворные и сей одобрили совѣтъ.
 Испорченный давно придворныхъ почитаньемъ,
 Схватясь за мечъ рукой, Князь Глинскій всталъ съ роптаньемъ.

- 225 Но тутъ присутствуя, какъ тихая весна,
 Адашевъ ихъ разторгъ, какъ облаки луна;
 И рекъ: какой намъ стыдъ! врагамъ какая слава!
 Отъ нашихъ неустройствъ колеблется держава.
 Теперь ли внутренни раздоры начинать,
- 230 Когда пришли часы отечество спасать?
 Мужайся Царь, ступай тебѣ отверстымъ слѣдомъ
 Къ спасенію общему отцемъ твоимъ и дѣдомъ;
 И терны оныя пожни твоей рукой,
 Которые до днесъ смущаютъ нашъ покой.
- 235 А вы, правленія почтенныя подпоры,
 Вельможи! прежніе забудьте днесъ раздоры.
 Се! намъ отечество стена предстоить;
 Оно друзьями намъ въ совѣтахъ быть велить;
 Оно рыдаючи сынамъ своимъ вѣщаетъ:
- 240 Тотъ врагъ мой, за мои кто слезы не отмщаетъ;
 Взгляните, говорить, на горы, на поля,
 Тамъ кровью Россіянъ увлажнена земля;
 Тамъ ваши сродники и дѣти избіенны,
 Выходятъ изъ гробовъ на васъ ожесточенны;
- 245 Отмстите вы за насъ, отмстите! вопіютъ;
 Не мстимъ, и нашу кровь до днесъ враги лютъ.
 Вельможи! какъ свою державу успокоимъ,
 Единодушія коль въ Думѣ не устроимъ?
 Презрѣнна зависть насъ снѣдаетъ и дѣлить,
- 250 А честь о тишинѣ пещися намъ велить.
 Соединимъ сердца, раздоры позабудемъ,
 Тогда почтенными людьми мы прямо будемъ;
 Насъ Царь, отечество къ спасенію зоветъ.
 О други! труденъ ли на сей вопросъ отвѣтъ?
- 255 Тогда Геройства духъ, во свѣтломъ видѣ зримый,
 Явился вкругъ всего собранія носимый;
 Спокойство сладкое на лица изливалъ,
 Жаръ бодрости въ сердцахъ Боярскихъ запылалъ,
 И рѣчь сію уста Хилкова вострубили:
- 260 О братія! онъ рекъ, иль бѣдство вы забыли,
 Кипящее вездѣ, какъ токи бурныхъ водъ?
 Князья за скипетры, за нихъ страдалъ народъ,
 И буря бранная въ отечествѣ шумѣла;
 Она близъ трехъ вѣковъ какъ громъ вездѣ гремѣла;
- 265 Въ сіи постыдныя Россіи времена,
 Погасли Княжески священны имяна;
 Чужіе къ намъ пришли обычаи и нравы,

- Изгладились слѣды Россійской древней славы.
 Иль грозныхъ дней опять дождаться мы хотимъ?
 270 Что мы гнѣздилища враговъ не истребимъ?
 Россіяне! изъ сей, изъ гордой сей Казани,
 Грозятъ набѣги намъ, раздоры, смуты, брани.
 Когда отечество погибло не совсѣмъ,
 Слѣпому щастію обяжны мы тѣмъ;
 275 Но естли гидры сей глава не сокрушится,
 Россія имяни со временемъ лишится.
 Вельможи! презритъ насъ унывшихъ цѣлый свѣтъ;
 Потомкамъ плачущимъ мы должны дать отвѣтъ.
 Но царству кто изъ насъ не хочетъ обороны,
 280 Тотъ врагъ отечества, врагъ вѣры, врагъ короны,
 И долженъ общее презрѣніе нести.

Князь Глинскій не умѣлъ терпѣнья соблюсти,
 Садился, возставалъ, въ лицѣ перемѣнялся,
 И немощъ возмечтавъ, изъ Думы уклонялся.

- 285 Но Царь, глаза свои возведши къ небесамъ,
 Вѣщаль: хощу итти, хощу на Орды самъ.
 Онъ вѣдалъ мягкое вельможей многихъ свойство,
 И любящихъ двора роскошное спокойство,
 Въ которое своимъ примѣромъ ихъ вовлекъ,
 290 Къ терпѣнью и трудамъ привлечь ихъ, тако рекъ:
 Вы узрите меня въ войнѣ примѣръ дающа,
 Вкушающаго хлѣбъ и въ нуждѣ воду пьюща,
 Я твердость понесу одну противъ враговъ:
 Мнѣ будетъ одръ земля, а небо мой покровъ;
 295 Труды для подданныхъ мнѣ будутъ услажденьемъ,
 Начну я собственнымъ побѣды побѣжденьемъ;
 Коль роскошь узрите когда въ шатрѣ моемъ,
 То въ нѣгахъ утопать позволю войскамъ всѣмъ;
 И требую отъ васъ, когда вы мнѣ послушны,
 300 Пребудете въ подвигахъ со мной единомушны,
 Устройте къ общему спасенію умы,
 Да Россы будучи, и братья будемъ мы.

- Слова сіи сердець уже не премѣнили,
 Но пушимъ жаромъ ихъ къ войнѣ воспламенили.
 305 И шумъ внимаемъ былъ какъ звукъ военныхъ лиръ;
 Казалось не на брань готовятся, на пиръ.
 Но слово, кое Царь и въ таинствѣ вѣщаетъ,
 Ни храмина въ себѣ, ни градъ не умѣщаетъ:
 О скрытыхъ узнавать пекущая дѣлахъ,
 310 Нескромность Царску мысль выноситъ на крылахъ;
 Сія позорна страсть, принявъ лице и тѣло,
 По Царскимъ комнатамъ, по стогнамъ ходитъ смѣло,
 Касается она Царицынымъ ушамъ,

- Вѣщая: Иоаннъ идетъ къ Казани самъ!
- 315 Князь Глинскій, правдою сраженъ, еще лукавилъ,
Въ ужасныхъ видахъ ей походъ Царевъ представилъ.
Какъ буря тихій день, въ ней сердце возмущалъ,
И смерть Монаршую супругъ предвѣщалъ.
- Когда спокойствомъ Царь и славой услаждался,
- 320 Единою совѣтъ душою оживлялся;
Послушность ихъ была сходна водѣ рѣчной,
Текущей по ея стремленью съ быстринной.
- Вдругъ видитъ плачущу Царицу къ нимъ входящу,
Младенца своего въ объятіяхъ держащу,
- 325 Казалось, отъ глазъ ея скрывался свѣтъ,
Или сама печаль въ лицѣ ея грядетъ;
Тоски она несла чертахъ изображенны,
И руки хладныя ко персямъ приложенны.
Толь смутной иногда является луна,
- 330 Когда туманами объемлется она,
Съ печальной томностью лице къ землѣ склоняетъ,
И видъ блистательный на блѣдный премѣняетъ.
Пришла, и на Царя взглянувъ, взрыдала вдругъ,
Скрѣпилась и рекла: ты ѣдешь мой супругъ!
- 335 Ты жизнь твою цѣной великою не ставишь;
Но вспомни, что меня отчаянну оставишь!
Когда не тронешься любовію моею,
Ужель не умягчить тебя младенецъ сей?
У ногъ твоихъ лежитъ онъ съ матерью несчастной,
- 340 Уже лишенной чувствъ, уже теперь безгласной!
Смотри, онъ силится въ слезахъ къ тебѣ возрѣть,
Онъ хочетъ вымолвить: не дай мнѣ умереть.
Читай въ очахъ его нѣмые разговоры;
О чемъ языкъ молчить, о томъ расскажутъ взоры;
- 345 Вѣщаетъ онъ: спаси меня отъ сиротства,
И мать несчастную отъ слезнаго вдовства.
О Царь мой! о супругъ! имѣй ты жалость съ нами,
Не отдѣлись отъ насъ обширными странами,
Военнымъ, бѣствіямъ не подвергай себя;
- 350 Иль храбрыхъ въ царствѣ нѣтъ вельможей у тебя?
На что отваживать тебѣ не принужденно,
Для Россовъ здравіе твое неощѣненно?
Храни его для всѣхъ, для сына, для меня!
Останься! я молю, у ногъ твоихъ стена.
- 355 Когда же лютой сей походъ уже положенъ,
И въ брань итти отказъ Монарху невозможенъ,
Такъ пусть единою мы правимся судьбой;
И сына и меня возми мой Царь съ тобой!
Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;

- 360 Я камни и пески почту за брачно ложе;
 Возми съ собою насъ!... Какъ кедръ съ различныхъ странъ
 Колеблемъ вѣтрами, былъ движимъ Иоаннъ:
 Но въ мысляхъ пребылъ твердъ... Царю во умиленье
 Представилось у всѣхъ на лицахъ сожаленье:
- 365 Слезъ токи у Бояръ рѣками потекли,
 Останься Государь! Царю они рекли.
- Усердьемъ тронутый и нѣжными слезами,
 Заплаканными самъ воззрѣлъ къ нимъ Царь глазами;
 Супругу вѣрную поднявъ облобызалъ;
- 370 Вельможамъ наконецъ такой отвѣтъ сказалъ:
 На что мнѣ быть Царемъ, коль трудъ за бремя ставить,
 И царствомъ самому отъ праздности не править?
 Чужими на поляхъ руками воевать,
 И разумомъ чужимъ законы подавать;
- 375 Коль титломъ мнѣ однимъ Монарха веселиться,
 То власть моя и тронъ со всѣми раздѣлится;
 Я стану именемъ единымъ обладать,
 По томъ отъ подданныхъ законовъ ожидать;
 Какъ плѣнникъ буду я, прикованный ко трону,
- 380 Вожди другимъ вручивъ, къ стыду носить корону.
 На что же мнѣ вѣнецъ?... Возлюбленна моя!
 О ты, котору чту не меньше жизни я!
 Къ тебѣ я узами сердечными привязанъ;
 Но прежде былъ служить отечеству обязанъ,
- 385 И только сталъ во свѣтъ наслѣдникомъ рожденъ,
 По званію сему ужъ былъ предубѣжденъ,
 Въ народномъ щастіи мое блаженство числить,
 И собственность забывъ, о благѣ общемъ мыслить.
 Душевные слабости и нѣги отметить,
- 390 Во подданныхъ друзей и ближнихъ почитать,
 Вотъ должность Царская... О вѣрная супруга;
 Мой первый есть законъ отечеству услуга;
 Не отторгай меня отъ бременя сего,
 Которо свято есть для сердца моего;
- 395 Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду,
 Супругъ и Царь тогда достойный я не буду.

Скончавшу таковы Монарху словеса,
 Казалось, новый свѣтъ излили небеса;
 Царица лишь одна объемлющая сына,
 400 Какъ солнце зрѣлася въ затмѣніи едина.

Когда отъ слезъ Монархъ Царицу ублажалъ,
 Свіаяскій вдругъ гонецъ въ собраніе вбѣжалъ;
 Онъ ужасъ на челѣ и видъ имѣлъ смущенный,
 И такъ отвѣтствовалъ Монархомъ вопрошенный:

405 Измѣна, Государь, измѣна въ царствѣ есть!
 Безбожный Царь Алей, забывъ законъ и честь,
 Стезями тайными отъ насъ въ ночи сокрылся,
 Съ Сумбекою Алей въ Казанѣ затворился;
 Боящихся Небесъ я присланъ отъ Бояръ,
 410 Сей новый возвѣститъ отечеству ударъ.

Имѣя Іоаннъ своимъ Алея другомъ,
 Казался быть раженъ унынія недугомъ;
 И рекъ въ смущеніи не умѣряя словъ:
 Се нынѣшнихъ друзья изпорченныхъ вѣковъ!
 415 Несытая корысть ихъ узы разрушаетъ,
 И прелесть женская горячность потушаетъ!
 Но Адску злобу мы у нашихъ узримъ ногъ;
 Намъ храбрость будетъ вождь, подпора наша Богъ!
 Велите возвѣститъ слова мои народу,
 420 И двинемъ силы всѣ къ поспѣшному походу;
 Коломна цѣлю да будетъ всѣмъ полкамъ,
 Куда собратъся имъ, куда собратъся намъ;
 Оттолѣ потечемъ, устроая силы къ брани,
 Подъ сѣнію Орла Россійскаго къ Казани.
 425 Хоть весь на насъ востокъ вооруженный зримъ,
 Но съ вами въ брань идущъ я есмь непобѣдимъ!
 Царица нѣжная отъ трона удалилась,
 И въ сердцѣ у нее надежда поселилась.

Едва лишь возгремѣлъ во градѣ трубный гласъ,
 430 Духъ брани по сердцамъ простерся въ тотъ же часъ;
 И храбрость на стѣнахъ вздремавшая проснулась,
 На щитъ, на копіе, на мечъ свой оглянулась:
 Я вижу въ прахѣ васъ, орудіямъ рекла,
 И пыль съ себя стряхнувъ, по стогнамъ потекла.
 435 Гдѣ праздность роскоши въ объятіяхъ гнѣздилась;
 Тамъ грозная война какъ огонь воспламенилась;
 Зажженный пламенникъ несетъ своей рукой,
 Летятъ изъ градскихъ стѣнъ утѣхи и покой,
 Межъ кроткихъ поселянъ убѣжище находятъ;
 440 Граждане шумъ одинъ и ужасъ производятъ.
 Уже орудія звучатъ вокругъ знаменъ,
 Отмщенье вырваться готовится изъ стѣнъ;
 Брони его блестятъ; прямые Царски други
 Съ охотой жизнь несутъ отечеству въ услуги;
 445 Въ заботѣ радостной ликуютъ дома ихъ,
 Нахмуренна печаль въ слезахъ сидитъ у злыхъ.

О вѣчность! обрати теченіе природы,
 И живо мнѣ представъ исчезнувшіе годы.
 Се вѣчность, возмудивъ священну тишину,
 450 Мнѣ кажетъ ратниковъ грядущихъ на войну!

- Держащій булаву и щитъ златый руками,
 Князь Пронскій зрится мнѣ предъ конными полками,
 Густыми перьями покрытъ его шеломъ,
 И мнится, издають его доспѣхи громъ.
- 455 Не угроженіемъ, не строгимъ разговоромъ,
 Но мнится правитъ Князь полки единымъ взоромъ.
 Изъ юношей сія дружина состоитъ,
 Которыхъ родъ во всей Россіи знаменитъ.
- Блестящій мечъ нося, Князь Палецкій выходитъ,
 460 Съ пищалями стрѣльцовъ и съ копьями выводитъ;
 Вдали являются они какъ лѣсъ густой,
 И молніи родятъ оружію чистотой;
 Великое они покрыли ратью поле;
 Но сильны не числомъ, а храбростію болѣ.
- 465 Но что восхитило вниманіе и взоръ?
 Я вижу пламенныхъ Опричниковъ соборъ¹!
 Се войска цѣлаго подпора и надежда,
 Сіяетъ, будто огонь, золотая ихъ одежда.
 Какъ въ храмѣ Божіемъ является олтарь,
- 470 Такъ зрится мнѣ грядущъ въ срединѣ оныхъ Царь.
 На шлемѣ у него орла изображенна,
 Царя вельможами я вижу окруженна;
 Гдѣ онъ присутствуетъ, и слава зрится тутъ;
 Седмь юношей вокругъ оружія несутъ;
- 475 Иной идетъ съ копьемъ, иной съ большимъ колчаномъ²,
 Съ великимъ сайдакомъ, съ мечемъ, съ щитомъ, съ тимпаномъ;
 Пернаты видятся чеканы вокругъ его.
 Въ Монархѣ Бога я представилъ самого,
 Когда онъ грозные съ небесъ низводитъ взгляды,
- 480 Имѣя вокругъ себя перуны, вихри, грады;
 Блистають огненны по воздуху лучи,
 Какъ звѣзды, съ небеси падушія въ ночи;
 Дрожитъ вселенная, міръ ужасъ ощущаетъ!
 Богъ мститъ, но стрѣлъ еще громовыхъ не пушаетъ,
- 485 Мнѣ Царь представился въ величїи такомъ,
 Біющій медленно во звучный накръ жезломъ;
 Онъ множитъ въ ратникахъ отважность и вниманье,
 Которы громъ несутъ Казанцовъ на погранье.
 За нимъ избранные полки съ мечами шли:
- 490 Возстала пыль, но свѣтъ отъ нихъ сіялъ въ пыли.
 Украшенъ сѣдиной, въ служенїи священномъ,
 Мнѣ зрится Данїиль на мѣстѣ возвышенномъ;
 Грядуще воинство изъ градскихъ вратъ чредой,

¹ Опричниками назывались лучшіе воины, составляющіе гвардію Царскую.

² Сїи вооруженія во время похода обыкновенно вокругъ Царя носимы были его Рындами. Рынды были придворные дворяне.

- При пѣнїи кропитъ священной водою.
- 495 Мой слухъ стenanія съ военнымъ шумомъ внемлетъ;
 Братъ брата, сынъ отца прощаяся объемяетъ.
 Тамъ ратникъ зрится мнѣ покрытый сѣдиной,
 Трудами изнуренъ, болѣзнями, войной,
 Съ сердечной ревностью на воинство взираетъ,
- 500 И руки томныя на небо простираетъ;
 Открылася его израненная грудь,
 О Боже! онъ вскричалъ, благослови ихъ путь!
 Съ высокой храмины взирающій со стономъ;
 Но въ духъ подкрѣпленъ святымъ своимъ закономъ,
- 505 Родитель сына зря подъ шлемомъ, вопіетъ:
 Я можетъ быть съ тобой въ послѣдній вижу свѣтъ!
 Но естли жизнь свою ты въ полѣ и оставишь,
 Коль многихъ ты сыновъ отъ пагубы избавишь!
 Небесный обрѣти, или земный вѣнецъ;
- 510 А естли я умру, то Царь тебѣ отецъ.
 Тамъ смотрятъ матери на чадъ во умиленьѣ —
 Но все умолкло вдругъ, зрю новое явленье!
 Простерши взоръ къ Царю чертоговъ съ высоты,
 Царица нѣжная въ слезахъ мнѣ зришься ты!
- 515 Какъ будто бы къ себѣ Царя обратно просить,
 Младенца своего на раменахъ возносить;
 Растрепанны вьсласы, взоръ томный, блѣдный видъ,
 Поколебалъ Царя!... Но стонъ въ груди былъ скрытъ,
 Слезъ капли отеревъ, взглянулъ на мечъ, на войски,
- 520 И чувства на лицѣ изобразилъ геройски;
 Еще мнѣ видится съ небесъ простерта длань,
 Вѣнчающа полки, грядущіе на брань.

- Но пустьъ къ Ордамъ несетъ Россійскій Марсъ перуны,
 Хошу перемѣнить на звучной лирѣ струны;
- 525 Доколь кровавыхъ мы не зримъ еще полей,
 Воззримъ, что дѣлаютъ Сумбека и Алей.
 О Музы! лиру мнѣ гремящу перестройте,
 И нѣжности любви при звукахъ бранныхъ пойте;
 Дабы за вами въ слѣдъ мой духъ быстрѣй париль,
- 530 Внушите пламень вашъ, прибавьте мыслямъ криль;
 Еще отдалены побѣдоносны брани,
 Вѣщайте трепеть, леть и хитрости Казани.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

- Уже блюстители Казанскія измѣны,
Восходятъ высоко Свіязски горды стены;
Сумбекъ городъ сей былъ тучей громовой,
Висящей надъ ея престоломъ и главой,
5 И Волга зря его, свои помчала волны,
Россійской славою, Татарскимъ страхомъ полны,
Въ Казанѣ смутная опасность возрасла,
Ужасну вѣсть Ордамъ о градѣ принесла;
Надежда отъ сердець кичливыхъ удалилась,
10 И мать безпокойствъ, въ нихъ робость поселилась:
У дня отъемлетъ свѣтъ, спокойство у ночей,
Имъ страшно солнечныхъ сіяніе лучей;
При ясномъ небѣ имъ надъ градомъ слышны громы;
Въ дыму и въ пламени имъ кажутся ихъ дома:
15 Обвитый въ черную одежду общій страхъ,
Казанцамъ видится на стогнахъ и стѣнахъ;
Кровавый мечъ въ рукѣ онъ зрится имъ носящимъ,
Луну дрожащу сѣчь съ ихъ капищей хотящимъ;
Имъ часто слышится въ полночный тихій часъ,
20 Поющихъ Христіянъ благочестивый гласъ;
Священный зрится крестъ, рушитель ихъ покою,
Начертанъ въ воздухе невидимой рукою.
Народамъ такъ грозитъ вселенныя Творецъ,
Когда державѣ ихъ готовитъ Онъ конецъ.
25 Какъ будто жители Енопскія Додоны,
Отъ коихъ древнія родились Мирмидоны,
Разсѣянна Орда, слышавъ грозну брань,
Изъ дальныхъ самыхъ мѣстъ подвиглася въ Казань.
Уже обильные луга опустошили,
30 Которыхъ Россіянъ ихъ праотцы лишили,
Подъ сѣнь Казанскую народы притекли,
Которы святости кумировъ предпочли;
Отъ бурныя Суры, отъ Камы быстротечной,
Семейства движутся Орды безчеловѣчной.
35 Поля оставили и Волжскій токъ рѣки,
Языческихъ боговъ носящи Остяки,
Ихъ нѣкій страхъ съ луговъ подъ градски стѣны гонитъ;
Увидя ихъ Казань, главу на перси клонитъ!

- Бойницы множитъ вкругъ, огромность стѣнъ крѣпитъ;
40 Но ими окруженъ, народъ не сладко спить:
Онъ слышитъ стукъ мечей и трубы въ полѣ звуки,
Возноситъ къ небесамъ трепещущія руки;
Но Богъ, развратныя сердца познавый въ нихъ,
Ликъ свѣтлый отвратилъ, отринувъ прозбы ихъ;
45 И мраки въ воздухѣ ихъ вопли препинали!
Упала тма на градъ, тамъ стѣны возстенали!
Казалось небеса паденіемъ грозятъ;
Казанцы томну грудь въ отчаяннѣ разятъ.
Но гордость тяжкому стенанію не внемлетъ,
50 Изъ моря обшихъ золь главу она подъемлетъ,
И попирающа ногой своей народъ,
Съ его унынія пожати хочетъ плодъ:
Вѣщаютъ рѣки брань, поля ее вѣщуютъ,
Но духа гордыя Сумбеки не смущаютъ.
55 Въ то время фурія, паляща смертныхъ кровь,
Рожденная во тмѣ развратная любовь;
Которая крушитъ и мучитъ человѣковъ,
Слывуща нѣкогда Кипридою у Грековъ;
Не та, которая вселенной въ юныхъ дняхъ,
60 Отъ пѣны серебряной родилася въ волнахъ,
Сія вещей союзъ во свѣтѣ составляетъ;
Другая рушитъ все, все портитъ, разтравляетъ.
Такою былъ Иракль къ Омфалѣ распаленъ,
Такой, Пелеевъ сынъ подъ Троей ослѣпленъ;
65 На Ниловыхъ брегахъ была такая зрима,
Когда вздыхалъ на нихъ преобразитель Рима;
Въ очахъ ея покой, въ душѣ ея война,
И токмо вздохами питается она,
Тоской, мученьями и плачемъ веселится.
70 Развратныхъ ищетъ душъ, алкая въ нихъ вселиться.
Пришедша посѣтитъ восточную страну,
На тронѣ зритъ она прекрасную жену;
Ея стенанію, ея желаньямъ внемлетъ,
И пламенникъ она и крылія приемлетъ,
75 Сумбекѣ предстоить, раждаетъ огонь въ крови,
Вѣщая: тягостны короны безъ любви,
Противна безъ нее блестящая порфира,
И скучны безъ любви блаженствы здѣшня міра;
Дай мѣсто въ сердцѣ мнѣ, будь жрицею моей,
80 И не страшись войны, коварствъ, ни мятежей.
Мечтами лестными Сумбеку услаждаетъ,
И сладкій ядъ свой пить Царицу убѣждаетъ;
Она какъ плѣнница за ней стремится въ слѣдъ,
Закрывъ свои глаза, идетъ въ пучину бѣдъ.
85 Сумбекѣ на яву, Сумбекѣ въ сновидѣннѣ,

- Столицы и вѣнца является паденье,
 Ей вопли слышатся, ей тѣни предстоятъ:
 Лишишься царства ты! и день и ночь твердятъ.
 Ея трепещетъ тронъ, и нѣкій духъ незримый
- 90 Отъ юности ея на Камъ ею чтимый,
 Сей духъ, Перуновымъ разрушенный огнемъ,
 Сумбекъ видится и ноцію и днемъ;
 Онъ перси молніей являетъ опаленны,
 Кротовое чело и члены раздробленны.
- 95 Жестокая любовь! колико ты сильна!
 Ни страха, ни угрозъ не чувствуетъ она.
 Сумбека собственну напасть пренебрегаетъ,
 Не къ браннымъ помысламъ, къ любовнымъ прибѣгаетъ,
 Къ сему орудію коварствующихъ женъ;
- 100 О! кто не знаетъ ихъ, тотъ подлинно блаженъ!
 Она казалась быть Ордынцами владѣя,
 Киприда красотой, а хитростью Цирцея,
 Для выгодъ собственныхъ любила Царскій санъ;
 Смущали душу въ ней, не брани, Князь Османъ¹,
- 105 Прекрасный юноша, но гордый и коварный,
 Любовью тающій, въ любви неблагодарный;
 Османъ, Таврискій Князь, былъ нравами таковъ,
 Какъ лютая змія, лежаща межъ цвѣтовъ:
 Приблизиться къ себѣ прохожихъ допускаетъ,
- 110 Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаетъ.
 Сумбекъ агнца онъ въ лицѣ своемъ явилъ,
 И сердце страстью въ ней какъ жаломъ уязвилъ.
 Царица пламенной любовію возженна,
 Жестокимъ Княземъ симъ была пренебреженна,
- 115 Познала, что уже обманута она,
 Не вѣренъ ей Османъ, она ему вѣрна;
 Эмира взоръ его и сердце отвратила,
 Которую какъ дочь Сумбека возрастила.
 Часы отсутствія, въ свиданьѣ мрачный взгляды,
- 120 Во грудь Царицыну вливали смертный ядъ.
 Утѣхи, коими до днесъ она питалась,
 Изъ сердца вонъ ушли, надежда въ въ немъ осталась,
 Надежда! слабый другъ несчастливыхъ людей,
 Единой тѣнью льститъ послушницѣ своей.
- 125 Когда умножилась народныхъ скорбей сила,
 И робость вокругъ нее спокойство погасила;
 Когда Казань власы въ отчаяньѣ рвала,
 Она въ чертогъ къ себѣ Сеита призвала.
 Сей извергъ первый былъ чиновникъ ихъ закона;
- 130 Хотѣла удалить его она отъ трона;
 Ему противенъ былъ и страшенъ Князь Османъ;

¹ Подлинное его имя Уланъ Кашакъ.

Адъ былъ въ душѣ его, въ устахъ кипѣлъ обманъ;
 На кровь Османову гортань его зіяла;
 Сему вступившему Сумбека вопіяла:

- 135 Мы гибнемъ всѣ теперь! се близокъ грозный день,
 Который вѣрною сулитъ Казани тѣнь!
 Прибѣгнуть надлежитъ боговъ моихъ ко храму:
 Иди, почтенный мужъ, иди теперь на Каму,
 Богатства въ даръ богамъ и жертвы понеси,
 140 Живущихъ тамъ духовъ отвѣта испроси,
 На насъ ли громъ они, или на Россовъ клонятъ?
 Вручатъ ли имъ Казань, иль насъ отсель изгонятъ:
 Когда цвѣтушіе вела я тамо дни,
 Отвѣты ясные давали мнѣ они;
 145 Противу Христіянъ питающей злодѣйство,
 Мнѣ страшное открыли чародѣйство;
 Могла я приказать свѣтиламъ течь назадъ;
 Но царствуя Ордой, забыла грозный адъ;
 Внушенія боговъ притомъ не забывала:
 150 Я кровь Россійскую рѣками проливала.
 За жертвы таковы награды я хочу:
 Народу, сыну я спасенія ищу;
 И естли помнишь ты и любишь Сафгирея,
 Спѣши, вниманіе къ его вдовѣ имѣя,
 155 Спѣши для царства ты, для вѣры, для себя!
 Коль сила есть въ богахъ, послушаютъ тебя....
 Сеить съ молчаніемъ отъ трона удалился,
 На многи дни въ степяхъ походъ его продлился.
 Сумбека преуспѣвъ Сеита отдалить,
 160 Намѣрилась престолъ съ Османомъ раздѣлить.

Но Богъ намѣренья людскія разрушаетъ,
 И гордость какъ тростникъ дхновеніемъ сокрушаетъ,
 Зритъ наши Онъ сердца съ небесной высоты,
 Людскіе помыслы развѣтетъ какъ мечты.

- 165 Увидя жителей отчаянныхъ Казани,
 Взносящихъ къ небесамъ трепещущія длани;
 Престольный видя градъ уныньемъ пораженъ,
 Внимающа дѣвицъ рыданіе и женъ,
 Сумбека собственну тревогу въ сердцѣ скрыла,
 170 Народъ созвавъ, лице и голосъ притворила.

- О мужи храбрые! Она вѣщаетъ имъ,
 Которыхъ трепеталъ и Греція и Римъ,
 Которы имянемъ Чингиса и Аттилы,
 Явили страшными свои народамъ силы;
 175 Которыхъ мужествомъ исполненъ цѣлый свѣтъ;
 Вы, коихъ Скиѳами вселенная зоветъ!

- Скажите мнѣ, сеголь колѣна вы потомки,
 Которы славою во всей вселенной громки?
 Гдѣ нынѣ время то, какъ ваши праотцы,
 180 Давали Княжески по выбору вѣнцы?
 Какъ полночь робкая, въ Казань простерши длани,
 Намъ вѣрностью клялась и приносила дани!
 Довольно было намъ содѣлать знакъ рукой,
 Чтобъ градамъ ихъ пылать и рушить ихъ покой,
 185 Возжечь въ народѣ семъ войну междоусобну,
 Родства оковы рвать и зависть сѣять злобну.
 Еще на тѣхъ горахъ стоитъ нашъ гордый градъ,
 На коихъ страшень былъ его Россіи взглядъ.
 Еще ты Волжская струя не уменьшилась;
 190 А прежней лѣпоты Казань уже лишилась;
 Введемъ ли очи мы на сѣверъ съ нашихъ горъ,
 Тамъ нашей власти вокругъ уже не кажетъ взоръ;
 Но что я говорю о даняхъ и о славѣ,
 Законы ихъ Цари даютъ моей державѣ!
 195 И щастье учинивъ упрямый оборотъ,
 Порабощаетъ ихъ закону мой народъ;
 Свѣжскъ раждается, коль дивныя премѣны!
 Уже къ намъ движутся Россійски съ громомъ стѣны.
 Но кто сіи враги, которы намъ грозятъ,
 200 Которы ужасомъ сердца у васъ разятъ?
 То наши данники, то слабые народы,
 Которыхъ жизни мы лишали и свободы.
 О! ежели сіи враги ужасны вамъ,
 Возмите посохи, ступайте ко стадамъ;
 205 Не шлемами главы, украсьте ихъ вѣнцами,
 Женоподобными гордитесь вы сердцами:
 И въ роскошахъ уснувъ на гордыхъ сихъ берегахъ,
 Гдѣ прежде обиталъ духъ бодрости и страхъ,
 Забудьте предковъ вы, отечество забудьте;
 210 Или проснитесь и паки Скиѣи будьте.
 Надежды въ браняхъ вамъ когда не подаетъ,
 Во мнѣ мой слабый полъ, сыновнихъ юность лѣтъъ,
 Что дѣлать? Я должна супруга вамъ представить,
 Который бы умѣлъ Ордынскимъ царствомъ править;
 215 Подъ видомъ бодрости Сумбека скрыла страсть;
 Уничжаяся, усилить чаеть власть,
 И виды льстивые дающая обману,
 Не къ благу общему, склоняетъ мысль къ Осману.

- Но вдругъ въ окружности, спирался гдѣ народъ,
 220 Изшедый нѣкій мужъ является изъ водъ;
 Предсталъ онъ весь покрытъ и тиной и травою,
 Потоки мутные отряхивалъ главою,
 Очами грозными Казанцовъ возмущалъ;

Увы, Казань! увы! стена я онъ вѣщаль,
225 Не жить Ордынцамъ здѣсь!... Смущенные рѣчами
Казанцы бросились къ видѣнію съ мечами;
Но посланъ тартаромъ, иль волею небесъ,
Сей мужъ невидилъ сталь, и яко дымъ исчезъ.

Боязнь, которая ихъ чувства убивала,
230 То знаменіе имъ въ погибель толковала.
Пророчествомъ сіе явленіе почли;
До самыхъ облаковъ стенанья вознесли;
Свое производя изъ вида примѣчанье,
Во смутномъ весь народъ является молчаньѣ;
235 На лицахъ кажется, на смутныхъ ихъ очахъ,
Тоска, отчаянье, уныніе и страхъ.

И се! предсталъ очамъ Казанскихъ золь рачитель;
Сеить, закона ихъ начальникъ и учитель;
Какъ будто страстною мечтою пораженъ,
240 Или кровавыми мечами окруженъ;
Или встрѣчающій мракъ вѣчный адской ночи:
Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижимыя очи;
Въ трепещущихъ устахъ устахъ языкъ его дрожалъ,
Какъ страшнымъ львомъ гонимъ въ собраніе вбѣжалъ.
245 Приобретаючи вельможи раны къ ранамъ,
Казались каменнымъ подобны истуканамъ.
Собравъ разсѣянныхъ своихъ остатокъ силъ,
И руки вознося, сей старецъ возгласилъ :
О братія мои и други! горе! горе!
250 Иль молніями насъ постигнетъ небо вскорѣ;
Или уста свои разторгнувъ страшный адъ,
Поглотитъ насъ самихъ и сей престольный градъ;
Сквозь мраки вѣчности я вижу руку мстящу,
Огонь, войну и смерть на насъ послать хотящу;
255 Я слышу день и ночь, смутясь вѣщаетъ онъ,
Я слышу въ воздухѣ, подземный слышу стонъ!
Ходилъ не давно я покоить духъ смущенный,
На Камскіе брега, во градъ опустошенный,
Опредѣленіе проникнути небесъ:
260 Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ,
И спросилъ духовъ, во градѣ семъ живущихъ,
Въ сомнительныхъ дѣлахъ отвѣты подающихъ;
Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и травой;
Отвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой,
265 Отчаянье и стонъ во храмѣ нами чтимомъ;
И вдругъ покрылась вся поверхность чернымъ дымомъ;
Увидѣлъ я изъ ней летящую змію,
Въ громахъ вѣщающу погибель мнѣ сію:
Напрасно чтутъ меня и славятъ челоуѣки;

- 270 И вы погибнете и я погибъ на вѣки!
 Змій пламенной стрѣлой ко западу упаль,
 Внимающій ему окаменень я сталъ.
 О други! сиры ставъ въ опасностяхъ безмѣрныхъ,
 Пойдемъ и призовемъ Срацинъ единовѣрныхъ;
- 275 Они на вопли женъ, на слезы притекутъ,
 И нашу зыблему державу подопрутъ....
 Вѣщая тѣ слова, онъ ризу раздираетъ,
 Возкрикнувъ: тако Богъ насъ въ гнѣвѣ покараетъ!
 Ко суевѣрью сей склонный человѣкъ,
- 280 Но хитрый въ вымыслахъ, Сумбекъ въ страхѣ рекъ:
 Имѣя смутну мысль и душу возмущенну,
 Когда приближился я къ лѣсу освященну,
 Гдѣ солнца не видать, ни свѣтлыя зари,
 Гдѣ наши древніе покоятся Цари;
- 285 Увидѣлъ предъ собой я блѣдну тѣнь дрожащу,
 И мнѣ сіи слова съ стенаніемъ гласящу:
 О старче! поспѣшай, Сумбекъ объяви,
 Да сладостной она противится любви.
 Хочу, да изберетъ себѣ она въ супруга,
- 290 Престола Царскаго и пользы общей друга;
 Тогда вашъ градъ пророкъ къ спокойствію призоветъ!

- Подобно какъ Борей въ пучинѣ зареветъ,
 У плавателей страхъ искусство ихъ отъемлетъ,
 Разсудку здравому никто уже не внемлетъ:
- 295 Такъ стекшійся народъ мутился въ оный часъ;
 Пронзаетъ облака смѣшенный нѣкій гласъ;
 Но гордость при такихъ волненіяхъ не дремлетъ,
 Притворство видъ любви къ отечеству приѣмлетъ;
 Вельможи гордые на тронъ завистно зрятъ,
- 300 Народъ склонить къ себѣ желаніемъ горятъ.
 Казанскій Князь Сагрунъ¹ заслуги изчисляетъ,
 Которыми права къ державѣ подкрѣпляетъ,
 Чего намъ ждатель? онъ въ грудь біющій говоритъ;
 Погибли мы, когда Москва насъ покорить!
- 305 Мы будемъ изъ своихъ селеній извлеченны,
 И горъ во внутренность на вѣки заключенны;
 Отниметъ свѣтъ у насъ блестящій тотъ металлъ,
 Который у враговъ Казани, богомъ сталъ.
 Нѣтъ мира намъ съ Москвой! коль градъ спасти хотите,
- 310 Другова, иль меня на царство изберите....
 Сеить со Княземъ симъ единомыслень былъ,
 Въ немъ нравы онъ, своимъ подобные любилъ.
 Тебѣ принадлежитъ, онъ рекъ, съ Сумбекой царство.
 Ты знаешь, какъ спасать отъ Россовъ государство.

¹* Подлинное его имя Чапкунъ.

- 315 Но злобу посрамитъ и гордость ихъ попрасть,
Алея предлагалъ Гирей Царемъ избрать;
Уже Алей, онъ рекъ, два раза нами правилъ,
Но видя нашу лестъ, Казанскій тронъ оставилъ;
Взовемъ къ нему еще, корону поднесемъ:
- 320 Черезъ то Свіяжскъ падеть, черезъ то себя спасемъ.
     Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась,
И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ преклонялась;
Является вдали, какъ новый Энкеладъ,
Который будто бы возсталъ, пресиливъ адъ;
- 325 То Князь былъ Асталонъ: онъ шелъ горѣ подобенъ;
Сей витязь цѣлый полкъ единъ попрасть удобенъ.
Отваженъ, лютъ, свирѣпъ сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ, какъ тростникъ, соперниковъ рубилъ;
Пошелъ въ средину онъ покрытъ броней златою,
- 330 И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, вѣщаль Казанцамъ онъ:
Се въ помощь къ вамъ пришелъ безстрашный Асталонъ!
Я слова украшать цвѣтами не умѣю,
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю.
- 335 При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою;
Кто силой одаренъ, вѣщаетъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
- 340 И въ землю часть его уходитъ глубоко;
Вотъ опытъ силъ моихъ, онъ рекъ, шумящъ бронями;
Закроетесь моею вы грудью, не стѣнами,
Готовъ я гнать одинъ Россійскіе полки;
Но требую во мзду Царицыной руки,
- 345 Въ награду не хочу всего Казанска злата,
Сумбека за труды едина мнѣ заплата;
Когда не примете желанья моего,
Поспѣшно выду вонъ изъ города сего:
И все собраніе окинулъ страшнымъ окомъ.
- 350   Народъ казался быть въ молчаніи глубокомъ;
Но имъ спокойства въ немъ представилась заря;
Уже хотѣли всѣ признати въ немъ Царя;
Какъ многихъ шумъ древесъ, такъ рѣчи слышны были,
И съ Княземъ въ бракъ вступить Сумбекъ присудили.
- 355   Какой погибельный Сумбекъ приговоръ!
Она потушила въ слезахъ прекрасный взоръ.
Такъ плѣнникъ, чающій пріятныя свободы,
И льстящійся прожить съ весельемъ многи годы,
Со страхомъ видитъ цѣпь несомую къ нему,
- 360 Предвозвѣщающу всегдашній плѣнъ ему.

Сумбека гдѣ себя Царицей почитала,
Сумбека въ царствѣ томъ невольницею стала;
Рабы противъ ея свободы встають,
И сердца раздѣлить съ Османомъ не дають.

- 365 Томленна совѣстью, въ печали углубленна,
Любезный зракъ нося въ груди Царица плѣнна,
Вѣщаетъ къ подданнымъ, смущаясь и стенья:
Вы въ жертву лютостямъ приносите меня!
Такъ вы Царя сего, котораго любили,
370 Неблагодарные! въ лицѣ моемъ забыли;
Но быть моихъ рабовъ рабою не хочу,
И прежде землю я и небо возмущу,
Подамъ лунѣ самой и солнцу я уставы,
Чѣмъ вы похитите и власть мою и правы.
375 Въ лицѣ съ ея стыдомъ изображался гнѣвъ.

- Таковъ является свирѣпъ и грозенъ левъ,
Когда отрѣзавъ путь ему къ лѣсамъ и къ полю,
Безстрашные ловцы влекутъ его въ неволю.
Въ народѣ возстаетъ необычайный шумъ;
380 Сумбекинъ движимъ былъ какъ будто море умъ;
Любовь огни свои въ Сумбекѣ разжигаетъ,
Тяжелу цѣпь она на гордость налагаетъ;
Предтечу слабости стонъ тяжкій извлекла.
Сумбека страстию смягченная рекла:
385 Увы! мнѣ дорого отечество любезно,
Царя назначить вамъ и мнѣ и вамъ полезно;
Но паче утвердить согласіе мое,
Потребна склонность мнѣ и время на сіе:...
Позвольте мнѣ моей послѣдней волей льститься!
390 При сихъ словахъ токъ слезъ изъ глазъ ея катится.
Вѣщала, и народъ къ послушности склонить,
Хотѣла не любовь, но время отмѣнить.

- Но вдругъ нечтушаго ни правилъ ни законовъ,
Гремящій голосъ былъ услышанъ Асталоновъ,
395 Сумбеки хитростью, вѣщаль, ожесточень,
Я долго не привыкъ быть въ стѣны заключень;
Доколь рога луны въ кругъ полный не сомкнутся,
Стопы мои береговъ Казанскихъ не коснутся;
Но я клянусь мечемъ, и клятву сдѣлавъ льщусь,
400 Что презрѣннымъ отсель тогда не возвращусь;
А естли кто иной твою получить руку,
Погибнетъ! палицу я ставлю вамъ въ поруку.
И палицу сію взложивъ на рамена,
Онъ съ шумомъ уходилъ, какъ бурная волна.
405 Какъ съ корнемъ дерева, верхи съ домовъ срывая,

Надъ градомъ туча вдругъ восходитъ громовая,
 Куда свирѣпый вихрь подняться ей претить,
 Уставя грудь Борей на градъ ее стремить;
 Подобно Асталонъ при новомъ приближеньѣ,
 410 Наполнилъ ужасомъ Казанцовъ воображенье,
 Къ паденью чаютъ зрѣть склоняющійся градъ,
 Коль въ бракъ не вступитъ онъ, пришедъ въ Казань назадъ.

Сумбека, изтребить печали удрученье,
 Приемлетъ на себя о бракѣ попеченье;
 415 Вы знаете, она Казанцамъ говоритъ,
 Что сердца моего боязнь не покоритъ;
 Угрозамъ гордаго пришельца я не внемлю;
 Коль нужно, возмущу и небо я и землю!
 Мнѣ сила полная надъ тартаромъ дана,
 420 Не утрашитъ меня Россійская война.
 О! естли адъ меня Казанцы не обманеть,
 Земля дрожать начнетъ, и громъ предъ нами грянетъ;
 За слезы я мои, за ваши отомщу,
 Спокойтесь! вамъ Царя достойнаго сыщу.

425 Но страхъ съ полочныхъ странъ, угрозы Асталона,
 Сумбекины слова, ея престолъ, корона,
 Ввергаютъ въ бурныя сумнѣнія народъ;
 Народъ колеблется, какъ вѣтромъ токи водъ.

Въ любовныхъ помыслахъ, какъ въ тмѣ ночной сокрыта,
 430 Сумбека свой народъ послала предъ Сеита;
 Моля, да будетъ онъ покровомъ въ бѣдствахъ имъ.
 Отправила его съ прошеньемъ рабскимъ въ Крымъ.

Царица между тѣмъ въ зелену рощу входитъ,
 На миртовы древа печальный взоръ возводитъ;
 435 Цитериныхъ она встрѣчая тамо птицъ,
 Лобзающихся зреть на вѣтвяхъ голубицъ;
 Тамъ нѣжныхъ горлицъ зреть во вѣки неразлучныхъ,
 Взаимнымъ пламенемъ любви благополучныхъ;
 Румяностью зарѣ подобные цвѣты,
 440 Какъ стѣны видимы тамъ розовы кусты;
 Все тамо нѣжится, вздыхаетъ, таетъ, любить,
 Тоску Сумбекину то зрѣлище сугубить;
 Казалось межъ древесъ играя съ мракомъ свѣтъ,
 Къ любовнымъ нѣжностямъ входящаго зоветъ;
 445 Но будто рокъ ея Сумбекѣ возвѣстили;
 Сокрылись прелести, которы взорамъ льстили;
 Вздыхаетъ и сдержать она не можетъ слезъ.
 Увидѣла она Османа межъ древесъ,
 Имѣлъ въ рукахъ своихъ Османъ златую лиру,

- Подъ Княжьимъ имянемъ не видяща препятствъ,
 Къ Таврійской шествіе направила границѣ.
 Громовой сей ударъ приноситъ смерть Царицѣ;
 Какъ будто зря главу Горгонину она,
 500 Движенія была надолго лишена.
 Наполнилъ сердце мразъ, горѣлъ гдѣ прежде пламень;
 Преобращалася Аглавра тако въ камень;
 Скипѣлася у ней и застудилась кровь.
 О коль мучительна презрѣнная любовь!
 505 Трепещущій Османъ стыдится и блѣднѣетъ;
 Сумбека силъ еще и плакать не имѣетъ!
 Но духа укротивъ тревогу своего,
 Се корень, вопіетъ, привѣтства твоего!
 Увы! не нѣжна мать тебя носила въ чревѣ;
 510 Ты львицею рожденъ, изверженъ адомъ въ гнѣвѣ;
 Не здѣшнихъ мысленныхъ ты хочешь скрыться бѣдъ,
 Бѣжишь ты отъ любви другой любви во слѣдъ;
 Но сердце я мое на все теперь отважу:
 Возмите, вопіетъ, измѣнника подъ стражу!
 515 Какъ будто ей бѣдой сія грозила рѣчь,
 Изъ глазъ ея рѣкой пустились слезы течъ;
 Бѣжитъ въ чертогъ къ себѣ, собою не владѣя,
 Растрепанны власы и блѣдный видъ имѣя;
 За ней послѣдуютъ тоска, печаль и стонъ,
 520 Забвенъ любезный сынъ, забвенъ вѣнецъ и тронъ,
 Лежитъ поверженна къ ногамъ ея порфира,
 И въ мысляхъ царства нѣтъ, едина въ нихъ Эмира!
 Какъ львица злобствуетъ, въ груди стрѣлу имѣвъ,
 Сумбекинь такъ на всѣхъ простерся первый гнѣвъ;
 525 Въ болѣзнь сердечная преобразилась рана;
 Встаетъ, велитъ отъ узъ освободить Османа;
 Но вспомнивъ, что уже Эмиры въ градѣ нѣтъ,
 О духи адскіе! въ свирѣпствѣ вопіетъ,
 Свое покорство мнѣ и силу вы явите,
 530 Измѣнницу въ ея пути остановите,
 Представьте вы ее на муки въ сей мнѣ часъ!...
 Вѣщааетъ; но ея невнятенъ аду гласъ;
 Тогда къ подѣйствію надъ тартаромъ потребны,
 Произнесла она еще слова волшебны:
 535 Змію въ котлѣ варитъ, Кавказскій корень третъ,
 Дрожащею рукой извитый пруть беретъ,
 И пламеннымъ главу убрисомъ обвиваетъ;
 Луну съ небесъ, духовъ изъ ада призываетъ;
 Но адскій Князь отъ ней сокрылъ печальный зракъ;
 540 Сумбека видитъ вкругъ единый только мракъ,
 Искусствомъ чародѣйствъ черты изображенны,
 Теряютъ силу ихъ, или пренебреженны:

Молчащій адъ предъ ней самой наносить страхъ;
 Тоска въ ея душѣ, отчаянье въ очахъ,
 545 Безмѣрна грусть ея и гнѣвъ ея безмѣренъ;
 Вскричала: мрачный адъ! и ты мнѣ сталъ не вѣренъ!
 Или ты, злобы Царь! безчувственъ сталъ и нѣмъ?
 Нѣтъ! тартаръ не исчезъ, онъ въ сердцѣ весь моемъ!
 Я мщенья моего безъ дѣйства не оставлю;
 550 Въ любви безсильна ставъ, враждой себя прославлю!...
 Медея такова казалася страшна,
 Когда Язону мстить стремилася она.

Но око Божіе на полночь обращенно,
 И чернокнижія свирѣпствомъ возмущенно,
 555 На сей велѣло разъ гееннѣ замолчать,
 Ко дверямъ приложивъ ужасную печать.
 Священный крестъ сія печать изображала;
 Гнетомая крестомъ, геенна задрожала;
 Сіяніемъ своимъ небесный оный знакъ,
 560 Въ подземной пропасти сугубить вѣчный мракъ,
 И козни бѣдственныхъ замкнулись чарованій;
 Не видно ихъ торжествъ, не видно пированій,
 Въ срединѣ тартара свободы лишены,
 Въ оковахъ пламенныхъ лежатъ заключены.

565 Такъ басни о сынахъ Эоловыхъ толкуютъ,
 Которы въ сердцѣ горъ заключены бунтуютъ;
 Тамъ слышенъ шумъ отъ нихъ, бореніе и стонъ,
 Колебля гору всю, не могутъ выйти вонъ.
 Спокойство потерявъ сѣдящая на тронѣ,
 570 Сумбека страждущей подобилась Дидонѣ;
 Лежаща на одрѣ потоки слезъ ліетъ,
 Почто любила я? страдая вопіетъ.

Познавъ, что адъ молчитъ, что ей любовь не внемлетъ,
 Сумбека ядъ принять въ безумствѣ предпріемлетъ,
 575 И хочетъ прекратить болѣзнь въ единый разъ;
 Но нѣкій внутренній и тихій слышитъ гласъ:
 Оставь, вѣщаетъ онъ, оставь печаль и злобу,
 Иди несчастная къ супружескому гробу;
 Услышишь отъ него спасительный отвѣтъ;
 580 Иди и упреждай Сумбека дневный свѣтъ!

Богъ чуднымъ промысломъ спасаетъ человѣка!
 Движенью тайному покорствуетъ Сумбека!
 Тоска исчезла вдругъ; воскресла твердость въ ней;
 Исполнить хочетъ то, что гласъ внушаетъ ей;
 585 На время зажила ея сердечна рана;
 Коль вѣрить лъзя тому, забыла и Османа.

Когда покровы ночь раскинетъ надъ землей,
И пахари воловъ погонятъ съ ихъ полей,
Умыслила она неколебима страхомъ,
590 Итти бесѣдовать за градъ съ супружнимъ прахомъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

- Подъ тѣнью горъ крутыхъ Казанскій видѣнь лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки;
Проходимъ дивные являющи призраки;
5 Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вокругъ цвѣты, кустарики желтѣютъ;
Когда усыплеть ночь звѣздами небеса,
10 Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи дрѣвеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожатъ, о камень, бьется камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія дрѣва колеблетъ, жжетъ, разитъ;
15 Пылаетъ гордый дубъ и тополы мастисты,
Повсюду слышатся званія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Онъ шумомъ ужасу дубравѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
20 Лѣсъ воетъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ Небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издравле для прохладъ природю основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.
25 Среди дубравы сей обширно мѣсто есть,
На коемъ ложное вниманіе и лестъ,
Надъ тлѣнной жертвою они земной утробы,
Возставили Царямъ Казанскимъ горды гробы;
Которыхъ грозная не отдала война,
30 Тѣхъ память и безъ нихъ гробницей почтена.

- О коль такая честь тщетна для человѣка!
Въ сей лѣсъ печальная должна итти Сумбека;
Не можетъ удержать сію Царицу страхъ:
Ей нуженъ въ крайности супружнинъ тлѣнь и прахъ;
35 Отчаянна любовь надеждѣ тщетной внемлетъ,
И путь назначенный Царица предприемлетъ.
Ужъ первый утра часъ на небѣ возсіалъ,
Авроринъ блѣдный путь цвѣтами усыпалъ;

Сумбека не страшась ни ноши, ни злодѣя,
 40 Надежду въ сердцѣ взявъ, и страстию владѣя,
 Судьбу свою отдавъ на произволь Небесъ,
 Отважна и бодра вступаетъ въ мрачный лѣсъ.
 Рабыни вѣрныя за нею въ слѣдъ текущи,
 Уныніе и страхъ въ сердцахъ своихъ несущи,
 45 Вступить во мрачный лѣсъ съ Сумбекой не могли;
 Трепещущи кругомъ на холмахъ возлегли.

Волшебство нѣкое, или прекрасны взоры,
 Вьющихся змievъ въ подземны гонять норы;
 Сумбекинъ будто бы почувствуя приходъ,
 50 Умолкъ звѣриный ревъ и шумъ бурливыхъ водъ;
 Мечтанія отъ ней и страхи удалились,
 Казалось, древеся предъ нею разступились;
 И вихри пламенны престаи въ вѣтви дуть;
 Все кроется отъ ней, и все даетъ ей путь.

55 Уже въ печальную она долину входитъ,
 На гробы Царскіе смущенный взоръ возводитъ:
 Унылость у гробницъ, потокомъ слезъ ліясь,
 Сѣдяща зрится тамъ на гробъ облокотясь;
 Тоска свою главу на грудь печальну клонить,
 60 И въ томномъ шествиі повсеминутно стонеть;
 Раскаяніе грудь свою разяще тамъ,
 Терзающе власы является очамъ;
 Тамъ пышность на себя съ отчаяньемъ взираетъ,
 И мнится каждый часъ съ Царями умираетъ;
 65 Къ лежащей гордости свирѣпый змій ползетъ,
 И внутренну ея терзаетъ и грызетъ;
 Тамъ рвется узами окованна кичливость;
 Подъ камнями лежитъ стена несправедливость;
 Всечасно видимы тамъ всѣ пороки тѣ,
 70 Которые Цари творили въ животѣ:
 Неправедна война, забвеніе вѣрной службы,
 Презрѣніе къ сиротамъ и нарушеніе дружбы;
 Тамъ горестъ мучить ихъ, тоска, и зной, и хладъ.
 Во образѣ такомъ изображаютъ адъ,
 75 Въ которой мстящими включенны Небесами,
 Порочные Цари мученіе терпятъ сами....
 Печальный твой покровъ, о Муза! опусти;
 Гробницы Царскія и жизнь ихъ возвѣсти.

Тамъ видѣнъ черный гробъ свирѣпаго Батыя,
 80 Которымъ вольности лишилася Россія.
 Онъ полночь съ пламенемъ и западъ пробѣгалъ,
 Рѣками кровь точилъ и грады пожигалъ;
 Богемію держалъ и Польшу подъ пятою;
 Сей варваръ былъ почтенъ какъ Богъ Ордой златою.

- 85 Москва, лишенная цвѣтущей красоты!
 Преобратилась въ прахъ его набѣгомъ ты!
 Подъ пепломъ зрѣлися твои прекрасны дома;
 Дѣвицы были въ плѣнъ изъ стѣнъ твоихъ влекомы;
 Позорной смертію кончали старцы вѣкъ;
 90 По улицамъ ручей невинной крови текъ;
 Дать сердцу твоему послѣдніе удары,
 Оставилъ твой злодѣй тебѣ одни пожары.
 Какъ бурный вихрь, прешедъ Россію всю Батый,
 Коснулся и тебѣ, о Кіевъ! градъ святой:
 95 Господни храмы тамъ сокровищей лишились,
 Надолго красныя мѣста опустошились;
 Гдѣ крестъ Пророческій Андреемъ водруженъ,
 Тамъ видъ, плачевный видъ, развалинъ положенъ;
 И вмѣсто пѣнія отшельцовъ сладкогласныхъ,
 100 Сталь вѣтровъ слышенъ шумъ, и ревъ звѣрей ужасныхъ.

- Сіи нещастія, погибель и бѣды,
 Бунтующихъ Князей родились отъ вражды,
 Когда за скипетры другъ съ другомъ воевали,
 И хищною рукой вѣнцы съ чела срывали.
 105 О Муза! какъ сіи напасти возглашу?
 Я токи слезъ лію, когда о нихъ пишу.
 Сынъ всталъ противъ отца, отецъ противу сына,
 И славой сдѣлалась пронырливость едина;
 Не уважаючи въ Россіи общихъ золь,
 110 Стремился похищать у брата братъ престоль.
 Россія надъ главою узрѣла вѣчны тѣни,
 И раздробленна вся поверглась на колѣни;
 Въ ней жало зависти кровавый тронъ вертѣлъ;
 Батый на зыблему Россію налетѣлъ;
 115 Такъ юныхъ двухъ тельцовъ, гдѣ гладный волкъ встрѣчаетъ,
 За паству бьющихся, въ добычу получаетъ.

- Толикихъ золь Батый причиной Россамъ былъ;
 Онъ кровью ихъ Князей престолы ихъ омылъ:
 Но чтожь осталось отъ сей причины страха?
 120 Единый мрачный гробъ, и горсть истлѣвша праха;
 Кто прежде гордостью касался Небесамъ,
 Того остатки вихрь разноситъ по лѣсамъ;
 Льстецы прибѣжища ко праху не имѣютъ;
 Лишь спятъ на немъ зміи, и только вѣтры вѣютъ.
 125 О вы, которымъ весь пространный тѣсенъ свѣтъ,
 Которыхъ слава въ брань кровавую зоветъ!
 На прахъ, на тлѣнный прахъ Батыевъ вы взгляните,
 И гордости тщету съ своею соравните,
 Не кровью купленный прославитъ васъ вѣнецъ,

130 Но славить васъ любовь подвластныхъ вамъ сердець.

Изъ твердыхъ камней тамъ составленна гробница,
Подъ нею погребенъ насытый кровопійца,
Сартакъ, Батыевъ сынъ. Онъ слѣдуя отцу,
Коснулся Суздальскихъ владѣтелей вѣнцу,

135 И робость сѣя въ нихъ, противу общихъ правилъ,
Своихъ начальниковъ по всей Россіи ставилъ.

Тамъ въ тлѣнномъ гробѣ спитъ Баркай, Батыевъ братъ,
Чинившій горести Россіи многократъ,
Онъ чувствуя въ войнѣ свое изнеможенье,

140 Россіянъ принуждалъ себѣ на вспоможенье;
Но днесъ на небесахъ носящъ вѣнецъ золотый,
Отважный Александръ, Князь храбрый и святой,
До самой крайности ихъ власть не допуская,
Татаръ не защищать, склонить умѣлъ Баркая.

145 Тамъ врановъ слышенъ крикъ, производящій страхъ,
Крылами вѣющихъ Менгу-Темировъ прахъ;
Отмщается ему сія по смерти рана,
Которой онъ пресѣкъ дни храбраго Романа.
Цари! мученья вамъ сулятса таковы,

150 Подъ видомъ дружества гдѣ зло чините вы.

Тамъ видится Узбекъ, лишенный вѣчно свѣта;
Онъ первый принялъ тму и басни Махомета;
Россію угнѣталъ сей Князь во весь свой вѣкъ,
Онъ именемъ своимъ Ордынскій родъ нарекъ.

155 Тамъ дремлетъ блѣдный страхъ, на гробѣ возлегая,
Россійскаго врага, невѣрнаго Нагая,
Который въ родственннй съ Князьями вшедъ союзъ,
Уважить не хотѣлъ родства священныхъ узъ,
Мечемъ и пламенемъ опустошалъ Болгары;

160 Днесъ терпитъ въ адѣ самъ подобные удары.

Тамъ видѣнъ изъ земли твой черепъ, Занибекъ;
О ты, свирѣпый Царь, и лютый человекъ
Который гордаго принудилъ Симеона,
Искать Россійскаго твоей рукою трона.

165 Сей братіевъ родныхъ для царства погубя,
Усилилъ страшну власть въ Россіи и себя;
Простерши въ сердце къ ней грабительныя длани,
На храмы Божіи взложилъ позорны дани:
Но Богъ, отъ горнихъ мѣстъ бросая смутный взоръ,

170 Въ отмщеніе послалъ на Орды гладъ и моръ,
И смерти Ангелъ ихъ гонящъ мечемъ суровымъ,
Разсыпалъ по брегамъ при Донскимъ и Днепровымъ;
Являются главы и тлѣнны кости тамъ;

- Мнѣ тѣни предстоятъ ходящи по холмамъ,
 175 Я вижу межъ древесъ стѣнящаго Хидира,
 Который кроется по смерти отъ Темира.
 Темиръ свирѣпый мечъ простеръ въ полночный край,
 Но съ трона свергъ его безвремянно Мамай;
 Мамай какъ будто бы изъ нѣдръ изшедый земныхъ,
 180 Въ Россію прилетѣлъ со тучей войскъ наемныхъ,
 Къ нему склонилися, измѣны не тая,
 Противъ Димитрія Россійскіе Князья;
 Обширныя поля ихъ войски покрывали,
 И рѣки цѣлыя въ походѣ выпивали.
 185 Такую Перскій Царь громаду войскъ имѣлъ,
 Когда съ угрозами на древнихъ Грековъ шелъ;
 Но лавры жнутъ побѣдъ не многими полками,
 Сбираютъ въ брани ихъ геройскими руками.
 Оставилъ намъ примѣръ отважности такой,
 190 Ко славѣ нашихъ странъ, Димитрій, Князь Донской;
 Съ Непрядвой онъ смѣшалъ Татарской крови рѣки.
 Мамай ушелъ въ Кафу, и тамъ погибъ на вѣки;
 Но вскорѣ ожививъ вражда Ордынскій прахъ,
 Повергла съ пламенемъ въ предѣлы наши страхъ;
 195 Хотя Казань не разъ поверженна лежала,
 Но вновь главу поднявъ, злодѣйства умножала;
 Томилися отъ ихъ Россіяне Царей;
 Ей много золъ нанесъ послѣдній Сафгирей.

Ялялась гордая надъ симъ Царемъ гробница.

- 200 Едва приближилась къ ней томная Царица,
 Какъ будто въ оный часъ супруга лишена,
 На хладномъ мраморѣ поверглася она;
 Всѣ члены у нее дрожали, разрушались;
 Власы разбилися, и съ прахами смѣшались;
 205 Разить себя во грудь, горчайши слезы льеть,
 Дражайшій мой супругъ! Сумбека вопіеть;
 Какой мы лютою разлучены судьбою;
 Но ахъ! достойнать я стѣнать передъ тобою?
 Я та, которая тебя забыть могла,
 210 Въ чьемъ сердцѣ новый огонь любовна страсть зажгла.
 Увы! я тѣмъ себя и паче обвиняю,
 Что твой цѣлуя прахъ, рыдаю и стенаю:
 Достойно ли моимъ слезамъ мѣшаться съ нимъ,
 И быть услышаннымъ стѣнаніямъ моимъ?
 215 Потоки слезъ моихъ изъ тѣхъ очей катились,
 Которы къ прелестямъ другава обратились;
 И стонъ, позорный стонъ, изъ сердца извлечень,
 Которымъ сталъ иной супругомъ наречень,
 Уста вѣщаючи тебѣ свои печали,
 220 Не давно прелести другава величали.

- Но бѣдная твоя и сирая жена,
Совмѣстникомъ твоей любви отомщена;
Конечно онъ мою невѣрность ясно видитъ,
Во образѣ моемъ порокъ мой ненавидитъ.
- 225 О! естли можешь ты прейти изъ тмы во свѣтъ;
Встань мой Царь! встань! подай ты мнѣ совѣтъ;
Твоею смертію отъ брака свободенна,
Входитъ въ другой союзъ я зрюся принужденна;
Отъ подданныхъ моихъ къ неволѣ я влекусь.
- 230 Но съ кѣмъ я брачными цѣпями сопрягусь?
Одни противъ себя не видя обороны,
Со мной вступаютъ въ бракъ лишь только для короны;
Съ кѣмъ сердце я дѣлю, любви не вижу въ томъ,
Любви того бѣгу, зажгла я сердце въ комъ.
- 235 Кому пожертвую себя, мой тронъ, и сына?
Мой Царь! въ твоихъ рукахъ Сумбекина судьбина;
Скажи, что дѣлать мнѣ?... Но ты во гробѣ спишь!
О тѣнь, любезна тѣнь! ты слезъ моихъ не зришь.
Дабы спокойствіе твоя вдова имѣла,
- 240 Мнѣ тѣнь твоя притти къ гробницѣ повелѣла,
И нѣкій тайный гласъ привлекъ въ мѣста сіи;
Внемли стенанія и жалобы мои....
При сихъ словахъ она объемлетъ гробъ руками,
И слезы горькія ліетъ надъ нимъ рѣками;
- 245 Тревожа въ сихъ мѣстахъ Царей усопшихъ сонъ,
Сумбекинъ слышался между гробами стонъ;
Отъ гласа плачущей и рвущейся Царицы,
Поколебалися и прахи и гробницы;
Покрыты мхомъ сѣдымъ и терномъ многи дни,
- 250 Сходящи съ мѣстъ своихъ казалися они.
Завылъ ужасный вихрь, земля кругомъ дрожала;
Сумбека слыша то, во ужасѣ лежала,
Казалося, ее внезапно чувствъ лиша,
Ушла изъ ней во гробъ смущенная душа.
- 255 И тлѣнность жизненнымъ дхновеньемъ оживилась.
Дверь гроба отворивъ, тѣнь Царская явилась;
Какъ нѣкій дымъ густой подьмелется она,
Но въ образъ видится мгновенно сложена,
Одежду прежнюю и прежній видъ пріемлетъ,
- 260 Все ясно окрестъ зреть, всему спокойно внемлетъ.
Тогда отъ горести почти лишенной силъ,
Царицѣ голосомъ унылымъ возгласилъ....
Но тщетно движитъ онъ уста и отверзаетъ,
Составленная рѣчь въ гортани исчезаетъ.
- 265 И Провидѣніе на крыліяхъ паритъ,
Поверхъ его главы небесный огонь горитъ;

Тончаетъ мракъ предъ нимъ кругомъ лежащей ночи,
 Повсюду у него и ушеса и очи.
 Нѣтъ въ вѣчности отъ нихъ сокрытаго часа;
 270 Какъ хартія ему отверзты небеса;
 И тако предлежатъ, какъ чистое зеркало,
 Мірскихъ вещей конецъ, середина и начало.
 Непостижимое такое божество,
 Тѣнь Царску облекло во прежне существо;
 275 И только мысль его сіяньемъ озарило,
 На будущіе дни глаза ему открыло;
 Черезъ прошедшее давало разумѣть,
 Коль горько, не познавъ блаженства, умереть....
 О Муза! пѣть хочу дѣла необычайны,
 280 И нѣкія открыть природы скромной тайны;
 Восторгомъ пламеннымъ наполнился мой духъ,
 Да внемлетъ пѣсни сей имущій внятнѣй слухъ.

Не постигая самъ толь важныя премѣны,
 Изшелъ изъ гроба Царь, и хладны движитъ члены;
 285 Но больше Ангела парящаго не зритъ;
 Къ Сумбекѣ приступивъ, стоная говоритъ:
 Разторгнуты мои съ тобою смертью узы,
 По смерти бракъ забвенъ, забвенны всѣ союзы.
 Почто, несчастная! требожишь тѣнь мою?
 290 Мнѣ тяжко то, что я изъ гроба встаю;
 Но дамъ тебѣ совѣтъ, о сынѣ сожалѣя:

О! естли изберешь супругомъ ты Алея,
 Любовью пламенной возженнаго къ тебѣ:
 Симъ бракомъ угодишь народу и судьбѣ,
 295 Не будетъ слышенъ громъ Россійской грозной брани,
 Доколѣ Царь Алей не выдетъ изъ Казани;
 Люби его, люби! Но что я говорю?
 Я нѣкую мечту, иль точну бытность зрю!...
 При сихъ словахъ смутясь, тѣнь Царская трепещетъ,
 300 На мрачны небеса печальны взоры мещетъ,
 И паки въ темный гробъ стремится убѣжать;
 Но хочетъ тѣнь сію видѣнье удержать.....
 Увы! мнѣ кажется, что ты чрезъ духъ и воду,
 Сумбекѣ онъ сказалъ, премѣнишь вдругъ природу;
 305 Тебѣ отверзутся и съ сыномъ небеса;
 Вы новы узрите во свѣтѣ чудеса;
 Обѣихъ вижу васъ, я вижу предъ очами,
 Какъ свѣтлой ризою одѣянныхъ лучами;
 Но какъ исполнится? что значить все сіе?
 310 Безсильно то постичь понятіе мое!...
 Вѣщаль, и будто бы ума во изступленьѣ,
 Вторично видитъ онъ сквозь мраки провидѣнье,

- Которо смутну тѣнь желая наказать,
 Ей будущіе дни хотѣло показать.
- 315 Тогда подъемлется времянъ завѣса мрачна,
 И вѣчность вокругъ него открылася прозрачна;
 Ему познаніе о видимомъ даетъ;
 Царь зная жребій свой, Сумбекъ вопіеть:
- Увы! я чувствую позоръ Махометанства,
- 320 И зорю въ сихъ мѣстахъ встрѣчаю Христіянства,
 Подъ защищеніемъ она грядетъ Небесъ,
 Освѣтитъ всю Казань и сей дремучій лѣсъ,
 На сихъ мѣстахъ, гдѣ мы спокойный сонъ имѣли,
 Гдѣ нашъ тревожитъ прахъ живущіе не смѣли;
- 325 На самыхъ сихъ мѣстахъ созижденъ будетъ домъ,
 Всечасно мечущій на Махомета громъ.
 Вода, сіи мѣста и древеса кропяща,
 Насъ больше будетъ жечь, геенна чѣмъ паляща,
 Куреніе мастикъ и пѣсней сладкій гласъ,
- 330 И день и ночь въ гробахъ тревожитъ будутъ насъ;
 Пришельцы бѣдствія и нашу грусть умножатъ,
 По праху нашему слѣды они проложатъ;
 Гробницы гордыя ногой своей попрутъ,
 Убранства Царскія изъ оныхъ извлекутъ.
- 335 Здѣсь видя крестъ взнесенъ на вышнія степени,
 Не могутъ обитать гонимы наши тѣни.
 О! естли я когда тобою былъ любимъ,
 Терпѣть такой позоръ не дай костямъ моимъ;
 Внемли унылому желанію просящихъ,
- 340 Собратіевъ моихъ со мной Царей лежащихъ;
 Вторичну нашу смерть Сумбека упреждай,
 Огню съ гробами нашъ печальный прахъ предай...
 Какъ вѣтеръ горъ крутыхъ въ ущелии шумящій,
 Такъ слышанъ отъ гробовъ былъ гласъ производящій.
- 345 Сумбеку томную холодный потъ покрылъ;
 Но Царь печальную симъ словомъ ободрилъ:
- Не бойся! жалобы къ тебѣ Цари приносятъ,
 Се! помощи твоей нещастны предки просятъ;
 Отъ бѣдства и стыда ихъ тлѣніе избавь,
- 350 На поруганіе Россіянъ не оставь;...
 Который мысль мою на казнь мнѣ просвѣщаетъ,
 Мнѣ Ангелъ таинства открыть не запрещаетъ,
 Дабы спокойна ты во свѣтѣ семъ была!
 Увидишь дивныя въ дубравѣ сей дѣла,
- 355 И можешь прахъ спасти нещастнаго супруга,
 Хранящаго тебѣ во узахъ смерти друга;
 Исполни, что велю: Здѣсь древній тополь есть,
 На коемъ начала гнѣздо орлица плестъ:

- Удобно сыщешь ты подь онымъ древо знакомъ,
360 Оно окружено густой травой и злакомъ;
Пожни сію траву, и корень обнаживъ,
Сей корень извлеки, тамъ ключъ увидишь живъ;
Изчерпай изъ него до дна текущу воду,
И влагу ты найдешь совсѣмъ другаго роду;
365 Зелену древа вѣтвь отъ тополя простри,
И влагу оную поспѣшно собери.
Когда ты все сіе рачительно исполнишь,
То мой еще завѣтъ вторичный да напомнишь:
Ни змѣй ползущихъ вокругъ, ни тѣней не страшись;
370 Спаси супружникъ прахъ, спасти себя рѣшишь;
Теки на слезныя сіи мѣста обратно,
Исполни третіе, что всѣмъ Царямъ пріятно:
Что помнишь ты меня, Сумбека, докажи,
Гробницы вѣтвями сухими окружи;
375 Кропи, кропи на насъ изчерпнутую воду,
Дай смерти плѣнникамъ желанную свободу,
И жди подѣйствія отъ сихъ волшебныхъ водъ,
Доколѣ солнечный покажется возходъ.
Тогда познаешь ты, коль дивенъ Богъ бываетъ,
380 Когда на судъ къ себѣ Онъ грѣшныхъ призываетъ;
А ты безстрашна будь! Но свѣтитъ ужъ заря;
Сокрылся Сафгирей, то слово говоря,
И рѣчи Царскія внимались во гробницѣ,
Повелѣвающи начать свой трудъ Царицѣ.
- 385   Хотя приказъ такой Сумбеку возмущаль,
Исполнила, что ей супругъ ни возвѣщаль,
И злаки и траву вокругъ тополя находить;
Но самый сей успѣхъ въ боязнь ее приводитъ:
Отводитъ водный токъ и влагу достааетъ,
390 Сухія вѣтвія отъ тополовъ беретъ.
Кострами ихъ она расклала межъ гробами,
Водою оросивъ и горькими слезами.
Тогда всходящее въ небесну высоту
Горяще солнце всю явило красоту,
395 Живительны лучи на шаръ пустило земный,
И въ первый ими разъ сквозь лѣсъ проникло темный.
Стоящи дресеса во мракѣ въ той странѣ,
Казалися очамъ какъ будто бы въ огнѣ;
Пускаютъ страшный вопль на нихъ нощныя птицы;
400 Простерся блѣдный свѣтъ на мрачныя гробницы,
И будто молнія сверкнувшая въ ночи,
Въ долину слезную бросаются лучи;
До сложенныхъ костровъ Сумбекой достигаютъ,
Сухія вѣтвія и влагу возжигаютъ.

- 405   Такія въ древности явили чудеса,
 Пророческой рукой въ Персидѣ Небеса;
 Когда олтарнаго огня въ землѣ искавый,
 И вмѣсто онаго воды гнѣздо доставый,
 Неемій вѣтвія сухія напоилъ,
 410 И солнцевъ лучъ огонь отъ вѣтвей воспалилъ.
- Подобно вѣтвія Сумбекой разложенны,
 При восходѣ солнечномъ содѣлались возженны;
 И пламень межъ гробницъ водимый какъ рукой,
 Простерся огненной віющейся рѣкой;
 415 Одежды Царскія и кости разрушаетъ.
 Сумбека пламень сей слезами утушаетъ.
 Но воля праведныхъ исполнилась Небесъ;
 Уже Батыевъ гробъ сгорѣлъ, погибъ, исчезъ,
 Субека Царску тѣнь винитъ и провидѣнье,
 420 Какъ облакомъ луна въ ней тмится разсужденье;
 Желаетъ отъ гробницъ огни скорѣй отвлечь,
 Но огонь, какъ бурный вихрь, спѣшитъ гробницы жечь,
 И разстиляется волнами красный пламень:
 Горящій стонетъ лѣсъ, жестокій таетъ камень.
 425 Касается пожаръ пригоркамъ и кустамъ,
 Но невредимою Царица зрится тамъ.
 Уже гробницы вокругъ свирѣпый огонь объемлетъ;
 Пылаетъ Сафгирей! Сумбека ризу съемлетъ,
 И хочетъ защищать супруговъ тлѣнный прахъ....
 430 Вдругъ чувства у нее объемлетъ новый страхъ:
 Увидѣла она изъ сихъ гробовъ горящихъ,
 Какъ будто изъ воды героевъ изходящихъ;
 Одежды Царскія являлися на нихъ,
 Но блѣдны зрѣлися и смутны лица ихъ:
 435 Какъ тонки облака зефирами гонимы,
 Цари по воздуху несомы были зримы;
 Не держитъ пламень ихъ, не держитъ ихъ земля,
 Но вѣтры повлекли въ геенскія поля;
 И нудитъ нѣкое упорное влеченье,
 440 Послѣднее творить со свѣтомъ разлученье.

                Какъ лѣтнихъ нѣжныхъ птицъ отъ полунощныхъ странъ,
 Осенній гонитъ хладъ за дальній Окіанъ:
 Бѣгутъ изъ пламени печальны тако тѣни,
 Отверзилъ въ бездну имъ струистый огонь степени.

- 445   Эката! пламенникъ на время воспали,
 И видѣтъ внутренность геенны мнѣ вели!
 Отверзлись предо мной со трепетомъ и громомъ,
 Мѣста, Аидовымъ слывуть которы домомъ;
 Собравъ грубѣйшее твореній существо,

- 450 Устроило его во гнѣвѣ Божество.
Небесный сколько огонь другихъ вещей тончае,
Толико адъ существъ во свѣтѣ всѣхъ тяжчае;
Три краты девять числъ сіе вселенной дно,
Отъ круга звѣзднаго лежитъ отдалено.
- 455 Тамъ представляется волнами вѣчный пламень,
Тамъ видима земля, какъ раскаленный камень;
Зловонный всходитъ паръ отъ загустѣвшихъ водъ;
Изъ мрака ссѣвшійся объемлетъ бездну сводъ;
Но свода темнаго проникнуть не возможно:
- 460 Подъ онимъ сѣтуютъ ведущи дни безбожно;
Тамъ скрежетъ, вопли, плачь, бѣжить оттолѣ сонъ,
Дыханье грѣшниковъ, повсеминутный стонъ;
Тамъ души въ трепетѣ ко сводамъ возлетаютъ,
Но преткноѣніе поѣсюду обрѣтаютъ,
- 465 И тлѣютъ бездны сей, какъ искры, въ исподи;
Тамъ вихри огненны, тамъ пламенны дожди.
Надежды сладкой нѣтъ во мрачной сей державѣ;
Тамъ вижу злыхъ вельможъ, живущихъ прежде въ славѣ;
Недремлющая грусть тревожитъ тѣни ихъ,
- 470 Драконы огненны вращаются вокругъ нихъ;
Тамъ души истинну по смерти познаваютьъ;
Но грѣхъ свой явно зря, томятся, унываютьъ;
Плотская сладость ихъ преобразилась въ ядъ;
Отрады въ мукахъ нѣтъ: грѣхъ самъ собою адъ!
- 475 Святою вѣрою желая просвѣтиться,
Стараются они на землю возвратиться,
На солнце съ плотію въ раскаянѣ възрѣть,
Дабы спокойнѣе вторично умереть:
Но таинственна цѣпь, какъ змѣй кругомъ лежала,
- 480 И въ заключеніи преступниковъ держала.
Тамъ самолюбіе, увидя адско дно,
Познало, что тщетой прельщалося оно;
Постигнувъ райскаго веселія изрядство,
Познало тлѣнъ сребра, несытое богатство,
- 485 И слезы отъ него, которыя текли,
Какъ огненна роса богатыхъ тѣни жгли.
Тамъ сладострастіе весь адъ пронзаетъ стономъ,
Имѣя равну часть во тмѣ со Иксиономъ:
Являются еще прелестны тѣни имъ,
- 490 Коснутся ихъ устамъ, и превратятся въ дымъ;
Тамъ вѣчный терпитъ хладъ угрюмая измѣна;
Мучитель вокругъ себя кровавы зритъ знамена,
Трепещущи тѣла, мечи, оковы, гладъ,
Которы отъ него скрываютъ Божій градъ;
- 495 Тамъ страхъ смиренію кичливы души учитъ;
Прошедшее враговъ и будущее мучитъ.

Батый, какъ будто бы послѣдуемъ отъ тѣхъ,
 Которыхъ кровь излить не ставиль онъ за грѣхъ,
 Со трепетомъ глаза на небеса возводить;
 500 Но блескомъ ихъ сраженъ, въ подземный мракъ уходитъ;
 Изъ пламени ему устроенъ тамо тронъ,
 Бѣжить, но слышится по немъ во гробѣ стонъ.

Преемники его злодѣйствами не сыты,
 Низходятъ въ адъ за нимъ, зміями вокругъ увиты;
 505 Сопровождаетъ вопль на адски муки ихъ,
 И вѣчно кроется душевный миръ отъ нихъ;
 То жажда тѣни ихъ, то гладъ, то зависть мучить,
 И быти добрыми чрезъ то живущихъ учить.
 Но тщетно мрачный адъ мучителямъ грозитъ,
 510 Ихъ тщетно молнія стращаетъ и разить!
 Умретъ едино зло, другое возрастаетъ;
 Какъ язва страшная по всей землѣ летаетъ,
 Тѣснить, свирѣпствуетъ, терзаетъ, множить стонъ.
 Нѣтъ, кромѣ слезъ, иныхъ безсильнымъ оборонъ;
 515 И естли въ тѣ часы гонитель не трепещетъ,
 Когда земля дрожить и небо грома мещетъ;
 Что пользы, что стихи въ улику ихъ пишу?
 Ахъ! естли каплю слезъ невинныхъ осушу,
 И малую подамъ печальному отраду:
 520 Уже я получилъ за слабый трудъ награду!
 Злощастье облегчилъ текущій нынѣ вѣкъ;
 Сталъ меньше въ наши дни несчастенъ человѣкъ,
 Да вѣчно таковымъ блаженствомъ усладимся...
 Но мрачный лѣсъ завылъ, тѣнь стонетъ; обратимся!

525 Свирѣпый Тахтамышъ, какъ огненной стрѣлой
 Свергается во адъ для вѣчной казни злой;
 Тамъ тѣней вокругъ себя онъ узритъ вопіющихъ,
 И пламеннымъ бичемъ во тмѣ его біющихъ.
 То тѣни мстительны несчастныхъ тѣхъ людей,
 530 Которыхъ умертвилъ мучительски злодѣй.
 Но большимъ варваръ сей терзается призракомъ,
 Встрѣчаясь со врагомъ своимъ Темираксакомъ.
 Жестокій оный врагъ родился пастухомъ,
 И ставъ разбойникомъ, Монархомъ былъ по томъ;
 535 Каковъ былъ съ посохомъ, таковъ онъ и въ коронѣ:
 Разбойникъ былъ пастухъ, разбойникъ сталъ на тронѣ.
 Страдаетъ въ адѣ самъ теперь Темираксакъ,
 Но страшенъ для Царей его и тамо зракъ.

Тамъ кроется во тму, боясь небесна свѣта,
 540 Трепещущая тѣнь Царя Улу-Махмета,

Отъ собственныхъ сыновъ который бывъ гонимъ,
 Обязанъ сталъ Москвѣ спасеніемъ своимъ;
 Своихъ защитниковъ привлекъ коварствомъ къ брани,
 И Россовъ побѣдивъ, направилъ путь къ Казани,
 545 Развалины ея и тронъ возобновилъ,
 Враждующихъ змиевъ Россіи оживилъ;
 Подъ пепломъ злобу онъ сокрытую возставилъ.
 И стрѣлы на Москву изъ дерзкихъ рукъ направилъ.
 Но дружбы прерванной въ отмщеніе и въ знакъ,
 550 Жизнь отнялъ у него и сына Мамотякъ.
 Улу-Махмета скорбь сія еще терзаетъ,
 Нося въ рукахъ своихъ младенца, лобызаетъ,
 И въ адъ свергаяся, уже онъ муки зреть,
 Которыми ему ночь вѣчная грозитъ:
 555 Тамъ въ узы огненны онъ будетъ въ вѣкъ закованъ,
 И пламенный вѣнецъ злодѣю уготованъ.

Тебя идущаго зоветъ съ весельемъ адъ,
 О ты, поруганный и гордый Царь Ахматъ!
 Еще твой духъ грызетъ; Басма твоя попрадна
 560 Стопами храбраго Монарха Іоанна,
 Который ко твоей гибели рождень,
 Которымъ при Угрѣ въ конецъ ты побѣжденъ,
 И слава дѣлъ твоихъ на вѣки пролетѣла;
 Ордынская твоя держава запустѣла.
 565 Спѣши во мрачный адъ, и тамо нынѣ зри,
 Что должны гордые во тмѣ терпѣть Цари!
 Они позорныя оковы тамо носятъ,
 Послѣдніе рабы за гордость ихъ поносятъ,
 И ихъ несчастія во свѣтѣ семъ творцы,
 570 Надъ ними подлые ругаются льстецы;
 Они поруганны народомъ зрятъ короны,
 Потомки съ мерзостью на ихъ взираютъ троны;
 Тираны бѣдствія такія терпятъ тамъ,
 Которыя дадутъ ужасный видъ стихамъ.
 575 Но, Муза! вѣчному терзанью ихъ оставимъ,
 И добродѣтели единыя прославимъ.
 О! естьли кто ея не знаетъ красоты,
 Несчастень! Царь ли есть, или невольникъ ты.
 Для душъ чувствительныхъ болѣзнь несчастныхъ бремя,
 580 И тѣней страждущихъ оставить, Музы! время.

Выходитъ наконецъ смущенный Сафгирей;
 Онъ горести въ себѣ вмѣщаетъ всѣхъ Царей,
 Глазами томными Сумбеку озираетъ,
 Къ ней съ трепетомъ идетъ, и руки простираетъ:
 585 Простись, вѣщаетъ ей, простись на вѣкъ со мной!
 И нашъ ко аду путь не ставъ твоей виной;

- Ты насъ связующи оковы разрѣшила,
И то, что насъ въ гробахъ держало, сокрушила;
Пороки, кои мы творили въ свѣтѣ семъ,
590 Не отдѣлялися отъ нашихъ тѣлъ ничѣмъ,
И насъ они къ землѣ прикованныхъ держали;
Мы тысячію мукъ гнѣтомы здѣсь лежали.
Но солнечный огонь очистилъ нынѣ насъ,
И мы съ веселіемъ идемъ во адъ сей часъ;
595 Не плачь теперь! ты намъ огнями угодила,
И насъ отъ близкаго позора свободила.
Увы!... Ордынску власть Россія изтребить,
Меча ея ничто отъ насъ не отвратить;
На огонь, который насъ палить и очищаетъ,
600 Россійскимъ воинамъ погибель предвѣщаетъ.
Ахъ! вскорѣ новый здѣсь сіяти будетъ свѣтъ,
И водрузится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ!
А мы отъ муки сей избавлены тобою.
Зоветь насъ грѣхъ во адъ, какъ нѣкою трубою;
605 Спасай себя и тронъ, спасай и слезъ не лей:
Возстань! почувствуйся! ужъ близокъ Царь Алей;
Исполни ты мои слова и завѣщанье!
- Сумбеку тронуло толь горькое прощанье.
Какъ будто громовой стрѣлой поражена,
610 Хотѣвша вымолвить, безмолвствуетъ она;
Лѣсъ солнечнымъ тогда сіяньемъ озарился;
Сумбека впала въ сонъ, и Сафгирей сокрылся.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

- Уже златую дверь Аврора отворила,
И ризой небеса червленной озарила.
Усердной ревностью къ Россіи пробужденъ,
Явился Царь Алей въ тѣни Казанскихъ стѣнъ;
5 Парящій такъ орелъ по воздуху высоко,
На птицъ трепещущихъ кидаетъ быстро око,
И видя ихъ мятежъ, висящъ межъ облакъ, ждетъ,
Куда удобнѣе направить свой полетъ.
Ордынскимъ жителямъ въ напасть и въ оскорбленье
10 Приходитъ Царь познать Казани укрѣпленье;
Сопровождается во подвигъ своемъ
Стрѣлами легкими и острымъ копіемъ.
Когда Алей воздѣлъ глаза на градску гору,
Святой законъ предсталъ его смущенну взору;
15 Зеленый на главѣ его вѣнецъ лежалъ,
Обвитый пальмами онъ крестъ рукой держалъ;
Зарѣ подобная на немъ была одежда,
Въ очахъ его любовь, и вѣра и надежда;
Какъ двѣ звѣзды, глаза къ Алею обращалъ,
20 Онъ лирнымъ голосомъ сіи слова вѣщаль:
Бѣги Алей! за чѣмъ въ страну пришелъ невѣрну?
Здѣсь водный токъ огню, цвѣты подобны терну;
Здѣсь кроютъ молніи и ужасъ небеса,
И заразительны пріятные лѣса.25 Какъ утренни пары, сокрылося видѣнье;
Алей вострепеталъ, и впалъ во размышленье.
Онъ мыслить самъ въ себѣ: какія можетъ мнѣ
Напасти приключить токъ водный въ сей странѣ?
Пристойноль рыцарю такое искушенье?
30 Подъѣхалъ къ роцѣ онъ въ надеждѣ и въ сумнѣннѣ.
Уже дремучій лѣсъ казался освѣщенъ,
Который терніемъ былъ прежде зарощенъ;
Живущи духи въ немъ и мраки исчезали,
Зефирамъ древесна дороги отверзали;
35 И солнце озлативъ лучемъ вершины ихъ,
Казалось взирать съ веселіемъ на нихъ.
Мѣшался блескъ его съ зелеными листьями,
Какъ онъ мѣшается со влажными струями;

- Сіяніе лучей, встрѣчаясь съ темнотою,
40 Явилось лунною одеждою златой.
Приемлетъ Райскіе сія дубрава виды,
И свой преноситъ тронъ въ зеленость сынъ Киприды.
Животвореніе, летая въ слѣдъ за нимъ,
Древамъ приноситъ цвѣтъ, приноситъ роскошь имъ;
45 Явились вездѣ забавы и отрады:
Подъ тѣнью пляшущи представились Дріяды;
На вѣтвяхъ соловьи Авроринъ всходъ поютъ,
Ключи прозрачные въ пригоркахъ злчныхъ бьютъ,
И въ мѣлкіе они источники дѣлятся;
50 Наяды ихъ струи свивая веселятся;
И вѣтры нѣжные, играя во цвѣтахъ,
Благоуханіе разносятъ на крылахъ.
Лужайки процвѣли, и воздухъ оживился;
Проснулось эхо тамъ, Нарцисъ у водъ явился;
55 Такія видимы всемѣстно красоты,
Какихъ не можешь кисть очамъ представить ты!
Щастливѣе тѣхъ мѣсть, чѣмъ славилася Енна,
Гдѣ дщерь Церерина Плутономъ похищенна,
Иль можно ихъ равнять съ прекрасною страной,
60 Гдѣ древній царствовалъ садами Алкиной.
Тамъ разныхъ прелестей совокупились роды,
Которы красота являетъ намъ природы.
Какъ чистое стекло влечется водный токъ,
На днѣ имѣющій жемчугъ, златый песокъ;
65 И будто въ зеркалѣ вода изображаетъ
Все то, что берега цвѣтущи окружаетъ.
Зелены деревья сомкнувшись въ кругъ стоятъ,
Вершины преклонивъ въ источники глядятъ;
Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются,
70 Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники въ травѣ віся говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностію зрятъ;
Зефиры рѣзвые листочки ихъ цѣлуютъ,
Струи въ ключахъ крутятъ, въ зелены вѣтви дуютъ.
75 Ужe представился не тотъ печальный лѣсъ,
Гдѣ не былъ видимъ свѣтъ ни солнца, ни небесъ;
Кореньями дерева въ то время не свивались,
Другъ къ другу преклонясь, вершины отревались;
Теперь любвныя въ нихъ чувства встаютъ,
80 Другъ другу вѣтвія, какъ руки подають;
И составляютъ изъ нихъ густые своды,
Подъ коими сквозь лѣсъ перебирались ходы;
И словомъ, зрится тамъ прекрасный вертоградъ,
Какимъ изображенъ намъ Гесперидскій садъ.

- 85   Въ недоумѣніе сей видъ Царя приводитъ,
 Со удивленіемъ на рошу взоръ возводитъ;
 Бѣги отсель! бѣги! разсудокъ вопіетъ,
 Стремленье тайное къ древамъ его влечетъ;
 И чувству нѣжному разсудокъ покорился.
- 90   Подъѣхалъ къ нимъ Алей, между древами скрылся;
 Отъ тропки ко другой, какъ вѣтромъ листъ влекомъ,
 Прелестныя мѣста обходитъ онъ кругомъ.
 Но хитрость, въ рошу ту Эротомъ привлеченна,
 Обманамъ, нѣжностямъ, притворствамъ изученна,
- 95   Ручей составила, чертя рукой песокъ;
 Ручей тотъ сладостень, но дѣйствіемъ жестокъ;
 Сребристая вода прохожихъ приглашаетъ;
 Теряетъ волю тотъ, кто каплю водъ вкушаетъ.
 Соблазнами влекомъ несчастный Царь Алей,
- 100   Какъ будто сквозь туманъ къ водѣ приходитъ сей.
 Сопровождающа Алея осторожность,
 Скрываетъ во струяхъ вредъ, пагубу, ничтожность;
 Влечетъ его къ водѣ коварная любовь;
 Онъ каплю взялъ въ уста, и въ немъ зажглася кровь.

- 105   Которыя Царя къ потоку привлекали,
 Наяды, вынырнувъ руками всплескали;
 Свой рокъ предвозвѣстивъ, несчастный возстеналъ,
 Алей, Алей вздохнулъ, но самъ о чемъ, не зналъ;
 Тогда любви Царь въ селеніяхъ воздушныхъ
- 110   Прекрасныхъ Геніевъ созвалъ ему послушныхъ.
 Они, съ написаннымъ притворствомъ на челахъ,
 Слетаются къ нему на радужныхъ крылахъ;
 Желанья водятъ ихъ, утѣхи упреждаютъ,
 Умильности влекутъ, тревоги провождаютъ;
- 115   Зажженный пламенникъ держащій Царь въ рукахъ,
 Вѣщаль имъ движимымъ на тонкихъ облакахъ:
 О вы, властители вселенныя! летите,
 Сумбекину любовь въ отраву обратите;
 Тревожьте духъ ея, коварство сѣйте въ ней,
- 120   Да мучится она, да мучится Алей!

- Коварны Геніи крылами встрепетали,
 И стрѣлы въ руки взявъ, изъ облакъ вылетали,
 Зажгли на воздухѣ любовные огни;
 Алея встрѣтили между древесъ они;
- 125   Кипридинъ сынъ предъ нимъ со пламенникомъ ходитъ,
 Невидимъ будучи, въ долину ту приводитъ,
 Гдѣ нѣжны Граціи, любви поставивъ тронъ,
 Сумбеку плачущу склонили въ сладкій сонъ,
 Какое нѣжное любовнику явленье!

- 130 Забыль онъ зримое въ лѣсахъ увеселенье,
 Забыль онъ самъ себя, и чувствуетъ и зрить
 Едино только то, что взору предлежитъ.
 Гдѣ нѣжныя сплелись багряновидны лозы,
 Подъ тѣнью зрить кустовъ разсыпанныя розы;
- 135 Съ лилеями въ травѣ смѣшались они,
 Весеннего красу изображая дни....
 Увы! не день то былъ, не розы, но Сумбека,
 Прельстить твердѣйшаго могуща человѣка;
 Зефиръ лицу ея пріятства придавалъ,
- 140 Онъ тихими надъ ней крылами повѣвалъ;
 И прелести отъ глазъ ея не отступали;
 Глаза сомкнувшись, огонь въ сердца метали.
 Увы! когда совѣмъ откроются они,
 Коль сильно могутъ жечь ея очей огни!
- 145   Алей на сонную умильный взоръ возводитъ;
 Остановляется, трепещетъ, къ ней подходитъ,
 Что значить? мыслилъ онъ, что значить, что она
 Въ безмолвномъ семъ лѣсу покоится одна?
 Увы! она меня вторично въ узы ловить.
- 150 Обманы новые Сумбека мнѣ готовить....
 Такъ мыслилъ Царь, еще разсудкомъ озарень,
 Онъ хочетъ, какъ Улиссъ, избѣгнуть отъ Сирень.
 Видѣнье на горѣ и лестъ ея напомнилъ,
 Намѣренье свое почти уже исполнилъ;
- 155 Глаза отъ прелестей Сумбеки отвратилъ.
 Увидя то Эротъ, за грудь его схватилъ,
 И въ сердце прелетѣвъ, воскликнулъ велегласно:
 Жестокій! страшно ли тебѣ лице прекрасно?
 Оно орошено потокомъ слезъ теперь....
- 160 Разсудокъ вопіялъ: не вѣрь сему! не вѣрь!
 Вгляни на прелести, любовь ему вѣщала,
 И взоры къ прелестямъ неволей обращала.
 Тогда Кипридинъ сынъ въ кругахъ воздушныхъ скрытъ,
 Своимъ дхновеніемъ ее животворить:
- 165 Сумбека взоръ стыдомъ исполненный подѣмлетъ,
 И сердце у Царя почти уже отѣмлетъ,
 Взоръ въ грудь ему проникъ, какъ солнце сквозь хрусталь,
 Онъ съ прелестью вмѣщаль притворство и печаль;
 Печаль смягчающу сложенія суровы,
- 170 Дающу новыя любовникамъ оковы,
                   На прелести ея взводящій томный взглядъ,
 Алей горѣлъ огнемъ и пилъ любовный ядъ.
 Куда сокроюсь я? Сумбека говорила;
 Закрыла очеса, но хитрость ихъ открыла;
- 175 Алея покорить, Алея удержатъ,

- Вздыхнула, двинулась и хочетъ убѣжать.
Казалось, Граціи токъ слезный проливали;
Наяды плакали, Амуры унывали;
Свернулись вдругъ цвѣтки, стенали древеся;
- 180 И капли слезныя излили небеса,
Кропили оными и розу и лилею.
Алей не камень былъ; какъ твердо быть Алею!
Сумбекинъ взоръ Царя въ неволѣ удержалъ;
Герой исчезъ! и рабъ у ногъ ея лежалъ.
- 185 Дрожащимъ гласомъ рекъ: пойдѣмъ въ Свіяжскъ отсюду;
Здѣсь я врагомъ кажусь, твой плѣнникъ тамо буду!
Приданымъ дать должна Казань свою мнѣ кровь;
Россія увѣнчать мою съ тобой любовь!....
Сія пристрастна рѣчь Сумбекѣ изъявила,
- 190 Что сердце въ немъ любовь стрѣлами уязвила.
Сумбека вобразивъ, что ей супругъ велѣлъ,
Своихъ пріятностей не пожалѣла стрѣлъ.
Прельщай! еще прельщай! притворство вопіяло,
Которо близъ ея невидимо стояло;
- 195 Оно, Сумбекины умноживъ красоты,
Казало розовы въ ея устахъ цвѣты;
Улыбка нѣжная, пронзающіе взгляды,
Во грудь Алееву вливали медъ и яды,
Сумбеку подкрѣпить, съ стрѣлой Эротъ летить,
- 200 И ею дѣйствуетъ, въ очахъ ея сокрытъ;
И внемлетъ Царь отъ ней сіи слова жестоки:
Невѣрный! видѣлъ ли мои ты слезны токи?
Они въ долинѣ сей лилися по тебѣ;
Что дѣлать мнѣ теперъ при злой моей судьбѣ?
- 205 Ахъ! слезы мнѣ теперъ послѣдняя отрада!
Жестокій! для тебя я выслана изъ града;
Съ младенцемъ я моимъ гониму зрю себя,
Отъ подданныхъ моихъ гониму за тебя;
Они любовь мою и вѣрность Сафгирею,
- 210 Почли къ тебѣ, Алей, суровостью моею;
Велятъ несчастной мнѣ, твой знатный родъ любя,
Или оставить тронъ, или смягчить тебя.
О коль послѣднее велѣнье мнѣ пріятно!
Сама итти въ Свіяжскъ хотѣла я стократно;
- 215 Хотѣла предъ тобой потоки слезъ пролить,
На твой престолъ тебя хотѣла умолить.
Но я напасть мою какъ будто предузнала,
Предстать очамъ твоимъ я прежде не дерзала,
Доколѣ не могла сомнѣніевъ пресѣчь;
- 220 Для нихъ была должна супружнинъ гробъ сожечь;
Боролась съ жалостью, боролася со страхомъ,
Дабы не уличалъ меня и симъ ты прахомъ.

- Взгляни на гробы ты, на пепель ихъ взгляни!
Усердіе мое къ тебѣ явятъ они.
- 225 Но пользуетъ ли мнѣ такое увѣренье?
Во градъ вижу я, внѣ града подозрѣнье!
Увы! суровыя смягчились небеса,
И камни тронулись, и дикіе лѣса;
Все, все въ дубравѣ сей, ахъ! все преобразилось!
- 230 Лишь сердце для меня твое не умягчилось!
Жесточе ты древесъ, жесточе твердыхъ горъ?
Сумбека длить еще коварный разговоръ:
Увы, любезный Князь! войдемъ во градски стѣны,
Не бойся хитрости, не бойся ты измѣны.
- 235 Тебя корона тамъ, любовь и скипетръ ждуть;
Взаимный миръ съ Москвой въ тебѣ Казанцы чтуть;
За вѣрность я тебѣ Ордынцовъ отвѣчаю....
Но ты задумался, я рѣчь мою скончаю.
Моей преданности стыдиться я должна!...
- 240 Взрыдала, и пошла, стенаючи она.
Потоки слезъ проливъ казалась удаленна,
Какъ роза нѣжная росюю окропленна;
Пріятны Граціи тѣснились вокругъ нея,
И прелести припавъ цѣлуютъ слѣдъ ея;
- 245 Пріятности кругомъ лица ея летали,
Они лобзаннями слезъ токи изщитали.
Какой бы человѣкъ, какой бы строгій богъ,
Ея заразами разтрогаться не могъ?
Сумбека кинула взоръ нѣжный ко Алею,
- 250 Пошла.... и Царь Алей стремится въ слѣдъ за нею!
Алциною Астолфъ обмануть тако былъ,
Алей уже едва Россію не забылъ;
Коль вѣра, мысль его отъ страсти отзывала,
Любовь и слабостямъ похвальный видъ давала,
- 255 Онъ чаялъ, покоривъ съ Сумбекою Казань,
Прислать изъ ней въ Москву съ присягой вскорѣ дань,
Мятежныя сердца Ордынцовъ успокоить,
Ихъ наглость обуздать, всеобщій миръ устроить.
Сей чаемый предлогъ его къ Сумбекѣ влекъ,
- 260 Обманы царствуютъ! въ ихъ волѣ человѣкъ!
Любовь, которая тогда надъ нимъ летала,
Сумбекинымъ его невольникомъ считала.
Такъ часто обладать собою льстимся мы,
Когда во власть беретъ у насъ любовь умы.
- 265 Притворно воздыхать Сумбека продолжала,
Скрывалась, но любовь Цареву умножала.
Вскричалъ онъ, видящій взведенныхъ прелестъ глазъ,
Увы! я быть могу еще обмануть разъ;

- Но слѣдую тебѣ!... Тѣ рѣчи излетали,
 270 Во книгу вѣчности они внесены стали,
 И должно было впредь исполниться имъ:
 Невинность во слезахъ пошла во слѣдъ за нимъ.
 Сумбека хитростью напасть запечатлѣла,
 Которая Царю во срѣтенъе летѣла.
 275 Лишь выступилъ Алей дубравы изъ границъ,
 Идущаго Царя встрѣчаетъ ликъ дѣвицъ;
 Подобно Граціямъ блистая красотами,
 Ко граду путь онѣ усыпали цвѣтами.
 Утѣхи, прелести, тѣсняются вокругъ его,
 280 Берутъ оружіе съ усмѣшкой у него,
 Благуханіемъ одежду оросили,
 И гимны свойственны случаямъ возгласили;
 Вѣнцы сплетающа соблазность изъ цвѣтовъ,
 Къ Алею подступивъ, подѣмлетъ свой покровъ,
 285 Снимая шлемъ съ Царя, главу его вѣнчаетъ,
 И мечь его укравъ, цвѣты ему вручаетъ;
 Коварство робкое пріемля смѣлый видъ,
 Отѣмлетъ у него копье и лукъ и щитъ.
 Казалася любовь въ Героя превращенна;
 290 А храбрость Царская послѣднихъ силъ лишенна.

- Тогда крылатая въ Казань паритъ молва,
 Недремлюща во вѣкъ, скоро, быстра, жива;
 Молва Алеево прибытіе вѣщаетъ,
 Съ Москвой взаимный миръ Казанцамъ обѣщаетъ.
 295 Пріятная судьба Казани смутной льститъ,
 Которую сулилъ Царицѣ ихъ Сеитъ.

- Златая встрѣтила Сумбеку колесница,
 Съ Алеемъ въ торжествѣ возсѣла въ ней Царица;
 Народъ въ восторгѣ зреть съ высокихъ градскихъ стѣнъ,
 300 Идущаго Царя во произвольный плѣнъ.
 Чье имя страхъ Ордамъ недавно наводило,
 Пришествіе того спокойстомъ граду льстило.
 О тигрѣ, жителей который устрашалъ,
 На пажитяхъ стада пасомы похищальъ,
 305 Съ такимъ веселіемъ граждане разсуждаютъ,
 Когда его въ цѣпяхъ по граду провождаютъ.
 Спѣшаща обрѣсти сокровищи и честь,
 Является Царю въ лицѣ вельможей лестъ;
 Зящитникомъ Орды Алея называетъ,
 310 И слезы радостны ласкаясь проливаетъ;
 Имѣя въ разумѣ о выгодахъ мечты,
 Къ подножію его разсыпала цвѣты.
 И подлость рабская толь гнусно унижалась,
 Что ко стопамъ его главою понижалась;

315 Лице покорности умѣюща принять,
Колѣна Царскія стремилася обнять.

Любовь народныя плесканья подкрѣпили,
И въ Царскій древній домъ любовники вступили.
Темница, страсть куда Алея привлекла,

320 Казалася ему съ Сумбекой весела.
Цирцеѣ гордая Сумбека подражаетъ,
Она и взоръ его и духъ обворожаетъ,
И въ сердце лестныя вливающа слова,
Во агнца слабаго преобратила льва.

325 Коль слѣпы въ ихъ любви бываютъ человѣки!
Алей весь міръ включалъ во прелестяхъ Сумбеки.
По радостямъ его летаетъ плѣнный взоръ,
На что ни смотритъ Царь, вступая въ Царскій дворъ.
Тамъ рядъ древесъ казалъ широкія дороги,

330 Сквозь кои пышныя открылися чертоги,
Вкругъ нихъ свѣтились столпы въ золотыхъ вѣнцахъ,
И бисеръ въ солнечныхъ играющей лучахъ.
Строенія сего наружное изрядство
Роскошною рукой возвысило богатство;

335 Со пестрымъ мраморомъ тамъ аспидъ сопряженъ;
Блестящая хрусталемъ, казался домъ зажженъ.

Предъ онымъ зреть Алей столпами окруженну,
Изъ твердыхъ мраморовъ Казань изображенну;
Какъ нѣкій исполинъ, имѣя грозный видъ;

340 На каменномъ она подножіи стоитъ.
Художникъ плѣнную изобразилъ Россію,
Ко истукановымъ стопамъ склонившу выю,
И узы, на ея лежащія рукахъ,
Являли прежній плѣнъ и прежній Россовъ страхъ.

345 Казань десницею ужасный мечъ держала,
И горду власть свою чрезъ то изображала.
Въ сей страшный истуканъ устроенъ тайный входъ,
Которымъ ихъ Цари вступая каждый годъ,
Молитвы ложному пророку приносили,

350 Всегдашня торжества надъ Россами просили.
Вѣщаютъ, будто имъ завѣтъ волхвами данъ:
Доколѣ невредимъ сей будетъ истуканъ,
Дотолѣ славный градъ безвреденъ сохранится,
И благо ихъ во зло во-вѣкъ не премѣнится.

355 Коль пламенно Алей Сумбеку ни любилъ,
Едва въ сіи часы любви не истребилъ,
Казанской гордости когда онъ знакъ увидѣлъ;
Алей тщеславіе и пышность ненавидѣлъ.
Хоть сердце отняла Сумбека у него,

360 Россія въ памяти присутствуетъ его;

Противенъ истуканъ его казался взору:
 Россійскаго Алей не могъ терпѣть позору.
 Но то коварная Царица усмотрѣвъ,
 Изгнала прелестьми его изъ сердца гнѣвъ:
 365 Она глаза къ нему толь страстно устремила,
 Что ими прочіе всѣ виды вдругъ затмила;
 И нѣжныя слова лишь только изрекла,
 Алея за собой въ чертоги повлекла.

Тамъ пѣсни юныхъ Нимфъ повсюду раздавались.

370 Вѣнцы изъ нѣжныхъ розъ Алею въ даръ свивались;
 Подобны Уріямъ казались Нимфы тѣ,
 О коихъ Махометъ вѣщаетъ красотѣ.
 Онѣ пріятности любовныя вѣщали,
 Которы и боговъ небесныхъ восхищали;
 375 Воспѣли рыцарей великихъ имяна,
 Которы въ древнія любили времена.
 Отравой сладкою любовникъ упивался.
 Армидою Ренодъ подобно такъ прельщался.

Сумбекѣ нравилось прельщеніе сіе.

380 Алей какъ нѣкій рай жилище зрѣлъ ее;
 Искусствомъ помрачивъ убранства горделивы,
 Тамъ видны на стѣнахъ изображенья живы,
 Ихъ кисть волшебная для глазъ произвела,
 И видъ естественный и душу льну дала.
 385 Въ лицѣ пріятнаго и кроткаго зефира
 Изобразила кисть златое царство мира;
 Миръ страшный брани храмъ заклепами крѣпитъ,
 У ногъ его въ травѣ волкъ съ агнцемъ купно спитъ;
 Тамъ голубь съ ястребомъ играючи летаетъ,
 390 И львица юнаго тельца млекою питаетъ;
 Во всей веселости между цвѣтовъ видна,
 Подъ тѣнію древесъ сѣдяща тишина;
 Алмазный щитъ надъ ней спокойствіе держало,
 И щастіе сію богиню окружало.

395 Съ другой страны встрѣчалъ обвороченный взоръ
 Военны подвиги, сраженія, раздоръ:
 Тамъ зрится во крови свирѣпыхъ битвъ Царица;
 Тамъ раны видимы, тамъ кровь, тамъ блѣдны лица,
 Герои въ цвѣтѣ лѣтъ кончающіе дни,
 400 И стонуть, кажется, написанны они.

Сумбека на Царя коварствуя взираетъ,
 Узнать, къ чему свои онъ мысли простираетъ;
 Чѣмъ паче занятъ онъ, кровавой ли войной,
 Или цвѣтущею въ покоѣ тишиной?
 405 Ей мнилось, что война его вниманью льстила,

И взоромъ взоръ его къ иному отвратила.

Тамъ новый видъ глаза Царевы поразилъ:

Художникъ пламенну любовь изобразилъ.

Любовь, которая казалася на тронѣ,

410 Съ калчаномъ стрѣль въ рукахъ и въ розовой коронѣ;

Тѣ стрѣлы сыплются въ день ясный и въ ночи,

На всю вселенную, какъ солнечны лучи.

Лучами шаръ земный ты солнце освѣщаешь,

И грады оными и степи посѣщаешь:

415 Подобно стрлы такъ изъ рукъ любви летятъ,

Равно Владѣтеля и пастуха язвятъ;

И щастье равное они тогда вкушаютъ,

Когда свои сердца любовью утѣшаютъ.

Что живостью цвѣтовъ на льнѣ изображалъ,

420 Художникъ въ томъ живой натурѣ подражалъ:

Тамъ гордыя древа долины осѣняли,

И кажется, они верхи свои склоняли:

Межъ камней извившись источники кипятъ,

И мнится, на стѣнѣ написанны шумятъ;

425 Тамъ кажется Нарцисъ еще глядитъ въ потоки,

И будучи цвѣткомъ, пушаетъ слезны токи;

Нещастный Адонидъ, ставъ жертвою любви,

Еще является на стеблѣ во крови.

Алей на все взиралъ, взиралъ и возхищался;

430 Но бодрый духъ его слабѣлъ и возмущался;

Толико мысли онъ въ забавы углубилъ,

Что друга вѣрнаго Гирея позабылъ.

Другъ часто близокъ къ намъ во отдаленьи трона,

Но въ немъ лишь видѣнъ Царь, когда на немъ корона.

435 Алей возшеде на тронъ, въ день щастья своего

Не помнитъ дружества, но помнитъ другъ его!

Казанцы жизнь при немъ предвидящи щастливу,

Морскому въ оный день подобились приливу,

Который Царскій домъ какъ море наполнялъ:

440 Весь градъ передъ Царемъ колѣна преклонялъ;

И вѣрность радости свои вездѣ трубила.

Алея подлинно Казанска чернь любила;

Уже два раза онъ сердцами ихъ владѣлъ,

Какъ будто о своемъ, о благѣ ихъ радѣлъ;

445 Имѣли въ немъ они отъ сильныхъ оборону.

Алею поднесли порфиру и корону;

Не страшны Россы имъ, не страшень Асталонъ,

Когда пріосенить Алей Казанскій тронъ.

Но зависть и раздоръ среди вельможъ летаютъ,

450 Которыя Царя наружно почитаютъ.

Сии двѣ фуріи, тревожа ихъ сердца,

Неволятъ ихъ алкать Казансаго вѣнца;
 И каждый думаетъ Алею быть подобенъ,
 Иль паче, нежелъ онъ, владѣть Ордой способенъ.
 455 Но завистью Сагрунъ сильныя всѣхъ горитъ,
 Онъ взоры пламенны кидая, говоритъ:
 Какіе подадимъ мы слухи нынѣ свѣту,
 Избравъ того Царемъ, кто врагъ и Махometу,
 Кто рабствуя Царю Московскому служилъ,
 460 И можетъ быть его на насъ вооружилъ?
 Или мы собственныхъ достоинствъ не имѣемъ,
 Что выбрать во Царя другъ друга не умѣемъ?

Но прервалъ рѣчь его Гирей, Алеевъ другъ,
 Вельможей собранныхъ вступивъ въ мятежный кругъ:
 465 Не лзя противиться, онъ рекъ, судебъ уставу,
 Алею отдаютъ они его державу;
 Державу, до сего носиму имъ не разъ;
 Кто смѣетъ быть Небесъ противникомъ изъ насъ?
 Не вѣру толковать вѣнчается Владѣтель;
 470 Онъ въ поданныхъ вселять обязанъ добродѣтель,
 Кто лучше озаритъ Казанскій ея тронъ?
 Кто лучшій дастъ примѣръ въ геройствѣ, коль не онъ?
 О! естли исполнять хотѣнія сердечны;
 На царство выборы здѣсь будутъ безконечны,
 475 И будемъ въ преніи о тронѣ мы вовѣкъ.
 Начальствовать другимъ желаетъ человекъ;
 Но царство возмутьивъ, утратимъ мы свободу,
 Однако отдадимъ сіе на судъ народу:
 Народомъ подкрѣпленъ бываетъ Царскій тронъ,
 480 Да скажетъ, симъ Царемъ доволенъ естли онъ?
 Спросилъ, и гласы ихъ каки волны зашумѣли,
 Казанцы собранны согласну мысль имѣли;
 Не слышно, кромѣ сихъ торжественныхъ рѣчей:
 Пусть нами царствуютъ съ Сумбекою Алей!

485 Сребристая луна на горизонтъ вступила,
 Но радости въ сердцахъ она не усыпила;
 Стараясь удержать во градѣ ясность дни,
 Казанцы возгнѣли блестящіе огни;
 Веселость подданныхъ наружны кажутъ блески,
 490 Восходятъ къ облакамъ торжественные плески;
 Какъ шумъ морскихъ валовъ, достигъ къ чертогамъ гласъ:
 Да наши радости возрадуютъ и васъ!
 Сумбека нѣжностей подъ пепломъ искру крыла;
 Тронъ твой, и я твоя, Алею говорила;
 495 Съ моимъ сливаются народныя сердца;
 Отъ нихъ и отъ меня приѣмлешь два вѣнца;

- Одинъ Царемъ тебя творить надъ сей страню,
 Другой надъ волею моею и надо мною.
 По мнѣ сей градъ, престолъ и весь народъ есть твой;
 500 А съ нами примирясь, смири Казань съ Москвой;
 Мы ей селенія за-Волжскія уступимъ,
 И естли хочешь ты, присягой миръ съ ней купимъ.
 Мы браней не хотимъ! Хотя и льщуся я,
 Что можетъ защищать Казань рука твоя,
 505 Но ты Россіи другъ; а царствуя надъ нами,
 Россіянъ учини ты нашими друзьями,
 И станемъ въ градѣ семъ златые дни вести....
 Алей, не чувствуя сея Царицы льсти,
 Сумбеку подкрѣпилъ въ пріятномъ упованѣ.
 510 Взоръ нѣжный усладилъ и страсть и пированье,
 Казалось, разлился веселій океанъ.
 Но часто кроется подъ ласками обманъ;
 Кругомъ любовниковъ слетаются утѣхи,
 Слетаются въ чертогъ умилности и смѣхи,
 515 Но виды таковы Сумбекинъ Дворъ имѣвъ,
 Таилъ въ стѣнахъ своихъ притворство, зависть, гнѣвъ,
 Которыя открытъ лица еще не смѣли,
 И зримы будучи, притворный видъ имѣли.
 Сумбека зрѣлася при радостяхъ смутна....
 520 Османа помнила, ахъ! помнила она;
 Невѣрности его Царицѣ въ мысль приходятъ,
 Какъ облако во дни на сердце мракъ наводятъ.

- Досада, ревность, гнѣвъ, ея терзая грудь,
 Отверзли мщенію къ Сумбекѣ въ сердце путь.
 525 О коль страшна любовь, отмщающа измѣну!
 Османа привести даетъ приказъ изъ плѣну.
 Свирѣпства, хитрости и мщенія полна,
 Алею говоритъ стенаючи она:
 Онъ врагъ мой, врагъ и твой, злодѣй всего народа,
 530 Которымъ отнята была моя свобода!
 Я дружбы прежнія съ нимъ узы нынѣ рву,
 И въ жертву отдаю тебѣ его главу....
 Алей сказалъ: Османъ! внемли, что я вѣщаю;
 Ты врагъ мнѣ, я тебѣ свободу возвращаю;
 535 Познай теперь, Османъ, какъ Христіане мстятъ;
 Ты можешь съ нами жить, оставишь можешь градъ.
 Сумбека, будто бы предбудущее зрѣла,
 Еще подъ стражею держать его велѣла.

- Османъ отходитъ прочь, но прочь любовь нейдетъ,
 540 По сердцу разлилась, и власть надъ нимъ беретъ;
 То стужу дѣлаетъ, то множитъ лютый пламень,
 И сердце размягча, падетъ какъ въ воду камень.

- Сумбека, чающа Османа не любить,
 Съ Алеемъ щастлива въ забавахъ хочетъ быть.
- 545 Сей плѣнникъ, въ Царскія вступивъ священны нравы,
 Вдается въ новыя съ Сумбекою забавы.
 Желая облегчить правленія труды,
 Влечетъ его она въ рокошные сады,
 Гдѣ тысящи пріятствъ для Флоры и Помоны,
- 550 Волшебною рукой сооружили троны:
 Тамъ розы вокругъ кустарники цвѣтутъ,
 Зефиръ покоится на ихъ листочкахъ тутъ;
 Тамъ вѣтвями древа густыми соплетенны,
 Прохлады завсегда въ тѣни хранятъ весенны;
- 555 Чрезъ виды разные стремящаяся тамъ,
 Подъежится вода шумяща къ облакамъ;
 Любовны нѣжности въ кустахъ себя скрываютъ,
 И птицы сладость ихъ и прелесть воспѣвають;
 Зеленые лужки въ тѣни деревесъ цвѣтутъ,
- 560 И кажется, любовь одры готовить тутъ;
 Наяды у ручьевъ являются сѣдящи,
 Волшебны зеркала въ рукахъ своихъ держащи,
 Въ которы Граціи съ усмѣшками гладятъ;
 Амуры обнявшись, на мягкой травкѣ спятъ;
- 565 Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни,
 Гуляющихъ къ себѣ манили на колѣни.
 Сумбекъ въ мысль пришли минувши времена,
 Когда съ Османомъ здѣсь видалася она;
 Любовныя свои прохлады вспомянула:
- 570 Взглянула на мѣста, и тяжко воздохнула;
 Но скрыла грудь ея снѣдающую страсть,
 Беретъ надъ слабостью Сумбека полную власть;
 Запечатлѣнныя намѣренія имѣя,
 Османомъ прельщена, взвела на тронъ Алея.
- 575 Алею ввѣрила владычество свое,
 Но царствовалъ Османъ надъ сердцемъ у нее.
 Уже Алей Казань мятежну успокоилъ,
 И къ миру онъ сердца людей своихъ устроилъ,
 Союзъ готовился съ Москвой запечатлѣть;
- 580 Но искра мятежа не преставала тлѣть.

Османъ отверженный, Османъ лишенъ покою,
 При общей радости терзается тоскою;
 Ему являются мечтанія во тмѣ,
 Эмира у него и въ сердцѣ и въ умѣ:

585 Гуляетъ ли въ садахъ, или въ нощи воздремлетъ,
 И мракъ и древесна лице ея пріемлетъ;
 Томится духъ его и стынетъ въ жилахъ кровь.

Взирая на сіе развратная любовь,

- Любовь, мрачаща умъ, когда въ крови затлится;
 590 Любовь сердецъ и душъ страданьемъ веселится,
 Любовь, отъемлюща покой, разсудокъ, стыдъ,
 Приемлетъ на себя теперь Эмиринъ видъ:
 Къ Осману спящему со трепетомъ приходитъ,
 Отраду зрѣнью, но сердцу скорбь наводитъ,
 595 Эмира, будто бы сей жизни при концѣ,
 Имѣеть блѣдное и смутное лице;
 Раздранная на ней казалася одежда;
 Речеть: моя теперь исчезла вся надежда,
 Исчезла, видѣться и вмѣстѣ быть съ тобой:
 600 Намъ должно жить, Османъ, весь вѣкъ въ разлукѣ злой!
 Отчаянный она вѣщая взоръ кидала,
 Главу потупила, и горько возрыдала.
 Но ктожъ причиною сердечныхъ нашихъ ранъ?
 Эмира говоритъ: причиною ты, Османъ!
 605 Спѣши, ты можеть быть спасти меня успѣешь,
 Къ свободѣ средства ты надежныя имѣешь,
 Успѣхъ получишь ты надъ слабою женой;
 Рыдай предъ ней, спѣши увидѣться со мой.
 Сіи слова не разъ ему твердила,
 610 И взоры слезныя кидая уходила.

- Османъ какъ будто бы пронзенъ во грудь стрѣлой,
 Трепещеть, мучится, смущается мечтой,
 Встаеть; и се въ чертогъ Сагрунъ коварный входитъ;
 Онъ взоры на него печальные возводитъ.
 615 Въ вельможѣ семъ душа какъ адъ была смутна,
 Къ различнымъ хитростямъ склонялася она;
 Грызомый завистью, покоя не имѣеть;
 Желая людямъ зла, о бѣдствѣ ихъ жалѣеть;
 На блѣдномъ у него написано лицѣ,
 620 Что мыслилъ день и ночь о Царскомъ онъ вѣнцѣ.
 Нося въ груди своей намѣреніе злобно,
 Хотѣль, какъ самъ себя, и всѣхъ смущать подобно;
 И такъ Осману рекъ: о коль твой скорбенъ взоръ;
 Но долго ли тебѣ такой терпѣть позоръ?
 625 Таврискій храбрый Князь въ Казанѣ узы носитъ,
 О вольности своей ни думаетъ, ни просить;
 Когда бы можеть быть, ты слово лишь изрекъ,
 Порфирию бѣ себя во градѣ семъ облекъ;
 Я дружества къ тебѣ во вѣки не нарушу:
 630 Ты вѣдаешь мою ревнительную душу,
 И вѣдаешь еще ту пламенную страсть,
 Котора ввергнула тебя въ сію напасть;
 Дай нову силу ей, и подкрѣпися ею,
 Сумбека сжалится надъ нѣжностью твоею;
 635 Явись ея очамъ! Османъ, мечтой смущенъ,

- Коварнымъ Сагруномъ былъ паче обольщенъ.
 Вельможу онъ сего при щастѣ ненавидѣлъ,
 Но ввѣрилъ днесъ ему мечту, котору видѣлъ,
 Такъ бѣдный плаватель, въ пучинѣ жизнь губя,
 640 За все хватается, что видитъ вокругъ себя.
- Довѣренностью сей Сагрунъ возвеселился,
 Онъ только ждалъ, чтобы Османъ ему открылся;
 Намѣренье въ груди злодѣйское питалъ,
 Своимъ орудіемъ любовну страсть считалъ;
 645 Во злобѣ предпріялъ, раздоръ въ троихъ посѣя,
 Османа погубить, Сумбеку и Алея.
 Сей хищный волкъ теперь пріемлетъ агнчій видъ;
 Лукавый духъ его подъ видомъ дружбы скрытъ:
 Спаси отъ бѣдства насъ! вѣщаетъ онъ со стономъ,
 650 Мы всѣ устрашены колеблющимся трономъ;
 Сумбека нѣжности къ тебѣ не изгнала,
 Но въ гнѣвѣ Царску власть Алею отдала;
 Возможно ли женѣ въ ея угрозахъ вѣрить?
 Онѣ и злобствуя умѣютъ лицемѣрить;
 655 Ихъ гнѣвъ есть молнія, которая сверкнетъ,
 Но солнце возсіявъ, опять сіять начнетъ;
 Алей, опасный врагъ и вѣры и Казани,
 Сбираетъ для Москвы съ Татаръ позорны дани;
 Я видѣлъ, какъ теперь народу онъ ласкалъ,
 660 И въ ихъ сердца войти, различныхъ средствъ искалъ.
 Имѣя желчь въ груди, точилъ онъ медъ устами;
 Съ Россіей вѣчный миръ украсилъ онъ цвѣтами,
 И прелестью словесъ собранье обольщалъ....
 Симъ адскимъ вымысломъ онъ души уловлялъ;
 665 Онъ рекъ сіи слова, но ихъ изрекъ краснѣя:
 Вы другомъ, не Царемъ имѣете Алея!
 Смиритися съ Москвой, отъ насъ отвергнуть брань,
 Не многая къ тому отъ васъ потребна дань,
 Присяга вѣрная!... О коль слова безбожны!
- 670 Рабамъ покорности такія суть возможны;
 А мы давно ли власть имѣли надъ Москвой?
 Намъ лзяль къ стопамъ ихъ пасть, бывъ прежде ихъ главой?
 Кто знаетъ? можетъ быть, тая въ душѣ коварство,
 Разрушить предпріялъ Алей Казанско царство;
 675 Мужайся, ободришь, злодѣя не жалѣй,
 Сними съ него главу, коль не снялъ онъ твоей!
 Ты смертію своей несчастный ускоряешь;
 Спасая жизнь его, свою ты жизнь теряешь.
 Теперь, Османъ! любовь Царицѣ докажи;
 680 Корону со главы падушцу удержи;
 Тебя къ тому зоветъ и зримое мечтанье,
 Любовь, несчастіе и наше почитанье;

- Та тѣнь, которая являлася тебѣ,
 Ко щастливой тебя и тѣнь зоветъ судьбѣ!
 685 Уже колеблются божницъ верхи златыя,
 Ты вѣру подкрѣпи, и воскреси Батыя.
- Когда сіе Сагрунъ лукавствуя вѣщаль,
 Развратъ и паче въ немъ духъ звѣрскій возмушалъ;
 Обвившись вокругъ него, коварство разтравляетъ,
 690 Сумбеку взору онъ кровавому являетъ,
 Котора, жалуясь на строгости Небесъ,
 Ходила въ горести подъ тѣнію древесъ;
 И съ нѣжностью своей имѣющая споры,
 Гдѣ жилъ Османъ, туда бросала смутны взоры.
- 695 Примѣтивный Сагрунъ страданіе сіе,
 Вѣнчанымъ поставлялъ желаніе свое,
 И рекъ Осману онъ: я долгъ и дружбу помню;
 Пойду, и важныя намѣренья исполню:
 Заставлю гордою Сумбеку меньше быть,
 700 Тебѣ престолъ отдать, Алея позабыть!
 Идетъ, и хитрости вокругъ его летаютъ,
 Онѣ льстеца сего орудіемъ считаютъ;
 Во рабскомъ образѣ представили его,
 Покорность на челѣ являя у него.
- 705 Съ лукавствомъ внутреннимъ къ Сумбекѣ онъ подходитъ,
 И рѣчь съ ней о любви Османовой заводитъ.
 Такъ Евву льстивый змій въ Едемѣ соблазнялъ,
 Когда ее вкусить познаній плодъ склонялъ.
 Прилично ли, онъ рекъ, что здѣсь какъ плѣнникъ низкій,
 710 Подъ стражей держится безвинно Князь Таврискій,
 Сей Князь, который сталъ за то одно гонимъ,
 Что онъ любилъ тебя, что онъ тобой любимъ?
 Всѣ сжалились надъ нимъ, мы плачемъ, плачутъ стѣны;
 Онъ страждетъ, ни вражды не зная, ни измѣны;
- 715 И любить онъ тебя!... Но мы оставимъ то.
 Подумай, Крымъ теперь въ отвѣтъ намъ скажетъ что?
 Османа заключивъ, мы Крымскій родъ поносимъ;
 А помощи отъ нихъ въ напасти общей просимъ;
 На чтожь она теперь? Здѣсь царствуетъ Алей;
 720 Османъ кончаетъ жизнь, кончаетъ какъ злодѣй!
 Умолкъ... и рѣчь сія Царицѣ гордой льстила,
 Она и выговоръ совѣтомъ добрымъ чтילה;
 Хотѣла за любовь обиженною быть,
 И стать заставленной невѣрнаго любить.
- 725 Но кроя нѣжну страсть, котора грудь терзала,
 Сумбека хитрому наперснику сказала,
 Сказала Сагруну, всемъ сердцемъ возстения:
 Ахъ! лъзя ли вѣрить мнѣ, что любить онъ меня?
 Не сей ли льстецъ меня на тронѣ обезславилъ?

730 Не онъ ли въ Тавръ отсель любовницу отправиль?
 Не явенъ ли его изъ града былъ побѣгъ?
 Мной! мной обогащенъ! меня онъ пренебрегъ....
 Сумбека залилась при сихъ рѣчахъ слезами.

Сагрунъ вскричалъ: Османъ во вѣки будетъ съ нами:

735 Невѣрность скорую всегда приѣмлетъ казнь,
 Эмира, позабывъ Османову пріязнь,
 Съ его сокровищемъ въ Россію убѣжала;
 Увы! тебѣ въ любви она не подражала!
 Османъ раскаялся! Я самъ то прежде зрѣлъ,
 740 Что онъ обманщицу Сумбекѣ предпочелъ.
 Но се идетъ Османъ; онъ самъ тебѣ докажетъ,
 Какъ любитъ онъ тебя, и что онъ мыслить, скажетъ;
 Скрывается Сагрунъ, извергнувъ сладкій ядъ.
 Сумбека бросила къ Осману нѣжный взглядъ:
 745 Печали на челѣ, въ ланитахъ блѣдность видитъ,
 И прежни строгости Сумбека ненавидитъ;
 Клянетъ суровые свои поступки съ нимъ:
 Теперь не онъ предъ ней, она винна предъ нимъ.
 Казалось, вокругъ нея летали смертны тѣни,
 750 Мутится взоръ ея, дрожатъ ея колѣни;
 У ней на памяти ночныхъ видѣній нѣтъ,
 Забвенъ, забвенъ Алей, забвенъ и цѣлый свѣтъ.

Но мнѣ представились въ сей рощицѣ пріятной,

Печальны слѣдствія любви, любви развратной:
 755 Тамъ прелесть видима, притворство, лесть, обманъ,
 Сумбека чувствуетъ, ихъ чувствуетъ Османъ;
 Колѣни сей пришлецъ Сумбекины объемлетъ:
 Она раскаянью любовникову внемлетъ,
 И снова пламенной любовію горитъ.
 760 Османъ, ліющій слезъ потоки, говоритъ:
 Увы, не стою я Сумбекиной пріязни,
 Прощенья не хочу, хочу жестокой казни!...
 Сумбека, во слезахъ взирая на него,
 Поверглась въ томныя объятія его:
 765 Живи! Османъ живи! стоная возопила;
 Лобзаніемъ сей миръ съ Османомъ подкрѣпила.
 Увы! виновна я и тѣмъ, она рекла,
 Что въ ревности тебя унижить я могла;
 Забудемъ, что была на свѣтѣ семъ Эмира;
 770 Уронъ твой замѣнятъ: я, тронъ мой и порфира.

Сумбекины слова какъ будто разумѣлъ,
 Казалось, воздухъ весь въ то время возшумѣлъ,
 Развраты, въ вѣтвіяхъ которые скрывались,
 Кругомъ любовниковъ летая извивались,

- 775 И разплывалися у нихъ въ сердцахъ они:
Въ томъ хладъ произвели, въ Сумбекиномъ огни.
Возможноль чаять имъ судьбины въ мѣрѣ лестной?
Земной любви они искали, не небесной!
Съ Эмирой вмѣстѣ быть, неволи избѣжать,
- 780 Османъ являетъ видъ Сумбеку уважать;
Любовью пламенной къ нему Сумбека тлѣя,
Личину нѣжности имѣла для Алея;
Условились они согласіе таить,
Доколь настанетъ часъ Алея истребить.
- 785   Невинная любовь свѣтильникъ погасила,
И грудь Сумбекину слезами оросила,
Крилами встрепетавъ, сокрылась отъ нее,
Ломаеть въ воздухъ орудіе свое.
Вѣщаютъ: слышалось во деревьяхъ стенанье,
- 790 Сумбекино когда слышали желанье.
Алей во Царскіе чертоги возвращень,
У края пропасти былъ взоромъ обольщенъ.
Царица льститъ ему, но льститъ и ненавидитъ;
Невинность скоро зла конечно не увидитъ.
- 795 Когда Алей Казань къ покорству призывалъ,
Свіязскъ измѣною его подозрѣвалъ¹.
Въ Москву отправилъ вѣсть, молвою изліяну.
И время пренести мнѣ лиру къ Іоанну!

---

¹ Здѣсь означается время, о которомъ упоминается въ первой пѣсни о Алеевой измѣнѣ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

- Россійскимъ подвигамъ парящій духъ во слѣдъ,
И проповѣдатель торжественныхъ побѣдъ,
Во дни торжественны, во дни ЕКАТЕРИНЫ,
Вносятся! мы трудовъ достигли половины.
- 5 Но Муза цѣлю своей до днесь брала
Раздоры, хитрости и нѣжныя дѣла:
Теперь открылося кровавое мнѣ поле;
Потщимся устремить вниманья къ пѣснямъ болѣ.
Отъ сонныхъ водъ стремлюсь къ пучинѣ прелетать,
- 10 Не миртовы вѣнцы, лавровые сплетать.
О Музы! естли вы о пѣсняхъ сихъ рачите,
Возьмите прочь свирѣль, и мнѣ трубу вручите,
Да важныя дѣла вселенной возглашу,
О коихъ восхищенъ восторгами пишу.
- 15 Любовь, которая Алея поражала,
Въ золотыхъ цѣпяхъ его окованнымъ держала.
На слабости его взирающа Казань,
Междуусобную въ стѣнахъ питала брань;
Россія между тѣмъ главу подъемлетъ томну,
- 20 Знамена видяща вносимыя въ Коломну.
Сей градъ, отъ Римскихъ золъ искавый оборонъ,
Въ началѣ основалъ Латинскій Князь Колонъ;
Когда противъ него враги пускали стрѣлы,
Изъ Рима онъ притекъ въ Россійскіе предѣлы;
- 25 И славы здѣшнихъ странъ во браняхъ множа громъ,
Поставилъ на берегахъ Оки прекрасный домъ;
Зелены влажною луга обнявъ рукою,
Тамъ близко срътилась Москва рѣка съ Окою,
И съ нею соединивъ и воды и уста,
- 30 Казалось, притекла на красны зрѣть мѣста.
Какъ будто въ сонмъ единъ сліяны быстры рѣки,
Военны силы шлютъ въ сей градъ мѣста далеки.
Уже казалася со стѣнъ издалека,
Подъемлющая пыль, какъ бурны облака,
- 35 И пѣсни по лѣсамъ военны раздаются.
По вѣмъ градамъ отцы съ сынами разстаются;
Лобзаетъ сына мать, потоки слезъ лія;
Прощаются въ слезахъ супруги и друзья.

Но только ратники изъ стѣнъ выходятъ въ поле,
40 Встрѣчаетъ храбрость ихъ, и слезъ не видно болѣ.

Уже во древности извѣстный Музіанъ,
Который и до днесь изъ грозныхъ водъ сліянь,
Стенящія берега свирѣпаго Ильмена,
Въ Коломну ратныя отправили знамена.
45 Гдѣ Волховъ твердымъ льдомъ шесть мѣсяцовъ покрытъ,
Оттолѣ воинство какъ стадо птицъ парить,
И Ладожски струи въ берегахъ своихъ яряся,
Что горды стѣны въ нихъ опустошенны зряся.
Уже отверзъ врата дружинѣ Изборскъ градъ,
50 Гдѣ Труворъ, Рюриковъ княжилъ юнѣйшій братъ;
Сквозь блата топкія и горы каменисты
Преходятъ будто бы поля и рощи чисты.

Дерзаетъ воинство отъ дальныхъ оныхъ мѣсть,
Гдѣ мщенемъ Ольгинымъ извѣстенъ Искорестъ.
55 Тамъ, Игорь! видится еще твоя гробница,
Надъ коей плакала премудрая Царица,
Хранящая къ тебѣ и во вдовствѣ любовь,
Принесшая тебѣ Древлянску въ жертву кровь.

Уже отверзлися запечатлѣнны двери,
60 Союзамъ съ Москвою соединенной Твери;
Упорство, коимъ сталъ несчастливъ Михаилъ,
Отборнымъ воинствомъ сей городъ замѣнилъ.

Уже оставили морскія бѣлы воды,
Вокругъ Архангельска живущіе народы;
65 Изъ хладныхъ мѣсть несутъ горящу къ бранямъ грудь,
И храбрость лаврами предъ ними стелеть путь.
Любовь къ отечеству берега опустошаетъ,
Которые Двина струями орошаетъ;
На сихъ берегахъ рожденъ преславный сей пѣвецъ,
70 Который пріобрѣлъ безсмертія вѣнецъ,
Который славу пѣлъ и дни золотыя Россовъ,
Гремящей лирою извѣстный Ломоносовъ.

Отъ оныхъ сила мѣсть какъ туча поднялась,
Гдѣ Котросль съ Волгою въ срединѣ стѣнъ слилась;
75 Гдѣ часто къ небесамъ поднявшись руды сѣрны,
Для грома облака приготавлиють черны.

Уже съ крутыхъ вершинъ и со береговъ Оки
Текутъ съ оружіемъ великіе полки;
Война, и славы рогъ въ Коломну привлекаетъ
80 Съ тѣхъ мѣсть народъ, Угра гдѣ съ шумомъ протекаетъ;
Тамъ храбрость Іоаннъ на вѣки утвердилъ,
Когда при сихъ берегахъ Казанцовъ побѣдилъ.
Коломна зреть мужей къ сраженію готовыхъ,

- Притекшихъ отъ луговъ Самарскихъ и Днѣпровыхъ:
 85 Приходятъ ратники къ стѣнамъ на общій сборъ,
 Отъ мѣловыхъ вершинъ, съ лишенныхъ цвѣта горъ,
 Которы жатвою вокругъ благословенны;
 Но кажутся вдали снѣгами покровенны.
 Вооружилися на общаго врага,
 90 Благоуханные Донецкіе брега.
 Ко подкрѣпленію отечества и трона,
 Приходятъ ратники съ извившагося Дона,
 Который водъ струи стараясь разносить,
 Всю хочетъ, кажется, Россію оросить.
- 95 Подвиглись грады всѣ въ обширной части міра.
 Но лъзя ли сильну рать тебѣ изчислить, лира?
 Пришедше воинство подобилося тамъ
 На понтѣ ледяномъ различныхъ птицъ стадамъ.
- Коломна наконецъ отверзла дверь широку
 100 Россійской полночи, полудню и востоку.
 Отъ запада гремятъ въ стѣнахъ мечи у ней;
 И сердцемъ зрѣлася она Россіи всей,
 Къ которому, какъ кровь, вся сила обратилась:
 Кровавая война возрѣвъ на нихъ гордилась.
- 105 Внутри себя и внѣ мечи и пламень зря,
 Встрѣчаетъ городъ сей Россійскаго Царя,
 Который окруженъ отечества сынами,
 Какъ новый былъ Атридъ у Трои подъ стѣнами.
 Онъ видитъ полночь всю подъ скипетромъ своимъ,
 110 И многіе Цари на брань дерзали съ нимъ;
 Всему отечеству сулили большу цѣлость,
 Россійскихъ войскъ соборъ, любовь къ войнѣ и смѣлость.
- Когда полки Монархъ ко брани ополчалъ,
 И молніи носящъ, перуны имъ вручалъ,
 115 На ратниковъ своихъ Россія обращенна,
 И стройностію войскъ, и силой восхищенна,
 И видяща Царя дерзающаго въ путь,
 Подъ громомъ чаяла трубъ звучныхъ отдохнуть;
 Блестящіе мечи, Россійскія сраженья,
 120 Сулили больше ей, чѣмъ миръ успокоенья.
- Прославить воинство предположивъ сіе,
 Склонилъ къ нему Творецъ вниманіе свое.
 И къ войску громкая побѣда обратилась;
 Но свѣтлая заря взошла и помутилась.
 125 Какъ будто льющійся въ луга съ горы потокъ,
 Россійско щастіе препнулъ на время рокъ.

Горѣли мужествомъ уже сердца геройски,
 И ставилъ Іоаннъ въ порядокъ ратны войски,
 Которы принесли отъ странъ различныхъ въ дань,
 130 Любовь къ стечестѣу, злодѣямъ страхъ и брань,
 Летящи мыслями и мужествомъ къ Казани,
 Уже простершія къ сраженью храбры длани.

Вдругъ видятъ съ южныхъ странъ идущу пыль столпомъ,
 И конскій топотный внимаютъ бѣгъ потомъ,
 135 Приблизилось къ Царю, какъ вихрь, видѣнье тое,
 И разступилося какъ облако густое;
 Явились гонцы Россійски наконецъ,
 Которыми влекомъ Ордынскій былъ бѣглець.
 Написанна боязнь у нихъ на лицахъ зрима;
 140 Бѣглець возопіялъ: война! война отъ Крима!
 Уже со множествомъ бунтующихъ Татаръ
 Рязань опустошилъ Ханъ Крымскій Исканаръ;
 Москвы не истребивъ, сей Ханъ не хочетъ мира.
 Вы зрите предъ собой его раба Сафгира.

145 Какъ будто человѣкъ при самомъ бывъ концѣ,
 Изображенну смерть имѣлъ Сафгиръ въ лицѣ;
 Отверзта грудь его, раздранная одежда,
 Являли, что ему одна была надежда:
 Позорно кончить жизнь! Склонивъ главу стоялъ,
 150 И къ Царскимъ вдругъ ногамъ трепещущій упалъ;
 Но бодрости Монархъ отчаяннымъ податель,
 Спросилъ его: кто онъ? Я рабъ твой и предатель!
 Я рабъ твой, землю онъ челомъ бія, вѣщаль.
 Симъ словомъ, не войной сердца онъ возмущаль.
 155 И рекъ ему Монархъ: какъ Царь тебѣ вѣщаю,
 Хотя ты мнѣ и врагъ, вину твою прощаю;
 Но вѣрности въ залогъ теперь повѣдай мнѣ
 О грозной Крымцами внесенной къ намъ войнѣ.

Щедротой оживленъ, молчанье разрываетъ,
 160 И слезы отеревъ, предатель отвѣчаетъ:
 О Царь! мнѣ ты простишь, но Богъ, который мститъ
 За вѣроломство намъ, вины мнѣ не проститъ;
 Уже моей душѣ въ тоску и въ огорченье,
 Является теперь мнѣ вѣчное мученье,
 165 Свирѣпый огонь, болѣзнь, и вѣчна смерть, и гладь:
 Пылаетъ кровь моя, ношу я въ сердцѣ адъ.
 Вы чаете, что я рожденъ въ Махометанствѣ,
 А я увидѣлъ свѣтъ, и взросъ во Христіанствѣ;
 Народу и тебѣ злодѣя и врага,
 170 Во свѣтъ произвели Рязанскіе луга.
 Позволь мнѣ имена сокрыти жизнь мнѣ давшихъ,
 О пагубѣ моей родителей рыдавшихъ;

- Уже ихъ въ свѣтѣ нѣтъ!... Тутъ пролилъ слезы онъ,
И въ грудь себя бѣя, пускалъ глубокой стонъ,
175 И тако продолжалъ: Ихъ нѣтъ! а я остался,
Дабы томился въ вѣкъ, и токомъ слезъ питался;
Прибѣгъ я тако въ Крымъ, искати щастья тамъ,
Къ соблазну юности, душѣ въ позоръ и срамъ;...
О! лучше бы не знать рожденья мнѣ и свѣта,
180 Я тамо впалъ во тму пророка Махомета!
И лстящая меня во то время щастья тѣнь,
Возвысила въ Крыму на знатную степень;
Отъ глазъ моихъ была святая вѣра скрыта,
И вдругъ увидѣли мы хитраго Сеита,
185 Который предложивъ отъ Ордъ Казанскихъ дань,
Вдохнулъ намъ во сердца противу Россовъ брань.
Корыстью, гордостью и лестью ослѣпленны,
Симъ старцемъ всѣ чины явились уловленны;
И силы многія собравый Исканаръ,
190 Нагайскихъ преклонилъ къ странѣ своей Татаръ;
Казанцы златомъ насъ и ратью подкрѣпили;
Съ свирѣпствомъ варварскимъ въ Россію мы вступили;
Предъ нами огонь летѣлъ, за нами смерть и гладъ;
Пустыни дѣлались, гдѣ цвѣлъ недавно градъ;
195 И будто бы съ собой законъ Махометанской,
Приноситъ жадный духъ ко крови Христіанской;
Къ отечеству любовь и чувства потуша,
Остервлена была на кровь моя душа.
Я первый, можетъ быть, не зная казни близкой,
200 Я первый мечъ омылъ, мой мечъ въ крови Россійской;
Не тронуть плачемъ былъ ни отроковъ, ни женъ,
Тогда отъ воинства съ дружиной отряженьъ,
Пошелъ опустошать окружные предѣлы,
И въ пепель обращалъ встрѣчаемыя селы:
205 Рѣками кровь точилъ! И въ нѣкій грозный день,
Когда простерла ночь на землю перву тѣнь,
Со пламенемъ мы домъ и съ воплемъ окружили.
Бѣгутъ отъ нашихъ стрѣлъ, которы въ ономъ жили.
И старецъ мнѣ сквозь мракъ явился въ сѣдинахъ,
210 Котораго гнала свирѣпа смерть и страхъ;
Сей старецъ отъ мечей и копей укрывался,
Онъ руки вознося, слезами обливался.
О варваръ! стономъ я не тронулся его;
Я бросилъ копіе свирѣпствуя въ него,
215 И грудь его пронзилъ. Омытый старецъ кровью,
Со Христіанскою вѣщаль тогда любовью:
Простите, Небеса, убійцѣ смерть мою!
Я долгъ естественный природѣ отдаю;
Мнѣ тако жизнь скончатъ назначила судьбина;

- 220 О! естли сынъ мой живъ, благословляю сына!
 Когда же духъ его съ послѣдней кровью текъ,
 О Боже!... имя онъ мое вздохнувъ изрекъ...
 Я стрѣлы острыя и мечъ мой отвергаю,
 Кончающему жизнь, я къ старцу прибѣгаю,
 225 И въ немъ родителя, несчастный! познаю;
 Онъ кончилъ жизнь, а я недвижимый стою!
 Когда моя душа изъ тѣла вонъ летѣла,
 Отторгнули меня отъ убиенна тѣла.
 Лишенный чувствъ моихъ, я впалъ во смертный сонъ;
 230 Но мнѣ спокойствія не могъ доставить онъ.
 Прости мнѣ медленность въ сказаньѣ такую,
 Я нѣчто важное, о Царь мой! повѣствую.
 Во снѣ родителя я видѣлъ моего,
 Вонзенно копіе я зрѣлъ въ груди его;
 235 Объемлетъ хладною отецъ меня рукою,
 И мнѣ трепещущъ рекъ: не трать, не трать покою;
 Прощаю я тебя, но скройся отъ Татаръ;
 Погибнетъ съ воинствомъ Сеить и Исканаръ!
 Онъ къ небу поднялся... Я въ страхъ пробудился,
 240 И въ саму ону ночь отъ Крымцовъ удалился,
 Бѣжалъ Россіянамъ видѣнье возвѣститъ.
 Хощу ли быть прощень? и лзяль меня простить?
 На смерть сюда пришелъ врагъ Божій безъ боязни.

Сафгиръ простеръ главу, и ждалъ достойной казни.

- 245 Но Царь вѣщаль ему: не мнѣ за грѣхъ твой мститъ:
 Прощаю то тебѣ, что я могу простить;
 Но казни избѣжать въ судѣ по смерти строгомъ,
 Покаясь предо мной, покайся и предъ Богомъ.

Сафгиръ, сей страшный левъ, сталъ кротокъ какъ овеньъ,

- 250 И скрылся отъ людей, крещеньемъ омовеньъ.
 Взирая Іоаннъ Казанцовъ на кичливость;
 И видя хитрость ихъ, вражду, несправедливость,
 Подобно какъ парящъ за добычей орель,
 Который близъ гнѣзда ползущихъ змій узрѣлъ,
 255 Въ поляхъ воздушныхъ птицъ безъ брани оставляетъ,
 И свой полетъ къ зміямъ отважно направляетъ.

Такъ взоры отвративъ отъ подлежащихъ странъ,

- Бросаетъ грозный взглядъ къ полудню Іоаннъ;
 И тамо внемля громъ нечаянныя брани,
 260 Туда войну склонилъ, оставивъ путь къ Казани;
 На Исканара мечъ онъ въ мысляхъ обращалъ,
 И къ мщенію привлечь, Боярамъ такъ вѣщаль:
 Отъ первой храбрости движенія и жара,
 Отъ первыя стрѣлы, отъ перваго удара,

- 265 Зависятъ иногда сраженіе и брань;
 Мы Крымцовъ побѣдивъ, низложимъ и Казань;
 Злодѣйски замыслы Ордынцовъ уничтожимъ,
 Пойдемъ, и первую надежду ихъ низложимъ.
 Я самъ, я самъ иду противу сихъ Татаръ,
 270 Съ которыми притекъ грабитель Исканаръ.

Внимая въ небесахъ намѣренья такія,
 Низходитъ ко Царю Божественна Софія,
 Одежды бѣлыя, горящи вкругъ лучи,
 Какъ звѣзды свѣтлыя, блистающи въ ночи;
 275 Прозрачны облака, что вкругъ ея ходили,
 Въ ея присутствіи Монарха утвердили,
 И зрѣніе его и мысли привлекла,
 И зрима только имъ, Софія такъ рекла:

- О Царь! въ твоихъ рукахъ всея державы цѣлость,
 280 Отваживай свою при важномъ дѣлѣ смѣлость,
 Постыдна для тебя со Исканромъ брань;
 Твоихъ перуновъ ждетъ бунтующа Казань.

Изчезло какъ туманъ небесное явленье.
 Вельможи, зрящіе Царя во изумленьѣ,
 285 И чая разогнать сумнительствъ мрачну тму:
 Къ Казани ли ийти, на Крымцовъ ли ему,
 Въ особый кругъ они стѣснившись разсуждали,
 И мудрости совѣтъ согласно подтверждали.

- Что медлить здѣсь еще? бесѣдуютъ они;
 290 Имѣемъ лѣтніе благополучны дни;
 На Крымцовъ коль ийти, опять зима настанетъ,
 И надъ Казанію нашъ громъ въ сей годъ не грянетъ.
 Отраву между тѣмъ сберетъ сей злый сосудъ,
 И сокрушитъ его настанетъ пущій трудъ;
 295 На Крымцовъ устремить движенія геройски,
 И полководецъ есть у насъ и храбры войски.

Царь внялъ, и къ Курбскому спокойно обратясь,
 Вѣщаль: о храбрый мужъ и славный въ браняхъ Князь!
 Тебѣ спасеніе отечества вручаю,
 300 Въ тебѣ любви къ нему всѣхъ больше примѣчаю;
 Грабителей казнить, на Крымцовъ ты иди,
 Взявъ третью войска часть, ступай, и побѣди!

Такъ Курбскій былъ почтенъ за храбрость превосходну,
 И ревность во сердцахъ умножилъ благородну,
 305 Какъ къ солнцу за орломъ птенцы летящи въ слѣдъ,
 Такъ юноши за нимъ стремятся для побѣдъ.

И видится сей мужъ мнѣ ратью окруженный,
 Царемъ, Боярами и войскомъ уваженный,
 Сіяющъ, какъ луна между звѣздами въ тмѣ,
 310 Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ,
 О Царь! вѣщаетъ онъ, меня найдетъ побѣда,
 Во браняхъ твоего держащагося слѣда!
 Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
 Не страшень пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
 315 Россіяне къ трудамъ и къ славѣ сотворенны;
 (Отечествомъ своимъ лишь былибъ ободренны.)
 Надежду слово то во всѣхъ произвело,
 Весельемъ Царское вѣнчалось чело,
 И вскорѣ онъ Царя и ратниковъ оставилъ,
 320 Онъ съ третью воинства на Тулу путь направилъ.

Ханъ Крымскій между тѣмъ Рязань уже претекъ;
 Какъ змій великій хвостъ, различны войски влекъ;
 Куда ни падали изъ рукъ его удары,
 Вездѣ лилася кровь, раждалися пожары.
 325 На бурныхъ крыліяхъ когда Борей парить,
 Что встрѣтится ему, все ломить и валить;
 Высоки зданія, дремучій лѣсъ объемлетъ,
 Шумить, и въ ярости онъ треску ихъ не внемлетъ.
 На разрушеніе Россіи устремленъ,
 330 Свирѣпый Исканаръ разить, беретъ во плѣнъ.
 Россійской кровію Сеить вездѣ алкаетъ,
 Младенцовъ убивать Ордынцовъ подстрекаетъ;
 Велитъ потоки слезъ и вопль пренебрегать,
 Россіянь не щадить, ихъ грады пожигать.
 335 Сей старецъ, въ бѣшенствѣ и во свирѣпствѣ яромъ,
 Защитникомъ своимъ ругался Исканаромъ;
 Подъ видомъ, будто бы закону онъ радѣлъ,
 И мыслями его и войскомъ овладѣлъ;
 И злобѣ ни на часъ не зная утоленья,
 340 Кровавыя давалъ Ордынцамъ наставленья.
 Такъ гордость завсегда является страшна,
 Подъ видомъ святости гдѣ кроется она;
 Какъ руки, крестъ нося, она окровавила,
 Сіе несчастная Америка явила.
 345 Сеить сугубою прельщается алчбой:
 Любовь злодѣю льститъ и кроволитный бой;
 Несытый Крымскаго владѣтеля услугой,
 Плѣнился Ремою Сеить, его супругой,
 И къ цѣли гнусныя желанья довести,
 350 Принудилъ съ воинствомъ Царя на брань ийти.
 Но нѣжная сія въ любви Махометанка,
 Природой сущая была Иллиріанка;

- Когда оружія разтратятся у нихъ,
 Кидали во враговъ они дѣтей своихъ,
 355 И варварки сіи ихъ члены разрывали;
 Противниковъ своимъ рожденіемъ убивали.
 Отъ крови таковой и Рема родилась;
 Она любви во плѣнь, не силѣ отдалась,
 И ставъ прельщенная прекраснымъ Исканаромъ,
 360 Любила завсегда супруга съ нѣжнымъ жаромъ;
 Но видя, что его изъ стѣнъ влечетъ война,
 Слезами удержать пришла Царя она.
 Сему противилась въ Сеитѣ страсть возженна;
 Онъ рекъ, что безъ него не будетъ брань рѣшенна;
 365 Что въ будущихъ дѣлахъ ему дающей свѣтъ,
 Открылъ ему сіе пророкъ ихъ Махометь,
 И будетъ имъ однимъ попрашна вся Россія.
 Скрывали злую мысль и страсть слова такія.
 Тогда вообразивъ воительный свой полъ,
 370 Оставляя роскоши, спокойство и престолъ,
 Не могши въ жизни быть одна благополучна,
 Съ супругомъ Рема быть желаетъ неразлучна:
 Отправилась на брань, и страхи купно съ нимъ.
 Утѣхи потерялъ Сеитовъ умыслъ симъ;
 375 Однако наущенъ коварствами своими,
 И старецъ сей пошелъ для Ремы въ поле съ ними.

- Тогда алкающихъ вступить съ Россіей въ бой,
 Срациновъ пригласилъ военной Крымъ трубой,
 Которыя уснувъ во тмѣ Махометанства,
 380 Врагами вѣчными остались Христіянства.
 Но сихъ сподвижниковъ сраженіе и война,
 Была съ суровостью грабителей равна;
 Не брань ласкала имъ, ни мужество, ни слава:
 Корысть ихъ цѣль была, а смерть людей забава,
 385 Склоняетъ подъ свои знамена Исканаръ,
 Нагайскихъ, жаждущихъ сраженіевъ, Татаръ.
 Сіи отъ береговъ Уфимскихъ удалились,
 И странствуя въ степяхъ, близъ Крыма поселились;
 Не знаютъ класами сіи покрытыхъ нивъ,
 390 Ни сладкаго плода, ни масличныхъ оливъ.
 Не изнуряя силъ надъ пашнею трудами,
 Обилуютъ млекою и многими стадами;
 Въ походахъ воинство безбѣдствуетъ сіе:
 Кони ихъ пища имъ, а кровь ихъ питіе;
 395 Гдѣ отдыхъ есть для нихъ, тамъ зрится и трапеза;
 Броня ихъ сплетена изъ мягкаго желѣза;
 Закрыты ею вокругъ въ сраженіи они,
 Желѣзны кажутся подъ ними и кони;

Набѣги быстры ихъ въ сосѣдственны предѣлы;
 400 Оружіе у нихъ кинжалъ, копье и стрѣлы,
 Впуская варвары въ желѣзо смертный ядъ;
 Лишаютъ жизни вдругъ, кого мечемъ разятъ;
 И стрѣлы въ высоту отъ ихъ луковъ пущенны,
 Проходятъ сквозь тѣла изъ облакъ возвращенны.
 405 Но долго ратники сражаться не могли,
 И малый зря уронъ, отъ брани прочь текли.
 Сіи воители, искавъ блаженства, нынѣ
 Въ подданство принесли сердца ЕКАТЕРИНѢ.

Защитникамъ своимъ отважнымъ Крымцамъ въ дань,
 410 Оружья огненны устроила Казань,
 И злобу въ ихъ сердца противъ Москвы вливала.
 Сей хитростью Казань унывши уповала,
 Россійской храбрости пареніе пресѣчь,
 И брань, кроваву брань къ другой странѣ отвлечь.
 415 Но тщетно мыслию твоей надежда водить;
 Подъемлетъ Богъ перунъ, Казань! твой рокъ приходитъ.

На силы опершись Ордынскія она,
 Спокойства зрѣлася и радости полна;
 Уже союзниковъ въ Одоевскѣ встрѣчала,
 420 И заключенну смерть въ пищаляхъ имъ вручала.

Такія воинства Ханъ Крымскій къ Россамъ влекъ,
 Какъ бурный вихрь шумя, подъ Тулу онъ притекъ;
 Часть войска разославъ о ихъ на промыслъ пищѣ,
 Устроилъ на берегахъ Упинскихъ становище;
 425 И дать начальникамъ и ратникамъ пиры,
 Онъ златомъ тканья разставилъ вкругъ шатры;
 Пограбленною онъ корыстью веселится,
 И кровью Россіянъ съ чиновными дѣлится.

Но Рема не могла sloкойна быть одна;
 430 Присутствуетъ въ пирахъ задумчива, блѣдна;
 Съ супругомъ вмѣстѣ бывъ, не чувствуетъ покою,
 Дары его беретъ дрожащею рукою:
 Убранства къ ней или невольницъ привлекутъ,
 Слезъ токи у нее, какъ градъ изъ глазъ текутъ;
 435 Отъ злата зрѣніе и пищи отвращала;
 Слезами будущу погибель предвѣщала.

На прелести ея взирающій Сеить,
 Москва отъ насъ близка! вздыхая говоритъ;
 Мы скоро съ пламенемъ войдемъ въ сію столицу,
 440 Увидишь падшу ихъ къ твоимъ ногамъ Царицу;
 Возложишь на себя Россійскій ты вѣнецъ:
 Пришелъ державѣ сей, уже пришелъ конецъ!
 Смотрящій въ ночь сію на круги я небесны,

- Постигнулъ таинства для смертныхъ неизвѣстны:
 445 Я видѣлъ въ воздухѣ всей нашей рати строй,
 И вдругъ Россіяне дерзнули съ нами въ бой;
 Среди военнаго движенія и жара,
 Позналъ я храбраго предъ войскомъ Исканара;
 Какъ молніею онъ, Россіянъ поражалъ,
 450 Всѣ силы сокрушилъ, Московскій Царь бѣжалъ;
 Конечно сбудется видѣнье мною зримо;
 Но стань предъ войсками, о Царь! необходимо....
 Внимали всѣ тому, что старецъ сей вѣщалъ,
 Оцъ Хана паче всѣхъ сей баснью восхищалъ.
- 455   Согласенъ съ старцемъ онъ, но Рема не согласна;
 Отважность для нея супружняя опасна;
 Ей кажется, что онъ обратно не придетъ,
 Не выпущу его, рыдая вопіетъ;
 Владѣтеля хранить всѣхъ воевъ должно болѣ;
 460 Коль онъ пойдетъ, и я пойду въ кроваво поле!
 Когда главѣ его коснется вражій мечъ,
 То кровь моя должна съ супружней кровью течь!
 У стремени его я буду неотступно;
 Побѣды лавръ приму, иль смерть приму съ нимъ купно.
- 465 Всѣ средства хитрости Сеитъ употребилъ,
 И Рему быти съ нимъ во станѣ убѣдилъ.
- Но Курбскій въ шествиі минуты изчитаетъ,
 И съ войскомъ пламеннымъ лѣсъ, горы прелетаетъ;
 Одолѣваетъ гладъ, одолѣваетъ сонъ.
- 470 Приблизился уже къ предѣламъ Тульскимъ онъ,
 И возвратилъ сему трепещущему граду,
 Спокойство, тишину, надежду и отраду.
 Тамъ видя жители съ высокихъ Крымцовъ стѣнъ,
 Мечтали грозну смерть, свою напасть и плѣнъ,
 475 И помня страшныя Ордынскія набѣги,
 Слезами горькими омыли тучны бреги;
 Но Курбскаго въ нощи почувствуя приходъ,
 Въ немъ видитъ Ангела защитника народъ.
- Дрожащая луна на небеса восходитъ,
 480 Блистательныхъ Плеядъ и Скорпію выводитъ;
 Желая воинству отдохновенье дать,
 Подъ Тулой Курбскій сталъ разсвѣта ожидать.
 Онъ зналъ, что Исканаръ съ грабительной толпою,
 Свой станъ разположилъ и войски надъ Упою.
- 485 Сей рыцарь воинство примѣромъ восхищалъ,
 И ратниковъ собравъ, сіи слова вѣщалъ:
 Въ подпору малый сонъ принявъ изнеможенью,
 Незавтре съ Крымцами готовьтеся къ сраженью.
 Вы помните, что Царь велѣлъ намъ побѣдить,

- 490 И должны мы его желанью угодить;
 Не златомъ Кърымскимъ васъ, о други! обольщаю,
 Не Исканаровъ станъ добычей обѣщаю,
 Не гнусная корысть зоветъ ко брани насъ,
 Спасенье общее, и нашей славы гласъ.
- 495 Вниманіе свое на Тулу обратите,
 Тамъ всѣ вамъ вопіють: спасите насъ! спасите!
 Намъ должно кровью ихъ своею искупить;
 Подите храбрый духъ сномъ краткимъ подкрѣпить.
- Вздремали ратники; и бывшу утру рану,
 500 Ко Исканарову ихъ Курбскій двигнулъ стану.
 Тамъ роскошь гнусная, устроивъ гордый тронъ,
 Простерла на своихъ любимцевъ томный сонъ:
 Не брань кровавая не остріе желѣза;
 Имъ зрится сладкая въ мечтаніи трапеза.
- 505 Неосторожности являющій примѣръ,
 Надъ стражей крылія глубокой сонъ простеръ,
 Которая въ мечтѣ Москву пренебрегала,
 Врата и валъ, глаза сомкнувши, облежала.

Но Курбскій, презрящій не равный съ ними бой,

- 510 Даетъ къ сраженью знакъ звучащею трубой.
 Сей звукъ подобенъ былъ удару громовому,
 Который бросилъ огонь къ трепещущему дому,
 Отъ Крымцовъ сонъ бѣжитъ, ихъ будитъ смертный страхъ.
 Какъ бурный вихрь, крутятся, подьметъ въ полѣ прахъ,
- 515 Такъ близкая напасть и смерть отвсюду зрима,
 Подьметъ воинство притекшее отъ Кърыма.
 Бѣгутъ къ оружію, текутъ къ своимъ конямъ,
 Ступаютъ, ихъ искавъ, по собственнымъ бронямъ;
 Въ отчаяньѣ, когда своихъ людей встрѣчаютъ,
- 520 Въ шатры кидаются, и видѣтъ Россовъ чають.

Облекся наконецъ бронями Исканаръ,

- И выбѣжавъ зоветъ разсѣянныхъ Татаръ:
 О робкіе! вскричалъ, спасетъ ли войски бѣгство?
 Пойдемъ, и упредимъ отпоромъ наше бѣдство!
- 525 Внимая рѣчь его, пускала стонъ Упа,
 И ратная кругомъ стѣсняется толпа.
 Сеита вспомнивъ Ханъ, напасть пренебрегаетъ,
 Исторгнувъ острый мечъ, на валъ одинъ взбѣгаетъ.
 Когда предъ войскомъ онъ звучащъ бронями текъ,
- 530 Супругу отъ него Сеитъ въ шатеръ отвлекъ;
 Ей тамо подтердилъ небесное видѣнье,
 Съ совѣтомъ съединивъ къ покорству принужденье.

Отъ Россовъ Исканаръ Ордынцовъ защищалъ,
 Рукою острый мечъ толь быстро обращалъ,

- 535 Что молніями онъ въ рукахъ его казался,
И смерть вносилъ въ сердца, кому во грудь вонзался.
Отважный духъ въ его дружинѣ возгорѣлъ;
На Россовъ сыплется шумящихъ туча стрѣлъ;
На шлемы падаютъ онѣ сгущеннымъ градомъ,
- 540 И разтравляются глубоки раны ядомъ.
Россіяне на валъ разсвирѣпѣвъ летятъ,
Но копѣи, какъ лѣсъ, противу ихъ звучатъ;
Надежда ратниковъ близъ Хана умножаетъ,
И туча воиновъ другую отражаетъ.
- 545 Но Курбскій видящій, что храбрый Исканаръ
Единый подкрѣпилъ и въ брань привлекъ Татаръ,
Злодѣя общаго въ семъ Ханѣ ненавидитъ;
Но въ немъ достойнаго противуборца видитъ.
Какъ съ горнихъ мѣстъ звѣзда летящая въ ночи,
- 550 Течетъ, склонивъ копье, сквозь копья и мечи,
Щитомъ тяжелымъ грудь широко покрываетъ;
Предъ валомъ ставъ, Царя къ сраженію вызываетъ!
Пустился Исканаръ львомъ страшнымъ на него,
И хочетъ копіемъ ударить въ грудь его;
- 555 Но Курбскій твердый щитъ противъ копья оставилъ;
И самъ подобное орудіе направилъ;
Ломаютъ ихъ они, другъ друга не язвятъ,
И дровки съ трескомъ вверхъ по воздуху летятъ.
- Герои на мечи надежду возлагаютъ;
- 560 Какъ будто два луча мгновенно изторгаютъ.
Сразились они; подъ Курбскимъ конь падетъ;
Оставивъ онъ коня, противуборца ждетъ,
Который на него взоръ пламенный возводитъ;
Рѣшитъ ужасный бой, съ коня и самъ низходитъ.
- 565 Блеснули молніи, мечи ихъ вознеслись,
Ударились, и вокругъ удары раздались;
У предстоящихъ войскъ ударъ смыкаетъ взоры,
Онъ съ шумомъ пробѣжалъ сквозь рощи и сквозь горы.
Отважный Исканаръ разсѣкъ у Князя щитъ;
- 570 И Курбскій, ставъ теперь сопернику открытъ,
Ни младости Царя, ни мужеству не внемлетъ,
Свой мечъ обѣими руками вдругъ подьметъ,
И будто тяжкій млатъ обруша на него,
Отсѣкъ и шлема часть и часть главы его;
- 575 Покрылся кровью Ханъ, ланиты поблѣднѣли,
Онъ палъ; брони его какъ цѣпи зазвѣнѣли.
Когда въ глазахъ его свѣтъ солнца исчезалъ,
Въ послѣдній воздохнувъ: О Рема! онъ сказалъ.
- Разсыпалась стѣна, Россіянь удержавша.
- 580 Какъ будто бы рѣка, пути себѣ искавша,

Которая съ вершинъ коль быстро ни текла,
 Плотиною твердою удержана была;
 Но вдругъ ее сломивъ, и чувствуя свободу,
 Бросаетъ съ яростью въ поля кипящу воду:
 585 Такъ наши ратники, сугубя гнѣвъ и жаръ,
 Бездушна Хана зря, ударили въ Татаръ;
 Отчаянье велитъ Ордамъ не унижаться,
 Отчаянье велитъ симъ варварамъ сражаться.

Но храбрость огненна, сія душа войны,
 590 Свѣтилася въ лучахъ съ Россійскія страны;
 И робость ли сердца и зрѣнія смущала,
 Иль Тула въ тѣ часы Ордынцамъ предвѣщала
 Искусства, коими прославится она,
 Готова на враговъ громъ въ наши времена.
 595 Изъ нѣдръ земныхъ гремятъ пищали исходящи,
 Подъемятся шары, огонь производящи;
 Мечами вѣтвія казалися древесъ,
 И дышетъ пламенемъ кругомъ стоящій лѣсъ:
 Ордынцы дрогнули; въ крови оставивъ Хана,
 600 Какъ токи водные текутъ, текутъ изъ стана;
 Но въ мрачныхъ вихряхъ смерть, бѣжаща имъ во слѣдъ,
 Разверзивъ челюсти, взяла у ихъ передъ.
 Строптивая Орда, какъ сжатый вѣтръ завыла,
 Предъ ними смерть стоитъ, ихъ ужасъ гонитъ съ тыла.
 605 Превыше ззѣздъ сѣдящъ, отверзилъ свой чертогъ,
 Подобный столпъ огню, простеръ на землю Богъ;
 Со многозвѣднаго разтвореннаго Неба,
 Безсмертныхъ воиновъ, послалъ съ Борисомъ Глѣба,
 Сихъ юныхъ братіевъ, которыхъ Святополкъ
 610 Угрызъ во младости, какъ агнцовъ лютый волкъ.
 Держа надъ Россами вѣнцы побѣдоносны,
 Два брата, молніи кидаютъ смертоносны.

Духъ мщенія въ сердцахъ Россійскихъ возгорѣлъ;
 Летятъ за Крымцами скоряй пернатыхъ стрѣлъ;
 615 Едина казнь видна, не видно въ полѣ брани:
 Тотъ скачетъ на конѣ, нося стрѣлу въ гортани;
 Иной въ груди своей имѣя острый мечъ,
 Отъ смерти думаетъ носящій смерть утечь;
 Иной, пронзенный въ тылъ, съ коня стремглавъ валится,
 620 И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами литься;
 Глаза подъемяюща катится тамъ глава,
 Произносящая невнятные слова;
 Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ,
 Но конь его стремитъ на копья по неволь;
 625 Отъ рыщущихъ во слѣдъ стараясь убѣжать,
 Ордынцы начали Ордынцовъ поражать:

Братъ смертью братнею дорогу отверзаетъ;
 Въ бѣгущаго предъ нимъ другъ въ друга мечъ вонзаетъ.
 Вопль слышанъ далеко, звукъ бьющихся желѣзь,
 630 И сила Крымская валится будто лѣсъ.
 Погибли варвары, коль быстро ни бѣжали,
 На многи поприщи тѣла ихъ вкругъ лежали.

Гдѣ славою блисталъ вчера надменный Ханъ,
 Князь Курбскій получилъ добычей Крымскій станъ.
 635 Но Ханомъ бывая на промыслъ удаленны,
 Шатрами Крымскими и щастьемъ ослѣпленны,
 Ордынцы валъ прешли; зовутъ своихъ: и вдругъ
 Россійски воины объемлютъ ихъ вкругъ;
 Имъ руки, ни сердца къ отпору не служили,
 640 Они оружіе къ стопамъ ихъ положили.

Прощаетъ Курбскій сихъ. Тогда скрывался день,
 И ночь готовила землѣ прохладну тѣнь;
 На блѣдныя тѣла съ печалью онъ взираетъ,
 Стонъ внемля раненыхъ, слезъ токи отираетъ:
 645 Се слѣдствія войны! стоящимъ говорить;
 И вдругъ сквозь тонкій мракъ жену бѣгущу зреть,
 Которая власы имѣла разпущенны,
 Ланиты блѣдыя и взоры возмущенны;
 Остановлялася, и вдругъ поспѣшно шла,
 650 Рыдала, мертвыя подъемлюща тѣла:
 Смотрѣла имъ въ лице, и прочь отъ нихъ бѣжала;
 Отрубленну главу въ рукахъ она держала,
 Еще имѣющу отверстыя глаза.
 У сей главы въ лицѣ являлася гроза,
 655 И кровь текла во знакъ недавнаго удара.
 Бѣгуща, тѣло зреть лежаща Исканара;
 По шлему, по чертамъ, по чувствамъ познаетъ;
 Се ты, дражайшій Князь! ты другъ мой! вопіетъ;
 И въ Россовъ вдругъ главу отрубленну пустила,
 660 Вскричавъ: О! естлибъ вамъ я такъ же отомстила,
 Какъ мстила Ханску смерть предателю сему,
 Ябъ жертву принесла пріятную ему!
 Остатокъ варвара, который вамъ подобенъ,
 Примите! зло творить и мертвый онъ удобенъ.
 665 Поверженна глава, творя чрезъ воздухъ путь,
 Изъ Россовъ одну ударила въ грудь;
 Хоть смертною блѣдностью была она покрыта,
 Узнали плѣнники главу, главу Сеита.
 Отъ тѣла Курбскій влечь несчастну повелѣлъ.
 670 Летятъ къ ней воины, летятъ скорѣе стрѣлъ;
 Но тщетно помощь къ сей отчаянной спѣшила:
 Она, увидя ихъ, кинжаломъ грудь пронзила;

На Исканара кровь изъ сердца полилась,
Упала, и съ Царемъ, кончаясь, обнялась.

- 675   Тогда предъ Курбскаго невольникъ приведенный,
Военачальникомъ и войскомъ ободренный,
Печальной повѣстью геройскій духъ смущалъ:
То Рема жизнь свою пресѣкла, онъ вѣщальъ;
Я не былъ отлученъ отъ Ремы на минуту;
- 680   Когда познали мы свою судьбину люту,
Что Исканара нѣтъ, Сеитъ въ шатеръ притекъ,
И Рему на коня безпамятну повлекъ:
Бѣжалъ я въ слѣдъ за нимъ. Держа ее руками,
Между Ордынскими скакалъ Сеитъ полками;
- 685   Но Рема наконецъ, сама въ себя пришедъ,
Тоской оживлена и тысящю бѣдъ,
Обманы старцевы и хитрость вобразила,
Сѣдяща вмѣстѣ съ нимъ, кинжалъ въ него вонзила.
Я Рему зрѣлъ тогда подобну страшну льву,
- 690   Отсѣкшую мечемъ Сеитову главу.
Ни плачь мой, ни боязнь ее не удержала,
Обратно со главой сюда она бѣжала.
Царицу удержать, сюда склонилъ я путь,
Сюда, дабы на смерть толь горестну взглянуть!
- 695   Но Курбскій, утоливъ на Исканара злобу,
Велѣлъ единому предать два тѣла гробу,
Слезами ихъ любовь несчастну оросилъ,
И горестъ нѣкую подъ лаврами вкусилъ.

Симъ кончилась война, возженная отъ Крыма,

- 700   Которая была опасной прежде зрима;
И Князь, усердіемъ къ отечеству разженъ,
Вѣнчаннй лаврами и славой окруженъ,
Какъ быстрая стрѣла Россіянъ достигаетъ;
Онъ лавры ко стопамъ Царевымъ полагаетъ,
- 705   Вѣщая: Іоаннъ! прими вѣнцы сіи;
Не мнѣ принадлежатъ, но суть они твои.
Твоими приобрѣлъ побѣду я полками,
И Крымцовъ изтребилъ ихъ щастьемъ, ихъ руками!
Велика слава то, но слава не моя;
- 710   Ихъ въ брани мужества свидѣтель только я,
Яви щедроты имъ въ угрозу побѣжденнымъ,
И я почту себя за трудъ мой награжденнымъ.
Объемлетъ Курбскаго какъ друга Іоаннъ;
Воспѣлъ хвалы ему, воспѣлъ Россійскій станъ;
- 715   На храбрыхъ ратниковъ Монаршею рукою
Щедроты излились обильною рѣкою,
Усердіе въ сердцахъ Россійскихъ возрасло,
И бодрыхъ воиновъ умножилось число;

Простерся по сердцамъ сердитый пламень брани,
720 И тако двинулись Россіяне къ Казани.
Молва на крыліяхъ предъ ней въ Казань парить,
Несутъ оковы къ вамъ! Ордынцамъ говоритъ;
Россійскихъ войскъ число числомъ языковъ множить;
За Волгой сѣетъ страхъ, Казань томить, тревожитъ.
725 Едина во своей Сумбека слѣпотѣ,
Короной жертвуетъ любовной суетѣ;
Но то, чѣмъ духъ ея питается и льстится,
То скоро въ пагубу Сумбекѣ обратится.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ;
Великія моря, лѣса и грады скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
5 Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава Римская исчезла яко дымъ;
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бѣ лучей ничто не помрачало.
Не можетъ счастья не меркнуть красота;
10 И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста!

Кругомъ сѣдящія на олтарѣ Фортуны,
Красуются цвѣты и страшные перуны.
Ко славѣ Іоаннъ цвѣтами прежде шель,
Но терномъ встрѣченъ былъ, и зло преодолѣлъ;
15 Попралъ влекущее его во адъ коварство,
И спасъ терпѣніемъ отъ бѣдства государство.

Вѣнчалась класами Церерина глава,
И солнце въ небесахъ горѣло въ знакѣ Льва;
Сей знакъ, счастливый знакъ, предзнаменуетъ войску
20 И храбрость пламенну, вѣнецъ и вѣтвь геройску.

Уже кипящая подъ веслами вода
Носила по Окѣ Россійскія суда;
Надеждѣ, ревности и счастию врученны,
Плывутъ снарядами и пищею отягченны;
25 Приемлютъ Волжскія шумящія струи
На влажныя свои хребты суда сіи;
И гласы трубныя далеко раздаются;
Въ рѣкахъ брони звучать, въ Коломнѣ слезы льются.

Другую войска часть со стѣнъ сей городъ зреть,
30 Которая на брань, какъ стадо птицъ, парить.
Стонаетъ тучный берегъ подъ ратными полками,
И пыль густыми ихъ объемлетъ облаками,
Скрываются они за крутизною горъ;
Слухъ внемлетъ пѣсни ихъ, но войскъ не видитъ взоръ,
35 И будто на своихъ дѣтей еще взирають,
Отъ стѣнъ родители къ нимъ руки простирають,

И теплыя мольбы возносятъ къ небесамъ:
Да слава двинется во слѣдъ по ихъ стопамъ!

Какъ туча молніи въ груди своей несуща,
40 Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозитъ,
Но въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ;
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такія
Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія;
45 Отважность кроется среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженію ихъ внизъ Волжскихъ береговъ.

Царь будто двѣ руки простеръ на брань съ Ордою,
Одну хребтами горъ, другую надъ водою;
Сквозь мрачныя лѣса, чрезъ горы полетѣлъ;
50 Въ судахъ рѣками плыть Морозову велѣлъ.
Довольство по струямъ не робкою рукою
Влекло сіи суда средь мирнаго покою;
Единой храбростью сердца обременивъ,
Тамъ шествуютъ полки среди обильныхъ нивъ;
55 Отъ зноя кроются прохладными лѣсами,
И горы громкими зыбились голосами.
Тамъ звѣри дикія къ идущимъ пристають;
И кажется, себя имъ въ пищу отдаютъ;
Пріятныя поля, вертепы, рощей тѣни,
60 Стада поющихъ птицъ, и серны, и елени,
Совокупилось все Россіянь услаждать,
Всѣ вещи двинулись Казанцовъ побѣждать.
Тамъ паству тучную луга готовятъ злачны;
Тамъ жажду утоляютъ, біютъ ключи прозрачны;
65 Приносятъ Нимфы имъ Помонины дары;
То зрится не походъ, но вѣчные пиры.

Израилю въ пути столпъ огненный предходитъ;
Россіянь пламенна къ побѣдамъ храбрость водить.
Какъ будто изъ береговъ поднявъ хребетъ рѣка,
70 И паствамъ и лугамъ грозитъ издалека,
Долины и поля объемлюща въ началѣ,
Суровѣ течетъ, чѣмъ валъ кидаетъ далѣ;
Наполнивъ шумомъ водъ пещеры и лѣса,
И зданія влечетъ и горды древесна:
75 Такъ воинство на брань Россійское дерзало.
Но щастіе свою невѣрность оказало;
Уже отчаянье тревожило Татаръ;
Мечтался имъ Сеить, мечтался Исканаръ.

Уже Россійскихъ войскъ великая громада,
80 Касалась древняго Владимирскаго града.

- Тамъ видно озеро извѣстныхъ мутныхъ водъ,
 Которыя зоветъ бездонными народъ.
 И градъ обрушенный мечтаетъ быть во ономъ,
 Вѣщающій свою погибель частымъ звономъ.
- 85 Минуя воинство плачевныя брега,
 Преходитъ градскія зеленыя луга;
 Извѣстной въ древности нещастьями столицы,
 Открылися вдали Владимирски бойницы.
 Тамъ видимы еще среди крутыхъ береговъ
- 90 Остатки мшистыя пловучихъ острововъ;
 Всечасной казню они изображаютъ,
 Коль строго Небеса убійцевъ поражаютъ;
 И предка Иоаннъ напомнивъ своего,
 Сіе прочелъ въ слезахъ въ надгробіи его:
- 95 Боголюбиваго разторгли, яко звѣри,
 Свирѣпы братія Кучковой злобной дщери;
 Георгій симъ врагамъ за брата отомстилъ,
 Во гробы заключивъ, живыхъ на дно пустилъ.
 Земля не емлетъ ихъ, вода въ себя не просить,
- 100 Подъ видомъ острововъ до днесъ убійцевъ носитъ;
 Покрыты терніемъ поверьхъ воды живутъ,
 И кажется, еще въ своей крови плывутъ.

- Царь въ сердцѣ впечатлѣвъ Ордынски разоренья,
 Направилъ быстрый ходъ враговъ для усмиренья,
- 105 Уже онъ Муромски предѣлы прелеталъ,
 И Нижній-градъ идущъ къ Велетмѣ миновалъ;
 Оставивъ Суздальскихъ владѣтелей столицу,
 Вступилъ Россійскія державы на границу.
 Тамъ видитъ ярости Казанскія слѣды,
- 110 Разлившіяся вокругъ какъ быстрый токъ воды;
 Взведетъ ли Иоаннъ слезами полны взоры
 На доли томныя, на возвышенны горы,
 На храмы Божіи, на селы, на пески,
 Все ризой черныя одѣяно тоски;
- 115 Въ крови, казалось, созженны дома тонуть,
 Дымятся вокругъ поля, лѣса и рѣки стонутъ.
 Пролей со мной, пролей, о Муза! токи слезъ,
 Внимая плачь вдовицъ и тяжкихъ звукъ желѣзъ.

- Печальны матери воителей встрѣчаютъ,
 120 У коихъ скорби взоръ и лица помрачаютъ;
 Терзая грудь свою, едина вопіетъ:
 Мой сынъ, любезный сынъ! Тебя во свѣтѣ нѣтъ!
 Я видѣла его кинжаломъ пораженна,
 Моя надежда съ нимъ и пища погребенна;
- 125 Отмстите за него!... Упала ницъ она,
 И вышла изъ нее душа тоски полна.

- Безчеловѣчную Ордынску помня ярость,
 Подъемлется съ одра трепещущая старость;
 На домъ свой указавъ дрожащею рукой:
 130 Отсюда похищенъ, вѣщаетъ, мой покой!
 Не давно набѣжавъ грабители суровы,
 Вложили на моихъ дѣтей при мнѣ оковы.
 Къ отмщенью видящій удобные часы,
 Подъ шлемомъ бѣлыя скрываетъ онъ волосы;
- 135 И старцы многіе, мечей внимая звуки,
 Берутъ оружіе въ трепещущія руки,
 Едва біющася щитомъ покрыли грудь;
 Казалось, лебеди летятъ съ орлами въ путь.
 Полуумершу плоть надежда оживила;
- 140 И будто вѣтвія отъ корени явила:
 Такъ бодрость на челахъ у старцовъ процвѣла,
 Котора скрытою, какъ въ пеплѣ огонь, была.
 Безильны отроки, примѣромъ ободренны,
 Во храбрыхъ ратниковъ явились претворенны.
- 145 Въ долинѣ древній дубъ простерши тѣнь стоялъ,
 Тамъ корень у него токъ водный наполялъ;
 Единъ изъ жителей Царя къ нему приводитъ,
 Онъ гордое на немъ писаніе находитъ:
 Народамъ симъ велитъ свирѣпая Казань
- 150 Въ залогъ дѣтей привести, свое имѣнье въ дань;
 И естли въ лунный кругъ та жертва не приспѣетъ,
 То вся сія страна навѣки запустѣетъ;
 Россійской кровію омоются поля,
 И будетъ пламенемъ пожерта ихъ земля.
- 155 Что дѣлать намъ теперь? несчастный вопрошаетъ
 Царя, которому промолвить гнѣвъ мѣшаетъ,
 Но скрывъ досаду, рекъ: Дадимъ Казанцамъ дань;
 Не золото, не сыновъ, дадимъ кроваву брань,
 Пускай отъ здѣшнихъ странъ сіи сыны любезны
- 160 Не узы понесутъ, но огонь, мечи желѣзны!
 Воздвигли жители какъ море общій гласъ:
 Веди, о Государь! скоряя къ Казани насъ!
- Тогда предсталъ Царю, кипящему войною,
 Почтенный нѣкій мужъ, украшенъ сѣдиною;
- 165 И тако рекъ ему: Гряди противъ Татаръ!
 Однако укроти на время ратный жаръ:
 Ихъ пламень, Государь, въ ихъ сердцахъ не простынетъ,
 А слава и тебя конечно не покинетъ;
 Свое стремленіе, свой подвигъ удержи,
- 170 На лунный оборотъ походъ свой отложи;
 Не мерзостный подлогъ въ мои слова вмѣщай:

- Для блага общаго я истинну вѣщаю.
 Когда ты поспѣшишь желанною войной,
 Войною на тебя возстанетъ жаръ и зной;
 175 И долженъ братися не съ робкою Ордою,
 Но съ воздухомъ, съ огнемъ, съ землею и водою.
 О Царь! Движенія военны потуши;
 Бѣдою общею для славы не спѣши.
- Глаголы старика, сѣдиной умащенна,
 180 Какъ будто слышались изъ храма освященна,
 И напояли всѣхъ какъ сладкая роса.
 Но Царь сказалъ, глаза возведъ на небеса:
 О Боже! Ты то зришь, что я не ради славы,
 Но для спасенія сражаюсь державы;
 185 А естли истребить желаетъ Небо насъ,
 Россія вкупѣ вся, да гибнемъ въ сей мы часъ!
 Но ты, премудростью исполненный небесной,
 О старче! о дѣлахъ предбудущихъ извѣстной;
 Введи глаза кругомъ, и слухъ твой приклони,
 190 Услышишь вопли здѣсь, увидишь вкругъ огни;
 Младенцы видимы, о камень пораженны,
 Текуща кровь въ поляхъ и дома въ прахъ созженны,
 Повелѣвають намъ отмщеньемъ поспѣшать;
 Зря слезы, можно ли отмщеньемъ не дышать?
- 195 Когда Царева рѣчь сей страхъ изображала,
 Вдругъ дѣва, блѣдный видъ имѣюща, вбѣжала;
 Скрывающи ея увядшія красы,
 Прилипли ко лицу заплаканну власы;
 Потоккомъ слезъ она стелящу грудь кропила,
 200 И руки вознося, къ Монарху возопила:
 Неси, о Государь! къ Казани огонь и мечъ,
 Вели ты воды вкругъ, вели ихъ землю жечь;
 Да воздухъ пламенемъ Ордынцамъ обратится;
 Но что? ужъ мой супругъ ко мнѣ не возвратится!
 205 Я смертью многихъ Ордъ не возвращу его,
 И жертва лучшая конецъ мой для него;
 Вонзите, кто ни есть, мнѣ мечъ во грудь стелящу!
 Пустите душу вонъ къ любезному хотящу!
 Скончайте съ жизнію и муку вдругъ мою!
 210 Стыда я моего предъ вами не таю:
 Любовной страстію къ несчастному возженна,
 Уже была я съ нимъ закономъ сопряженна;
 Уже насъ брачныя украсили вѣнцы:
 Какъ въ самый оный часъ, всеобщихъ бѣдъ творцы,
 215 Казанцы лютые въ Господній храмъ вломились,
 И брачныя свѣщи въ надгробны претворились;
 Оковы нѣжныя, связующія насъ,

Кровавыя мечи разторгли въ оный часъ;
 Влекомый мой супругъ отъ глазъ безчеловѣчно,
 220 На мѣсто: я люблю! сказалъ, прости мнѣ, вѣчно!
 Рвалася я изъ рукъ, произносила стонъ,
 Но далѣ что вѣщать?... Поруганъ и законъ!
 Скитаюся въ лѣсахъ, я странствую въ пустынѣ,
 То завтра льщусь найти, чего не вижу нынѣ;
 225 По камнямъ бѣгаю при солнцѣ, при лунѣ,
 Нигдѣ не встрѣтится супругъ любезный мнѣ.
 О небо! о земля! хотъ тѣнь его явите;
 Но что вы медлите? Грудь вскройте, сердце рвите!
 При семъ во всѣ страны кидаяся она,
 230 Поверглась на копье, разсудка лишена,
 И воина въ рукахъ копье сіе держаща,
 Омыла кровію лицомъ къ лицу лежаща.

Въ сіи печальныя и страшныя часы,
 Подъемятся у всѣхъ отъ ужаса власы;
 235 Царь въ сердцѣ горести носящій остро жало,
 Ко старцу обратясь, вѣщаль: Еще ли мало!
 Еще ли мало намъ причинъ спѣшить на брань?
 И тартару сія была страшна бы дань;
 Простительно ли намъ, судьбину видя люту,
 240 Отсрочивать войну хотя одну минуту?
 Орды свирѣпыя мгновенно притекутъ,
 Народъ, и съ нимъ тебя въ неволю повлекутъ;
 Иное быть Царемъ, иное жить въ пустынѣ;
 Не дѣлай намъ препятствъ, и не кажись отнынѣ.
 245 Но старецъ Царскою грозой не укрощень,
 Отвѣтствовалъ Царю, бывъ свыше просвѣщенъ:
 Живуща храбрость въ васъ, хотъ день, хотъ годъ продлится,
 Отъ пламенныхъ сердецъ, о Царь! не удалится;
 Но ежели врагамъ отмщяя и грозя,
 250 Тебѣ противъ судьбы не воевать не лзя,
 Гряди въ опасный путь! Желанье ты исполнишь,
 Однако нѣкогда о старцѣ ты напомнишь;
 Обременяй себя и воинство трудомъ:
 Ты все бы побѣдилъ, но съ меньшимъ бы вредомъ;
 255 Успѣлъ бы самъ себя во брани ты прославить;
 Но бѣдствъ хочу твоихъ едину часть убавить.
 Нещастну меньше быть принужу я тебя:
 Возьми сей щитъ, носи на рамѣ у себя,
 И знай, когда его поверхность потемнѣетъ,
 260 Что тяжкій грѣхъ въ тебѣ по сердцу плевы сѣетъ;
 И что премудрости сіянье потуша,
 Унизила твоя великая душа.
 Сей щитъ изображалъ смѣшенныя стихіи,

- Которы надъ главою носились у Россіи;
 265 Но страшну оныхъ брань Владимиръ укротилъ,
 Когда страны свои крещеньемъ просвѣтилъ;
 Очистивъ мракъ души черезъ священну воду,
 Какъ солнце, свѣтъ излилъ подвластному народу;
 Благочестивою онъ вѣрой окружень,
 270 Ни плачу не внималъ, ни воплю милыхъ женъ;
 Молитвы жречески и лестъ пренебрегаетъ;
 Во Днепръ гремящаго перуна низвергаетъ;
 Кумира страшнаго пріѣвшая волна,
 Нахмурясь у береговъ являлася черна;
 275 На брегѣ, благодать гдѣ тартаръ побѣдила,
 Видна съ Денницею брань небесна Михаила;
 Ни Позвидъ, вихрей царь; ни грозный Чернобогъ,
 Владимира смягчить ни укротить не могъ;
 Ни сынъ роскошныя и сладострастной Лады,
 280 Сооружающій житейскія прохлады,
 Котораго во тмѣ Владимиръ обожалъ,
 Полель отъ молніевъ его не избѣжалъ;
 Усладъ, питающій обманчивыя страсти,
 Всѣ боги зрѣлися разрушены на части.
 285 Тамъ спяща зрѣлася смерть, братъ смерти грѣхъ, уснулъ;
 Отверзтыя уста стениящій адъ сомкнулъ.
 Когда всей мыслью Царь въ картины углубился,
 Въ то время старецъ, щитъ вручивый, удалился.
 Скорбя, что имени его не спросилъ,
 290 О старче! въ духѣ Царь геройскомъ возгласилъ:
 Колико ты ни правъ въ пророчествѣ гремящемъ,
 Коснѣти не могу мнѣ въ дѣлѣ подлежащемъ;
 Одно исполню то, что щитъ беру съ собой;
 Велите знакъ подать къ движенію трубой!
 295 Вельможи сходну мысль съ начальникомъ имѣли,
 И ратные полки какъ буря возшумѣли,
 Покрылъ сгущенный прахъ сіяніе небесъ!
 Царь шествовалъ къ лугамъ, гдѣ есть Саканскій лѣсъ;
 Въ предѣлахъ, скипетру Россійскому подвластныхъ,
 300 Вездѣ встрѣчается и стонъ, и плачь несчастныхъ;
 Стрѣлами ужаса гонимы изъ домовъ,
 Сокрылись жители во глубину лѣсовъ;
 Надежнѣе для нихъ среди звѣрей жилище:
 О чадахъ не радятъ, о паствѣ ни о пищѣ;
 305 Волы забывъ яремъ, безъ пастыря ревуть,
 И странствуя въ лугахъ, траву поблеклу рвуть;
 Стада, призрѣнія и прежнихъ нѣгъ лишены;
 Тамъ селы видимы въ пустыни превращены;
 Повсюду бѣдности и смертной грусти видъ,
 310 Слѣды мучительства, насилія, обидъ.

- Примѣтивъ Царскій взоръ, печалью омраченный,
 Адашевъ, другъ его, взаимно огорченный,
 Не покидающій сей мужъ нигдѣ Царя,
 Вѣщалъ ему, насквозь Монарше сердце зря:
- 315 Почтенна скорбь твоя! О дѣтяхъ ты жалѣешь;
 Но щастливъ ты, что имъ отцемъ ты быть успѣешь;
 Смотри, о Государь! на подданныхъ твоихъ:
 Ты, можетъ быть, считалъ въ довольствѣ полномъ ихъ;
 Лъстецы, которые престолъ твой окружали,
- 320 Ихъ въ райскомъ житіи тебѣ изображали.
 Когда бы ты, чужимъ повѣривъ словесамъ,
 На скорби не взглянулъ, на ихъ печали самъ,
 Ты, ставъ бы уловленъ сѣтми совѣтовъ вредныхъ,
 Лъстецовъ бы наградилъ, а сихъ бы презрилъ бѣдныхъ;
- 325 А естлибъ вопли ихъ къ престолу и дошли,
 Самихъ бы ихъ виной толикихъ бѣдъ почли,
 Сокрылибъ слезы ихъ, гоненія, обиды,
 Несправедливые и вымышленны виды.
 Бываетъ часто Царь лукавствомъ уловленъ;
- 330 Съ народомъ онъ стѣной великой раздѣленъ,
 И естли взоръ когда на подданныхъ возводитъ,
 Онъ радость на челахъ написанну находить;
 Но тщательнаго имъ въ себѣ явить отца,
 Ты долженъ разбирать не лица, но сердца;
- 335 Вниманья каждый вздохъ на тронѣ удостоить;
 Тогда познаешь, какъ народно благо строить;
 Нещастны жители примѣры подаютъ;
 Ты видишь, тщетноль здѣсь на небо вопіють?
 Когда бы, Государь, вельможамъ ты повѣрилъ,
- 340 И самъ бы скорби ихъ пучины не измѣрилъ:
 Черезъ годъ бы здѣшній край на вѣки запустѣлъ;
 И поздно ихъ спасать, хотя бы ты хотѣлъ;
 Стоналибъ камни здѣсь, земля бы трепетала,
 А лестъ бы и тогда хвалы тебѣ сплетала!
- 345 Когда бы въ праздности ты былъ сихъ бѣдъ творцемъ,
 Тебя бы нарекли ласкатели отцемъ.
 Теперь преубѣжденъ печали ихъ виною,
 Блаженство хочешь имъ доставити войною;
 Гряди, и доставляй! То правда, что война
- 350 Для мудраго Царя быть цѣлью не должна;
 Но естли общее спокойство кто отъемлетъ,
 Тогда отечество и мощь его не дремлетъ;
 Стремится молніи и громы отвращать:
 Спасенья общаго не можно запрещать.
- 355 Ты правъ во подвигахъ, но ты имеешь средство,
 Безъ брани отвратить отъ странъ полочныхъ бѣдство;
 Яви Божественной величество души,

- Отправь посла въ Казань, къ твоимъ врагамъ пиши:
 Когда свирѣпость ихъ и наглость усмирится,
 360 Мятажь отринется, гордыня покорится;
 Когда грабежь назадъ и плѣнныхъ отдадутъ,
 Твои на дерзкій градъ перуны не падутъ;
 Великодушіемъ ты больше славенъ будешь,
 И старцевыхъ угрозъ межъ тѣмъ, о Царь! избудешь.
- 365 Не страшны мнѣ они, вѣщаетъ Іоаннъ,
 Мнѣ мечъ людей моихъ для защищенья данъ;
 Ко сохраненію гонимыхъ и стелящихъ,
 Противъ перуновъ грудь поставлю я гремящихъ;
 Я былъ бы слабый Царь, когда бы, внемля стонъ,
 370 Народъ мой позабывъ, одинъ любилъ бы тронъ!
 Однако твоему совѣту внемля благу,
 Пошлю въ Казань пословъ, лишь придемъ на Свіагу;
 Но, другъ мой, можло ли когда повѣрить намъ,
 Злодѣйствомъ дышущимъ и бунтами странамъ?
- 375 Колико кратъ они покорствомъ миръ купили,
 И клятву данную Россіи преступили?
 Затмилъ сердца у нихъ пророкъ ихъ Махометь;
 И правда есть ли тамъ, гдѣ чистой вѣры нѣтъ?
 Мнѣ слезы, стонъ, бѣды, и горести народны
 380 Ужаснѣ внимать, чѣмъ громъ и бури водны;
 А естли и животъ во брани положу,
 Я кончилъ жизнь какъ Царь, кончаяся скажу.

- Влекомымъ въ люту брань движеніемъ сердечнымъ,
 Героямъ зрѣлся путь къ Казани безконечнымъ,
 385 Ахъ! для чего, рекутъ, кидая смутный взоръ
 На круги времени, на цѣпь сліянныхъ горъ,
 Ахъ! солнце для чего толь медленно катится,
 И вдругъ протяжность горъ въ пути не сократится?
 Почто не здвинется великій Волжскій берегъ,
 390 И не сугубится нашъ въ полъ быстрый бѣгъ?
 Въ сію минуту бы съ кичливою Казанью,
 Мы ради совершить судьбину нашу бранью.

- Грядетъ предъ войскомъ Царь, какъ страшный брани богъ,
 И слава передъ нимъ въ гремящій трубитъ рогъ;
 395 Орда предчувствуетъ въ груди кровавы раны!
 Приходитъ Царь къ брегамъ излучистыя Пьяны,
 Гдѣ роскошь въ древности съ Россіянъ лавръ сняла
 И побѣжденному народу отдала;
 Природа вѣчный знакъ на сихъ берегахъ явила,
 400 Сей быстрья рѣки теченье изкривила,
 И тамо кажется струямъ велить взывать:
 Коль мало надлежитъ на щастье уповать!
 Тамъ въ прежни времена какъ солнце закатилось,

Побѣды торжество во гробъ преобратилось.

- 405 Уже переходитъ Царь струи Медянскихъ водъ,
Нагорный рабствуетъ Россіянамъ народъ;
Какъ будто нѣкими волшебными руками,
Мосты устроились предъ нашими полками,
Усердія огонь въ народахъ возгорѣлъ,
410 Когда Россійскій къ нимъ приблизился Орелъ.

- И Царь вѣщалъ: не зримъ сей казни мы небесной,
Которою грозилъ намъ старецъ безъизвѣстный;
О други! естли бы претилъ войну намъ Богъ,
Я съ вами бы достигъ до сихъ береговъ не могъ;
415 Пріятно и страдать за толь вину законну;
Сомнительноль Казань разрушить непреклонну?
Тамъ Божіи враги, грабители живутъ;
Насъ вѣра противъ ней и правда въ брань зовутъ;
Колико святы суть движенья таковыя!
420 Не грабить, за себя отмщать идетъ Россія!
А ежели, друзья! нашъ жребій и таковъ,
Что мы, искавъ побѣдъ, падемъ во смертный ровъ:
Окончимъ жизнь! но смерть безстрашіемъ уловимъ;
Цвѣты своимъ гробамъ заране приготовимъ,
425 Которыми почтить потомки должны насъ;
Кто страшень Россы вамъ, когда самъ Богъ по васъ?
Слова сіи какъ медъ воители вкушали,
Они сердца у нихъ и мысли возвышали;
Носился нѣкій свѣтъ надъ шлемами у нихъ,
430 И храбрость множилась отъ предвѣщаній сихъ.
Единъ Адашевъ былъ невесель, смутенъ, мраченъ;
Ему казался путь успѣхомъ не означенъ;
И старцовы слова, и видъ, и взглядъ его,
По сердцу сѣяли сомнѣнье у него;
435 Онъ втайнѣ воинство за пылкость порицаетъ.
Духъ чистый завсегда далеко проникаетъ!
Молчалъ, стыдящійся движеньямъ Царскимъ льстить.
Плачь, Муза!... Время войскъ погибель возвѣститъ.
Такой уставъ Небесъ, иль то судьбины тайность,
440 Что къ пагубѣ близка земнаго щастья крайность.

- Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ,
Тамъ всѣхъ источникъ золь, Безбожіе живетъ;
Оно геэнскими окружено струями,
Піетъ кипящій ядъ, питается зміями;
445 Простерли по его нахмуренну челу
Развратны помыслы, печали, горестъ, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
Устами алчными коснется кто сему,

- 450 Противно въ мірѣ все покажется тому;
 Безбожіе войны въ семъ мірѣ производитъ;
 Рукой писателей неблагодушныхъ водить,
 И ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
 Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца;
 455 Имѣя пламенникъ, съ привѣтствіемъ строптивымъ,
 За щастьемъ въ слѣдъ летитъ, предъидетъ нечестивымъ,
 Со знаменемъ предъ нимъ кровавый ходитъ бой;
 Его изчадія гоненье, страхъ, разбой;
 Свирѣпство мечь остритъ кругомъ его престола,
 460 Ни рода не щадитъ, ни разума, ни пола;
 Колеблетъ день и ночь, ограду общихъ благъ;
 Оно безчинства другъ, народной пользы врагъ;
 Среди нечестія, зміями вокругъ увито;
 Хоть сѣетъ зло вездѣ, злодѣйствами не сыто!

- 465 Увидя, что среди блестящихъ въ небѣ звѣздъ
 Сіяніе простеръ побѣдоносный Крестъ,
 И что Россіяне во слѣдъ за громкой славой
 Несутъ въ сердцахъ войну и мечъ въ рукахъ кровавой;
 Зря въ трепетѣ ему подверженну страну,
 470 И тмы владычицу, блѣднѣющую луну,
 Безбожіе смутясь, въ отчаяньѣ трепещетъ,
 Молніеносные на небо взоры мещетъ:
 Увы! преходитъ власть моя, гласитъ оно,
 Низверженна съ небесъ вселенныя на дно;
 475 Послѣднее мое убѣжище теряю,
 Завидно Небесамъ, что вредъ я сотворяю;
 Но Богомъ будучи добра отчуждено,
 Я имъ, конечно имъ, на вредъ и рождено,
 И бытіе мое во связи міра нужно;
 480 Со Благочестіемъ не лзя мнѣ жити дружно;
 Кто смѣетъ мой престоль, кто смѣетъ разрушать?
 Иль хошетъ Богъ меня послѣднихъ жертвъ лишать?
 О тартаръ! на тебя оковы возлагаютъ!

Изъ тмы къ нему его клеветы прибѣгаютъ:

- 485 Огнями дышуца предстала черна Мечь;
 Имѣя видъ зміи, ползетъ презрѣнна Лечь;
 Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ,
 Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ;
 Лукавство, яростный потупя въ землю видъ,
 490 Передъ Безбожіемъ задумавшись стоитъ;
 Вражда, исполненна всегда кипящимъ ядомъ,
 Во трепетъ тартаръ весь приводитъ смутнымъ взглядомъ;
 Изъ глазъ Отчаянья слезъ токи полились;
 Злодѣйствы многія къ Безбожію сошлись.

- 495 Тогда оно главу потупленну имѣя,
 Но горести своей вины сказать не смѣя,
 О чада! воздохнувъ, о други! говорить:
 Или изъ васъ никто погибели не зрить;
 Познайте съ воинствомъ грядуща Іоанна;
 500 Россія хоцетъ быть, и вѣра ихъ вѣнчанна.
 Взглянули... и вдали увидя Крестъ въ лучахъ,
 Возчувствовали гнѣвъ, отчаянье и страхъ!
- Уста ихъ пагубы всеобщей не сказали,
 Но бѣдство близкое ихъ лица доказали;
 505 Погибель зря свою и робость видя въ нихъ,
 Скрываетъ ужасы въ душѣ владыка ихъ,
 И тако вопіетъ, кидая мрачны взгляды:
 Колико слабы вы, мои нещастны чады!
 Или забыли вы, что царство нашей тмы
 510 Простерли по всему земному шару мы?
 Любимцамъ Божіимъ законы подавали;
 Забыли, что съ самимъ мы Богомъ воевали,
 И въ трепеть иногда ввергали небеса?
 Вся та же мочь у насъ, хотя не та краса...
 515 Хоть ликъ Безбожія спокойствомъ покрывался,
 Но стонъ въ груди его, какъ въ сводахъ отзывался.
 Рекло: безстрашія я вамъ явлю примѣръ.
 Духъ Адскій два крыла, какъ парусы, простеръ,
 До облакъ взнесся онъ. Безбожіе взглянуло,
 520 И видя Россіянъ во славѣ, воздохнуло;
 Въ душѣ смятеніе, въ очахъ имѣя жаръ,
 Какъ нѣкій огненный катилось къ Волгѣ шаръ.
 Злодѣйства многія, какъ искры и мятели,
 Изъ бездны адскія во слѣдъ ему летѣли;
 525 Горящими они струями разлились,
 Во слѣдъ Безбожія какъ облаки вились.
 Подземнымъ воинствомъ и мракомъ окруженно,
 Досадой, мщеніемъ и гнѣвомъ разозженно,
 Направило оно, какъ буря, шумный ходъ
 530 Въ страну, гдѣ ослѣпленъ невѣжествомъ народъ.
 О Муза, вѣдуща и доброе и злое!
 Изобрази ты мнѣ кумировъ царство тое.

- Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой¹,
 Ни пашни тучныя, ни жатвы нѣтъ золотой;
 535 Питается звѣрьми народъ звѣрямъ подобный,
 Свирѣпья сердца и видъ имѣетъ злобный;
 Лежащій вѣчный мракъ у нихъ на очесахъ,
 Имъ кажетъ божество и въ самыхъ древесяхъ;
 Вселились въ сей народъ какъ въ темные чертоги,

¹ Сіе языческое идолослуженіе подробно описано въ путешествіяхъ Г. Профессора Лепехина.

540 Отъ многобожія и суетвѣрства многи;
Жрецы и жрицы ихъ обманами живутъ,
Тѣ мрачныя Орды Заволжскими сльвуть.

Безбожіе въ страну подвластную приходитъ,
На олтари свои печальный взоръ возводитъ,
545 И видя, что кругомъ померкнуть хочеть свѣтъ,
Летящихъ вокругъ духовъ въ собраніе зоветъ,
И зрится взору ихъ какъ страшная комета,
Повелѣваетъ имъ, ихъ требуетъ совѣта;
Почто вамъ, говоритъ, коснѣти въ сей странѣ?
550 Теките, кройтесь въ кромешну тму ко мнѣ!
Намъ дикая страна наслѣдствомъ оставалась,
Гдѣ наша власть равна божественной казалась;
Но рокъ приходитъ нашъ, и близокъ грозный часъ,
Перуны Божіи вездѣ находятъ насъ;
555 Лишаетесь вы жертвъ, лишаетесь вы славы;
Вамъ адъ прибѣжище, во свѣтѣ нѣтъ державы!
Бѣгите, робкіе! отъ сихъ печальныхъ странъ!
Сюда преноситъ Крестъ и громы Іоаннъ;
И прежде чтущіе народы васъ мольбами,
560 Россійскими теперь содѣлались рабами....
Но смутныя слова, произнесенны имъ,
Единый страхъ всея, исчезли яко дымъ.

Тогда Безбожіе, какъ адъ печально стало,
И въ первый разъ оно отъ страха трепетало;
565 Однако пламенный кидая всюду взглядъ,
Простерло у духовъ по сердцу злость и ядъ.

Какъ молнія, когда и въ камень ударяетъ,
Свободный путь себѣ далеко отворяетъ:
Такъ ядъ Безбожія проникъ въ сердца духовъ,
570 И слышны отъ него такіе громы словъ:
Предупредимъ, друзья! погибель нашу близку,
Пойдемъ и сокрушимъ противну рать Россійску,
Подвигнемъ тартаръ весь!... пойдемъ, докажемъ имъ,
Что сильны мы вредить, когда вредить хотимъ.

575 Богинѣ, чтимой здѣсь въ лицѣ небесна Феба
Речеть: О правяща горящимъ кругомъ неба!
Разлей геенскій зной, разлей по всей земли.
Ты, воздухъ! вспламени и камни распали,
Луга и древесна растеніевъ лишите!
580 Сгустите рѣки вокругъ, потоки иссушите!
А ты, который здѣсь изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Перуномъ наречень, о грозный Киреметъ,
Который устрашалъ полночныя народы!
И нынѣ устраши, взбунтуй огонь и воды....

- 585 Свирѣпостью дыша, и пагубу творя,
 Я въ сѣти уловлю Россійскаго Царя;
 Я возвращу мѣста, гдѣ троны вы имѣли,
 Подъ сладкимъ имянемъ Триглава и Полели;
 Стремитесь, друзья! свирѣпость насыщать,
 590 Губить, карать, мертвить, тиранить, обольщать!...
 Какъ волки гладные, злодѣйствами взалкали,
 Кумиры, дружбы въ знакъ, руками восплескали,
 И мракъ является во свѣтлыхъ небесахъ;
 И слышенъ томный стонъ во жертвенныхъ лѣсахъ;
 595 Кокшайцы робкіе къ молитвамъ прибѣгаютъ,
 Костры дрожащими руками возжигаютъ;
 Но тщетно грудь свою въ слезахъ біютъ они,
 Ущедритъ ихъ боговъ не могутъ ихъ кони;
 Томятся, хладною омытые водою;
 600 Все кажетъ гнѣвъъ боговъ, имъ все грозитъ бѣдою;
 Бездушны будучи ихъ боги страшны имъ,
 Возженный огонь погасъ, и видѣнъ только дымъ.
 Въ то время старцы ихъ по внутренней гадаютъ,
 Блѣднѣютъ, рвутъ власы, и съ воплемъ упадаютъ,
 605 Возникнувъ отъ земли, противныхъ жертвъ не жгутъ,
 Но прочь отъ олтарей со трепетомъ бѣгутъ.

Какъ будто древніе свирѣпые Друиды,
 Имѣя страшныя движенія и виды,
 Повсюду странствуя, жрецы тревогу бьютъ,
 610 Россійскій Царь грядетъ! по селамъ вопіютъ;
 Или мы защищать своихъ боговъ не станемъ;
 Погибнемъ... ежели перунами не грянемъ!

И виды страшные, и смутный старцевъ гласъ,
 Зажгли мятежъ въ сердцахъ, и вспыхнулъ бунтъ тотчасъ;
 615 За страхомъ страхъ течетъ, какъ въ бурномъ морѣ волны;
 Жилища ужасомъ, сердца отмщенъемъ полны.

Тамъ жены обуявъ, свои убранства жгутъ,
 И къ Волжскимъ берегамъ супругамъ въ слѣдъ бѣгутъ;
 Кипитъ смятеніе въ улусахъ Черемисскихъ,
 620 Вооружаются противу силъ Россійскихъ;
 Велитъ Безбожіе бунтующимъ Ордамъ
 На Волгѣ путь пресѣчь Морозова судамъ.
 Свирѣпый Киреметъ рукой тревоги водить,
 Онъ Волгу дремлющу въ крутыхъ берегахъ находить;
 625 Грудь пѣнится у ней, вода течетъ изъ усть,
 Глава склонилася на тополовый кустъ:
 Власы простерлися зелеными струями,
 Лежащи по плечамъ извитыми зміями;
 Нагнувшійся сосудъ изъ рукъ ея падетъ.
 630 Разторгни узы сна, ей Злоба вопіетъ:

- Доколѣ сладкій сонъ твои покоить члены?
 Валяются вокругъ тебя Ордынски горды стѣны;
 Казань, котору ты привыкла напаять,
 Смотрясь въ струи твои, не можетъ устоять.
- 635 Сія бреговъ твоихъ ликующа царица,
 Такъ сѣтуетъ теперь, какъ сирая вдовица;
 Оставили ее невѣрны небеса,
 Но съ нею и твоя погаснетъ вдругъ краса;
 Соединенныя взаимною любовью,
- 640 Вы скоро будете гражданской полны кровью;
 Дерзай! или съ моимъ перуномъ поспѣшу,
 И нѣдры влажныя мгновенно изсушу;
 Законы премѣню строительной природы:
 Тамъ будетъ вѣчный зной, гдѣ нынѣ плещутъ воды;
- 645 Гдѣ плавала твоя среди валовъ глава,
 Тамъ будетъ ростъ тростникъ и дикая трава.

- Онъ рекъ... и Волжскія струи остановились,
 Глубокими онѣ морщинами явились;
 Вели мнѣ, грозный богъ! вели, речетъ она;
- 650 Желаніе твое исполнить я должна.
 Взбунтуй твои валы! свирѣпый духъ вѣщаетъ,
 Да гордыхъ Россіянъ пучина поглощаетъ!

- Какъ камень сильною поверженный рукой,
 Кидалась Волга внизъ съ поспѣшностью такой;
- 655 Раскинувъ рамена во влажныя дороги,
 Изъ рукъ составила великія пороги;
 Пресѣчь Россіянамъ въ струяхъ свободный путь,
 Устроила она имъ встрѣчу тверду грудь:
 Сгустилися валы власовъ ея сѣдиной;
- 660 Кремнемъ ея чело изникло надъ пучиной;
 Журчащій вихрь въ струяхъ повѣяли уста,
 И заперли судамъ во влажности врата.
 Глава подьмется и чреслы онѣмѣли.
 Составились изъ нихъ препоны, камни, мѣли.
- 665 Безбѣдный на водахъ имѣючи покой,
 Россіяне плывутъ съ веселіемъ рѣкой;
 Прохладному пути предѣлы близко числятъ;
 Въ бесѣдѣ радостной о славѣ только мыслятъ.
 Но вдругъ перемѣнивъ теченіе вода,
- 670 Помчала въ быстрину, какъ легку трость, суда.
 Подьмеля смерть главу изъ влажныя утробы,
 Составила изъ волнъ колеблющихся гробы;
 Со свистомъ шумный вѣтръ во слѣдъ судамъ вился,
 И съ бурей страшный вопль отвсюду поднялся;
- 675 Казался каждый валъ чудовищемъ шумящимъ,
 Пловущихъ поглотить съ ладьями вдругъ хотящимъ;

- Ревущіе валы поднявъ верхи свои,
 Возносятъ къ облакамъ великія ладьи,
 И вдругъ разсыпавшись во рвы ихъ низвергаютъ,
 680 Гдѣ кажется они геенны досягаютъ;
 На крыльяхъ вихрь летитъ имъ встрѣчу по водѣ:
 Что дѣлать въ таковой Россіянамъ бѣдѣ?
 На небо взоръ взведутъ, покрыто небо мракомъ;
 Въ различномъ страхѣ всѣ, въ смятенѣ одинакомъ;
 685 Куда отъ волнъ, куда отъ камней убѣгать?
 Смерть видятъ; знаютъ смерть они пренебрегать;
 Кипящи пѣною уста она отверзла,
 Взревѣла, и въ пловцахъ кипяща кровь замерзла.
 Уже свирѣпствуя сердитая рѣка,
 690 Отторгла у судовъ кормила и бока;
 И будто воины втѣснившись въ проломы,
 По улицамъ текутъ, и сокрушаютъ дома:
 Такъ бурная вода въ ущелины течетъ,
 И Волга разъярясь на дно суда влечетъ.
- 695   Какъ острый мечъ печаль Морозова пронзаетъ,
 Что двухъ надежда войскъ мгновенно исчезаетъ;
 Страшась не собственной, но общія бѣды,
 Свирѣпство презривъ онъ и вихря и воды,
 И бурямъ и волнамъ противяся ревушимъ,
 700 Велѣлъ ко берегамъ направить путь пловущимъ;
 Но суша и вода во брань вступили съ нимъ,
 Раждаютъ смерть валы, берега огонь и дымъ;
 Съ мечами, съ пламенемъ на нихъ Ордынцы злобны
 Вкругъ стадницы волкамъ являются подобны,
 705 Которы челюсти разверзли на овецъ:
 Такъ Россовъ изребитъ Орда спѣшитъ въ конецъ;
 Бросаетъ копья въ нихъ, стрѣлами уязвляетъ,
 Пристанища къ берегамъ имѣть не дозволяетъ.
 Стонъ слышанъ на водѣ, вопль слышанъ на земли,
 710 Струи ко дну влекли, огни Россіанъ жгли,
 Свирѣпствующій адъ разить безчеловѣчно;
 Другое воинство погиблобъ тамъ конечно;
 Но кто бы ихъ спасти отъ сей напасти могъ,
 Когда бы не простеръ съ небесъ къ нимъ перста Богъ?
- 715   О Муза! обрати отъ Волги взоры въ поле;
 Тамъ страждетъ Іоаннъ, и зрится смертныхъ болѣ;
 Возрѣвъ на чистое сіяніе небесъ,
 Едва знамена онъ къ Алатырю понесъ,
 Казалось, звѣзды съ нимъ желанье соглашали,
 720 Поля кругомъ цвѣли, зефиры вкругъ дышали;
 Бореевыхъ вдали не слышно было криль,
 И воздухъ ароматъ повсюду разтворилъ.

- Уже колеблются полки въ горахъ идущи,
 Какъ класы желтые, серпа на нивахъ ждущи,
 725 Которы тихій вѣтръ въ движеніе привелъ;
 Казалось, то Орфей передъ лѣсами шелъ;
 Сгущенныхъ копій лѣсъ былъ зримъ предъ Іоанномъ,
 И войско, какъ рѣка, текло въ пути желанномъ.
 Но сокровенная опредѣлила власть
 730 Для искушенія устроить имъ напасть;
 Парящей славѣ ихъ готовяща препоны,
 Натура собственны нарушила законы;
 Тогда Безбожіе имѣюще успѣхъ,
 Идущимъ тысящи устроило помѣхъ.
- 735 Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ злчныхъ,
 И будто трубный гласъ возсталъ въ пещерахъ мрачныхъ;
 На холмахъ вѣтвія склонили дресеса,
 Багровой ризою одѣлись небеса;
 Лучи не въ облака, но въ нѣкій тускъ скрывались,
 740 Стада пернатыхъ птицъ по воздуху взвивались;
 Возсталъ згущенный прахъ, какъ туча отъ земли,
 И будто возгремѣлъ безъ молній громъ вдали,
 То вихри пламенны средъ горъ вооружались.
 На вѣтренныхъ коняхъ ко войску приближались
 745 Сіи незримые и сильныя враги,
 Напрягшись въ воздухъ подобіемъ дуги,
 Простерли крылія, знамены развѣвуютъ,
 И съ шумомъ ихъ изъ рукъ дхновеніемъ вырываютъ,
 Сражаясь межъ собой, сгущаютъ пыль вокругъ;
 750 День ясный въ мрачну ночь переложился вдругъ.
 Когда громада войскъ въ пригоркахъ изгибалась,
 Казалось, земля подъ ними колебалась;
 Срываетъ шлемы вихрь, извившись копыя рветъ,
 И разстилаясь вдаль, все движетъ и реветъ;
 755 Какъ риза разпустясь въ стремленіи суровомъ,
 Все войско прахомъ вокругъ объемлетъ какъ покровомъ,
 И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ;
 То вѣетъ на горѣ, то съ трескомъ лѣсъ валитъ;
 Людей лишаетъ силъ, коней лишаетъ мочи,
 760 Дыханіе мертвитъ и ослѣпляетъ очи.

- Великій духомъ Царь, позная гнѣвъъ Небесъ,
 И руки и глаза ко высотѣ вознесъ;
 Колеблемъ вихрями, въ слезахъ вѣщаль: О Боже,
 Или враги Тебѣ Твоихъ сыновъ дороже?
 765 Ты ужасъ положилъ въ защиту ихъ странамъ,
 Но все преодолѣть оставь Ты бодрость намъ!...
 Умолкъ, и небесамъ противнымъ не явиться,
 Велѣлъ межъ горъ крутыхъ полкамъ остановиться.

Тамъ взору предлежалъ весьма широкій долъ,
 770 Гдѣ мнилось тишина устроила престолъ;
 Военныя трубы повсюду возгремѣли,
 Но съ вихремъ различить ихъ звука не умѣли;
 Казалось напередъ, что вѣтры трубятъ то,
 Склонясь на копіе, не шествуетъ никто,
 775 Между стѣнящими отъ грозныхъ бурь горами,
 Укрыться хочетъ Царь со войскомъ подъ шатрами,
 Но будто бурная свирѣпствуетъ вода,
 Гдѣ кущи ставятся, бѣжитъ и вихрь туда,
 Изъ рукъ орудія и верви изторгаетъ,
 780 Великіе шатры на землю повергаетъ.

Такой стихій мятежъ Монарха не смущалъ,
 На рамо опершись, Адашеву вѣщаль:
 Я зрю, что Небеса моимъ слезамъ не внемлютъ,
 Колеблютъ все они, меня не поколеблютъ!...
 785 Онъ бодрый видъ являлъ, сію вѣщая рѣчь,
 И войску повелѣлъ на ихъ мѣстахъ возлечь.

Едва, походами и вихремъ удрученны,
 Склонилися полки, какъ класы посѣченны,
 И на лицѣ земномъ въ густой травѣ легли,
 790 Бурливыхъ вдругъ коней и вихри отпрягли,
 И въ воздухѣ свои оставивъ колесницы,
 Сверули крылія, какъ утомленны птицы;
 И будто бѣдствами насытился ихъ зорь,
 Дыханье укротивъ, упали между горъ.
 795 Свѣтило дневное тогда въ моря скрывалось,
 И небо ризою червленной одѣвалось;
 Возвысила чело дрожащая луна,
 Серебрянымъ щитомъ казалася она;
 Подъемлетъ къ небесамъ рога свои высоки,
 800 Вмѣщаютъ глубоко луну рѣчные токи,
 И чистымъ хрусталемъ между береговъ текутъ,
 Казалось, томный сонъ они въ струяхъ влекутъ.
 Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла,
 Но хладною росой земли не напаяла,
 805 И сладкой влажности на древесна не льетъ,
 Котора жизни имъ и силы придаетъ.
 Вершины уклонивъ, стоятъ зелены рощи,
 Не можетъ прохлаждать луговъ прохлада нощи;
 Казалось, воздухъ спитъ, зефиръ уснулъ въ кустахъ,
 810 И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
 Благоуханіе долины разпускаютъ,
 Но тщетно питія небеснаго алкаютъ:
 Прозрачность воздуха приходитъ въ густоту,
 И съ мракомъ томную раждаетъ духоту.

- 815 Земля для воиновъ всегдашній одръ спокойной,
Теперь представилась для спящихъ ложей знойной;
Жестка трава на ней, лице ея горить,
Возлегшимъ сладкаго покоя не дарить;
Томленіе главы ко сну на землю клонить,
820 Но жарь съ естественныхъ одровъ обратно гонить;
Тускъ зрится на цвѣтахъ, не хладная роса,
И сводомъ огненнымъ казались небеса;
Въ полночные часы растенья увядаютъ;
И звѣзды, кажется, на землю упадаютъ;
825 Летають дивные по воздуху огни,
Предзнаменующи и зной и жарки дни.

- Томленный Царь небесъ подъ раскаленнымъ сводомъ
Хотѣлъ предупредить свѣтъ солнечный походомъ:
При утренней зарѣ гласъ трубный возгремѣлъ,
830 Возстали воины, и съ ними зной пошелъ.
Не вѣтры свѣжіе въ долинахъ повѣвають,
Которы тихихъ дней предтечами бывають;
Едва лишь солнца лучъ на землю проглянулъ,
Какъ пещь разженная, палящимъ зноемъ дхнулъ,
835 Цвѣты и древеся росой неорошенны,
Явились свѣжести и живости лишены;
Небесные кони спѣшащи солнцу влечь,
Казалось, хотятъ вселенную зажечь;
И воздухъ вокругъ земли недвижимо стоящей,
840 Едва не равенъ былъ водѣ, въ котлѣ кипящей.
Разжегся тамъ песокъ, и травы стали тлѣть,
Герои начали о буряхъ сожалѣть,
Которы прежде ихъ толико утруждали,
Но удручаемыхъ походомъ, прохлаждали;
845 Отъ солнечныхъ лучей, какъ будто отъ огня,
Ихъ шлемы разпеклись и тяжкая броня;
Какъ нѣкая рѣка, кругомъ излился пламень,
Извлекиши влажность вонъ, приводитъ землю въ камень;
Палима воздухомъ, разсѣлася она,
850 И вредныя въ землѣ сварились сѣмена;
Тлетворные пары главы свои подъемлють,
И поднебесный кругъ какъ ризою объемлють;
Въ пучинѣ воздуха туманы око зритъ,
Казалось, надъ главой небесный сводъ горить.
855 Зміи глотая ядъ, изъ мрачныхъ норъ выходятъ,
Болѣзни, раны, страхъ и язвы производятъ;
Извившись какъ ручей, въ густой травѣ шипятъ,
Бросаются стрѣлой и грудь насквозь разятъ;
Не страхъ отъ сихъ змievъ Монарха сокрушаетъ,
860 Но то, что воинство рокъ лютый уменьшаетъ.

- Какъ будто острія сверкающихъ ножей,
 Тамъ жалы видимы излучистыхъ ужей;
 Слѣды алкающей повсюду смерти видны;
 Тамъ гады страшныя, тамъ черныя ехидны;
 865 Вода, огонь, земля Россіянамъ грозить,
 И воздухъ, кажется, стрѣлами ихъ язвить.
 Томленны жаждою, къ потокамъ прибѣгаютъ;
 Піютъ, но воды ихъ утробу разжигаютъ,
 И паче къ питію алкающихъ зовутъ,
 870 Мутясь въ рѣчныхъ струяхъ пески съ травой плывутъ;
 Журчащія ключи осокой заглушенны;
 Въ зеленистый коверъ озера превращенны.
 Казалось, съ небесъ какъ дождь падутъ огни;
 Остановляются въ разпутіяхъ кони,
 875 Главы упали внизъ, колѣна ихъ трепещутъ,
 И пѣну красную уста на землю мещутъ;
 Какъ мѣхи ребра ихъ разширяся дрожатъ,
 Падутъ и подъ ярмомъ безчувственны лежатъ.

- На войско обративъ Монархъ печальны взоры,
 880 Велѣлъ ему возлечь, гдѣ тѣнь наводятъ горы.
 Тамъ сѣнолиственный стоялъ у берега лѣсъ,
 И зрѣнью обѣщаль убавить зной небесъ;
 Вдругъ городъ изъ шатровъ составился высокихъ,
 Но тотъ же зной лежалъ въ долинахъ и глубокихъ;
 885 Подъ тѣнью хлада нѣтъ, прохлады нѣтъ въ струяхъ,
 Долины зной палить, изъ рощей гонить страхъ.
 Дріяды, кажется, лѣса пренебрегаютъ,
 И сами въ мрачныя пещеры убѣгаютъ;
 Вселяютъ ихъ туда жары, какъ страшный громъ,
 890 Тамъ голый камень имъ пріятнымъ сталъ одромъ;
 Прозрачны ризы снявъ онѣ отъ жара скрылись,
 Но пламени врата и тамо отворились.

- Не слышитъ болѣе ключей журчащихъ лугъ,
 Потоки быстрые въ горахъ изсякли вдругъ;
 895 Не чувствуя уже въ рѣчныхъ струяхъ прохлады,
 Скрываются въ тростникъ печальныя Наяды;
 Но тщетно тамъ дождей и свѣжихъ вѣтровъ ждуть,
 Зеленые власы отъ ихъ чела падутъ.

- Вѣщаютъ, будто бы главы имѣя въ зноѣ,
 900 И Кама и Сура на дно ушли рѣчное,
 И тамъ на тинистыхъ одрахъ онѣ легли;
 Но солнечны лучи сквозъ воду грудь ихъ жгли.
 Отъ солнца воздухъ весь, отъ воздуха потоки,
 Отъ нихъ земля несла страданія жестоки;

905 Другъ друга думаютъ стихіи изтребить,
Иль входятъ въ заговоръ Россіянъ погубить.

Какъ съ нѣкимъ стадомъ птицъ, Царь съ войскомъ подвизался;

Но трижды двигнувшись, онъ трижды препинался.
На высочайшую восходитъ зло степень:

910 Мракъ вечеромъ томить, томить поутру тѣнь,
Натура съ воздуха сняла свои покровы;
Ни тонки облака, ни вѣтвисты дубровы,
Ни вѣтры тихіе, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ прохлаждать палящи небеса;

915 И смерти ратники тоскливой ожидаютъ;
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ;
Гортанъ изсякла ихъ, языкъ горѣлъ въ устахъ,
Дыханье огненно во рту сгущало прахъ;
Имъ скорби блѣдныя съ отравой предстояли,

920 И яды тонкіе въ утробу изліяли;
Тамъ смерть представилась въ свирѣпости своей,
И тысящу она раждаетъ вдругъ смертей.
Не утоляется небесный гнѣвъъ мольбами:
Хлѣбъ черствый язва рветъ тлетворными зубами!

925 И горечь вредная по яствамъ разлилась,
У хлѣба вкусъ исчезъ и сытность отнялась;
Ликнія влажная и тополы широки,
Теряютъ жидкіе свои природны соки;
Напрасно воины ту влагу достаютъ;
930 Сорвавъ кору съ древесъ, кроваву пѣну пьютъ;
И былія въ устахъ песками остаются!
Въ вертепахъ ищутъ водъ, имъ воды не даются.

Два воина пошли для промысла въ ночи;
Въ ракивовомъ кусту имъ слышатся ключи,

935 Которы будто бы внутри земли журчали;
Се! кладъ, безцѣнный кладъ! идущіе вскричали;
И съ корнемъ въ мигъ они ракитникъ извлекли,
Потоки чистые мгновенно потекли.

Насытились они, но ключъ, что имъ явился,

940 Какъ тонкая змія между травой извился,
Бѣжалъ, и внутрь земли себѣ находитъ путь.
Но ратники воды успѣли почерпнуть;
Ушелъ потокъ отъ нихъ, водой наполнивъ шлемы,
Несли ее къ Царю, усердны, скромны, нѣмы;

945 Дабы, гдѣ равная снѣдаетъ жажда всѣхъ,
Отъ нужды, ревности не сдѣлалъ кто помѣхъ,
Печальнаго Царя отъ сѣни отторгають,
И воду свѣжую во шлемахъ предлагаютъ.
Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя извлекъ,

- 950 О други! ихъ обнявъ, Монархъ печальный рекъ:
Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ,
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ и всѣхъ томится болѣ?
Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой судьбѣ,
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ;
955 Пойдемъ и принесемъ напитокъ сей скорбящимъ,
Несчастнымъ ратникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ.
Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ....
Пошелъ, и воиновъ скорбящихъ напоилъ.

Умножить бѣдствія, и зла умножить болѣ

- 960 Ордынцы лютые зажгли сухое поле;
Клубяся по горамъ огонь бросился въ лѣса,
И горькій дымъ закрылъ отъ взора небеса;
Россіянь страждущихъ стремится адъ озлобить!

Коль можно малу вещь великой уподобить:

- 965 Такіе ужасы народы будутъ зрѣть,
Когда земля начнетъ въ исходъ вѣковъ горѣть;
Тутъ пламень огненный какъ море разліется,
Онъ поясомъ вокругъ вселенной обвіется;
И цѣпь, держащая въ порядкѣ здѣшній свѣтъ,
970 Со звукомъ рушится и въ бездну упадетъ:
Тамъ будетъ прахъ горѣть, возпламятся рѣки;
Спасенья на земли не сыщутъ человѣки.

Сіе позорище Царь въ духѣ смутномъ зрѣлъ,

- Но войскамъ попирать ногами огонь велѣлъ;
975 И море пламенно подъ ними укротилось;
Но кое зрѣлище страдающимъ открылось?
Въ долины огонь ушелъ, къ горамъ склонился дымъ,
И въ страшномъ смерти лицѣ изобразилась имъ;
Земля представилась черна и обнаженна,
980 Дымящися холмы, дуброва обожженна,
Токъ водный какъ смола кипящая бѣжалъ;
Отчаянье въ сердца вонзаетъ имъ кинжалъ.

Монархъ несчастнѣй всѣхъ, но тверже всѣхъ казался;

- Лишился онъ всего; примѣръ ему остался!
985 И душу онъ сынамъ отеческу являлъ:
Послѣдню яствы часть съ рабами раздѣлялъ,
Адашевъ, другъ его, трапезы не вкушаетъ,
Отъ имени его болящихъ посѣщаетъ,
Остатки Царскихъ имъ напитковъ отдаетъ,
990 Но воду мутную съ Монархомъ втайнѣ пьетъ.
Не крылся Іоаннъ подъ черну тѣнь древесну,
Пренебрегая зной и люту казнь небесну,
Томленный жаждою, и въ потѣ, и въ пыли
Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли;

- 995 Послѣдній пищу бралъ, но первый передъ войскомъ
 Являлся духомъ твердъ во подвигѣ геройскомъ.
 Но воздухъ день отъ дня надъ ними вокругъ густѣлъ;
 Соединиться Царь съ Морозовымъ хотѣлъ,
 И вѣсть ему подать велѣлъ о бѣдствахъ скору,
 1000 Да пищу воинству пришлетъ съ рѣки въ подпору.
 Но тамо настоялъ пловцамъ не меньшей трудъ;
 Тѣ помощи съ земли, тѣ съ водъ подмоги ждуть;
 Тѣхъ бѣдства во степи, тѣхъ волны погребаютъ;
 Другъ друга ждуть къ себѣ, и купно погибаютъ.
 1005 Вонзаетъ въ грудь Царю такое бѣдство мечъ;
 Скрѣпился, и простеръ сію ко войскамъ рѣчь:

- О други! онъ вѣщаль, когда вы шли къ Казани,
 Иной мы не могли сулить Россіи дани,
 Какъ только за нее животъ нашъ положить;
 1010 Возможно ли теперь намъ, жизнью дорожить?
 Умремъ! но храбростью позорну смерть прославимъ,
 Противу жалъ ея не робку грудь поставимъ;
 Пусть наши и враги, на нашъ взирая прахъ,
 Рекутъ, что гибли мы, нося мечи въ рукахъ;
 1015 И разъярившейся не рабствуя природѣ,
 Скончали нашу жизнь не въ праздности, въ походѣ;
 Толико славна смерть хоть насъ и поразить,
 Но прочихъ Россіянъ къ побѣдамъ ободрить,
 Возстанемъ, и пойдёмъ! онъ рекъ... Полки возстали,
 1020 Какъ томные орлы къ знаменамъ прилетали;
 Снимаются шатры, и трубный слышенъ звукъ;
 Сіе стремленіе мятежъ нарушилъ вдругъ.

- Не уважая словъ, ни слезъ, ни мнѣній Царскихъ,
 Единый изъ дѣтей отъ Новграда Боярскихъ;
 1025 Отъ знояль и трудовъ въ разсудкѣ поврежденъ,
 Или отчаяньемъ и нѣгой услажденъ;
 Сей ратникъ по полкамъ и страхъ и горестъ сѣя,
 Помѣшаны глаза, раскрыту грудь имѣя,
 Бѣгущій возопилъ: Куда насъ Царь ведетъ?
 1030 Здѣсь голодъ насъ мертвитъ, а тамо язва ждетъ!
 Оставили отцевъ, оставили мы дома,
 Пришли сюда въ мѣста пустыя, незнакомы;
 Лишили небеса и пищи насъ и водъ;
 Не явноль Богъ казнить за дерзкій насъ походъ?
 1035 Пойдемъ! назадъ пойдёмъ! ... Онъ рекъ, и возшумѣли.
 Развратны юноши подобну мысль имѣли.
 Но взоры Царь на нихъ какъ стрѣлы обратилъ,
 И волны мятежа сей рѣчью укротилъ:
 Не славы міра я, о юноши! желаю,
 1040 Но мститъ за Христіянъ усердіемъ пылаю;

Коль вы не ищете торжественныхъ вѣнцевъ,
Спасать не мыслите ни братій, ни отцевъ,
Нещастные сыны! бѣгите, не трудитесь;
Оставьте копья намъ, и въ дома возвратитесь;
1045 Я вѣрныхъ Россіянъ въ полкахъ моихъ найду,
Не слабыхъ женъ во брань, мужей съ собой веду....
Скончавъ слова, дабы волненью не продлиться,
Велѣлъ ревнительнымъ отъ робкихъ отдѣлиться;
И возопили всѣ: Съ тобою мы идемъ!
1050 За вѣру, за тебя съ охотою умремъ!

Спокоило Царя усердіе такое,
Но мысль его была и сердце не въ покоѣ;
Срѣтая ночь, велѣлъ движенье отложить.
Идетъ къ одру, но сонъ не сталъ Царю служить:
1055 Мечтаются ему болѣзни, гладъ, печали,
Которыя до днесь въ пути его встрѣчали;
Онъ душу полную страданьями имѣлъ,
И въ грусти далеко отъ воинства отшелъ.
Покрылось мрачною тоской чело Царево;
1060 Въ долину онъ нашелъ развѣсистое древо,
На коемъ листвія недавно огонь сожегъ;
Тяжелый скинувъ шлемъ, подъ онымъ Царь возлегъ,
Онъ въ землю мечъ вонзилъ; невидимый полками,
Склоненную главу поддерживалъ руками;
1065 Не бѣдствомъ собственнымъ, но общимъ пораженъ,
Какъ въ облако луна, былъ въ горестъ погруженъ.
И пролилъ токи слезъ.... Тоска его мнѣ бремя;
О Муза! пресѣчемъ печальну пѣснь на время.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ

- Имѣя въ сердцѣ мракъ, и тмою окружень,
Казался въ морѣ Царь печалей погружень;
Какъ бури, душу въ немъ сомнѣнья волновали,
Покоя сладкаго, ни сна не отдавали.
- 5 Звѣзда его судьбы на небѣ не горить,
Она, сокрывъ лучи, на Іоанна зритъ;
Ни воздухъ, ни земля тоскѣ его не внемлетъ,
И счастье томное у ногъ Монаршихъ дремлетъ;
Какъ камень, горести его тягчили грудь.
- 10 Прерывистымъ словамъ отверзъ въ печали путь:
О Боже! онъ вѣщаль, коль гнѣвомъ Ты пылаешь,
За что напрасну смерть безвиннымъ посылаешь?
Моимъ знаменамъ въ слѣдъ пришли сюда они;
Коль казнь Тебѣ нужна, за нихъ меня казни!
- 15 Я воиновъ моихъ привелъ въ сіи предѣлы:
Бросай противъ меня молніеносны стрѣлы!
Я старца мудраго совѣты пренебрегъ,
Который въ дерзости меня предостерегъ,
Се грудь, которая тщеславіе вмѣстила,
- 20 Надеждою себя и счастиемъ польстила!
Рази ее, рази! готовъ я казнь нести,
Когда чрезъ то могу моихъ людей спасти.
- Вѣщая тѣ слова, повергся на колѣни,
И ночь кругомъ его простерла черны тѣни;
- 25 На перси томную склоняетъ Царь главу,
И зритъ во смутномъ снѣ какъ будто наяву,
Мечтается ему:... Что мракъ густый редѣетъ,
Что облакъ огненный, сходя на землю, рдѣетъ;
Сокрылись звѣзды вдругъ, затмилася луна,
- 30 Повсюду страшная простерлась тишина;
Багрово облако къ Герою приближалось,
Упало предъ Царемъ, и вскорѣ разбѣжалось,
Видѣнье чудное исходитъ изъ него:
Серпомъ луна видна среди чела его;
- 35 Въ десницѣ держитъ мечъ, простертый къ оборонѣ,
Онъ видится сѣдящъ на пламенномъ драконѣ;
Великій свитокъ онъ въ другой рукѣ держаль,
Пророкамъ и Царямъ во славѣ подражалъ.

- Строптивый Іоаннъ видѣніемъ плѣнился,
 40 И естлибъ робокъ былъ, предъ нимъ бы преклонился;
 Но взоръ къ нему склонивъ, вниманіе и слухъ,
 Имѣлъ тревожный видъ, но не тревожный духъ.
 Явившійся Царю, бросая остры взоры,
 Вступилъ въ пространные съ Монархомъ разговоры:
- 45 О Царь! вѣщаетъ онъ, имѣешь ты вину
 Токъ слезный проливать, пришедъ въ сію страну;
 Печали вокругъ тебя сливаются какъ море,
 И ты въ чужой землѣ погибнешь съ войскомъ вскорѣ;
 Погаснетъ щастіе, и слава здѣсь твоя,
- 50 Тебя забылъ твой Богъ, могу избавить я;
 Могу, когда свой мракъ отъ сердца ты отгонишь,
 Забывъ отечество, ко мнѣ главу преклонишь;
 Такимъ ли Іоаннъ владѣніемъ дорожить,
 Гдѣ мракъ шесть мѣсяцовъ и снѣгъ въ поляхъ лежитъ,
- 55 Гдѣ солнце косвенно лучами землю грѣетъ,
 Гдѣ сладкихъ нѣтъ плодовъ, гдѣ тернъ единый зрѣетъ,
 Гдѣ царствуетъ во всей свирѣпости Борей?
 Страна твоя не тронъ, темница для Царей.
 Отъ снѣжныхъ водъ и горъ, отъ сей всегдашней ночи,
- 60 На полдень обрати, къ зарѣ вечерней очи,
 Къ востоку устрями вниманіе и взоръ:
 Тамъ первый встрѣтится твоимъ очамъ Босфоръ;
 Тамъ гордые стоятъ моихъ любимцевъ троны,
 Дающихъ Греческимъ невольникамъ законы;
- 65 Тобою чтимые угасли олтари;
 Познай и мочь мою, и власть, и силу зри!
 Съ священнымъ трепетомъ тобою гробница чтима,
 Подъ стражею моею лежитъ въ стѣнахъ Салима;
 И Газа древняя, Азоръ и Аскалонъ,
- 70 Гефана, Виѳлеемъ, Іорданъ и Ахаронъ,
 Передъ лицемъ моимъ колѣна преклонили:
 Мои рабы твой крестъ, Давидовъ градъ плѣнили;
 Не страхомъ волю ихъ, я волей побѣдилъ;
 Ихъ мысли, ихъ сердца, ихъ чувства усладилъ;
- 75 Я отдалъ вѣси имъ, исполнены прохлады,
 Гдѣ вкусные плоды, гдѣ сладки винограды;
 Гдѣ воздухъ и земля раждаютъ өмимямъ;
 Вода родитъ жемчугъ, пески златые тамъ;
 Тамъ чистое серебро, тамъ бисеры безцѣнны;
- 80 Поля стадами тамъ и жатвой покровенны,
 Полсвѣта я моимъ любимцамъ отдѣлилъ:
 Богатый отдалъ Ормъ и многоводный Ниль,
 И поднебесную вершину Арбарима,
 Отколѣ Ханаанъ и Палестина зрима;
- 85 Божественный Сіонъ, Израилтянскій градъ,

- И млекоточный Тигръ, и сладостный Ефратъ,
 Тѣ воды, что Едемъ цвѣтущій орошали,
 Гдѣ солнечны лучи впервые возсіяли.
 Въ вечерней жители и въ западной странѣ,
 90 Меня пророкомъ чтутъ, приносятъ жертвы мнѣ;
 Склонись и ты! склонись! я жизнь твою прославлю,
 Печали отжену, и миръ съ тобой поставлю;
 Я вѣтры тихіе на полночь обращаю,
 Стихіи на тебя возставши укрошу;
 95 Украшу твой вѣнецъ, вручу тебѣ державы,
 Достойны твоего вниманія и славы;
 Послѣдуй Царь за мной, дай руку мнѣ твою....

- Недвижимъ Царь взиралъ, внимая рѣчь сію,
 Какъ вѣтрами вода, въ немъ духъ поколебался;
 100 Молчать и рѣчь простерть къ видѣнью опасался,
 Хотѣлъ главу склонить, но вдругъ на щитъ взглянулъ;
 Померкнулъ щитъ! и Царь о старцѣ вспомянулъ.
 Такое зрѣлище въ немъ пламень возжигаетъ,
 Вспрянулъ, и мечъ рукой дрожащей изторгаетъ,
 105 Разить.... Въ единый мигъ померкнулъ воздухъ чистъ;
 Ударилъ страшный громъ, возсталъ и шумъ и свистъ,
 Блеснули молніи, видѣнье преложилось,
 И страшное Царю чудовище явилось,
 Во мрачномъ облакѣ на воздухъ поднялось;
 110 Какъ страшный змій, оно въ три круга извилось;
 Дышало мщеніемъ! Безбожіе то было;
 И грозныя слова Монарху возтрубило:

- Напрасно отъ меня ты чаешь избѣжать;
 Стени! я знаю чѣмъ Монарховъ поражать;
 115 Хотя нынѣ казнь твою свирѣпый рокъ отложить,
 Но душу онъ твою и мысли востревожить;
 Спокойства сладкаго не будешь ты вкушать,
 Ни брачною себя любовью утѣшать;
 Владѣніе твое во ужасъ превратится,
 120 И будешь ближнихъ ты и подданныхъ страшиться;
 Ты искреннихъ рабовъ безвинно умертвишь;
 Своимъ ты именемъ вселенну устраишь;
 Вельможи и народъ тебя возненавидятъ,
 Тираномъ нарекутъ, въ тебѣ врага увидятъ;
 125 Ты сына умертвишь!... Ударилъ паки громъ,
 Сокрылось возстенавъ чудовище по томъ;
 Оно въ подземныя пещеры отлетало,
 А сердце храбраго Царя вострепетало;
 И мракъ сомнѣнія по томъ развѣясь въ немъ,
 130 Жестокимъ въ точности явилъ его Царемъ,
 Целена ввергнула въ подобный страхъ Енея.

- Вздыхнулъ, и предъ собой увидѣлъ Царь Алея;
 Вторичною мечтой приходъ его почель,
 Онъ окомъ на него разгнѣваннымъ воззрѣлъ.
- 135 Алей задумчивъ былъ и рубищемъ одѣянъ,
 По всѣмъ его чертамъ печаль какъ мракъ разсѣянъ;
 Онъ слезы лиль предъ нимъ, и Царь къ нему вѣщаль:
 Еще ли мало ты покой мой возмущаль?
 Предатель трепещи! теперь одни мы въ полѣ;
- 140 Бѣги, не умножай моей печали болѣ....
 Ко Царскимъ въ трепетѣ Алей упаль ногамъ,
 И рекъ: не причисляй меня къ твоимъ врагамъ;
 Благочестивыхъ я не уклонялся правилъ;
 Былъ виненъ, но вину теперь мою исправилъ;
- 145 Однако нужнаго, о Царь! не трать часа,
 Который щедря даруютъ Небеса,
 Отважность иногда печали побѣждаетъ;
 Тебя въ густомъ лѣсу пустынный ожидаетъ.
 Тоскою удрученъ, когда я къ войску шелъ,
- 150 Онъ мнѣ тебя искать подъ дровомъ симъ велѣлъ,
 И мнѣ сіе вѣщаль: Скажи ты Иоанну,
 Коль хочетъ онъ достигъ ко благу имъ желанну,
 Да придетъ онъ ко мнѣ!... Во мракъ и въ ночи,
 Сіяли вокругъ его чела, о Царь! лучи.
- 155 Въ молчаньи Иоаннъ словамъ пришельца внемлетъ,
 И тяжкій стонъ пустивъ, Алея онъ подъемлетъ,
 Тогда вскричалъ, Хочу для войска щастливъ быть;
 И болѣе, хочу вину твою забыть:
 Я жизнь мою тебѣ, Россіи жизнь вручаю;
- 160 А естли вѣренъ ты, я друга получаю;
 Довольно мнѣ сего! къ пустынику пойдемъ,
 Но повѣсть мнѣ твою повѣдай между тѣмъ;
 Скажи, почто ты стѣнъ Свіяжскихъ удалился?
 За чемъ ходилъ къ врагамъ, за чемъ въ Казань сокрылся?
- 165 И какъ обратно ты явился въ сей странѣ?
 Будь искрененъ во всемъ, коль вѣрный другъ ты мнѣ.
- Идущій за Царемъ къ пустынику лѣсами,
 Отвѣтствовалъ Алей такими словесами:
 О Царь! повѣдаю тебѣ мою вину;
- 170 Но стыдъ почувствую, отколѣ ни начну.
 Когда не буду я вѣщать чистосердечно,
 Да темна ночь сія меня покроетъ вѣчно!
 Да горы на меня кремнистыя падутъ,
 И въ сей странѣ меня живаго погребутъ!
- 175 Сомнѣнья Царскаго Алей въ опроверженъе,
 Повѣдалъ о своемъ къ Казани приближенъѣ:
 Представилъ прелести, Сумбекинъ льстивый взглядъ,
 Обманы, хитрости, и шествіе во градъ;

- Оно клонилося, вѣщаль, къ единой цѣли,
 180 Дабы оружія напрасно не гремѣли,
 И мира вѣчный храмъ желалъ я отворить,
 Ордынцовъ безъ меча Россіи покорить.
 Уже вражду мои совѣты потушали,
 Но, рекъ онъ, замыслы успѣхамъ помѣшали:
 185 Увы! которую сердечно я любилъ,
 Я тою жизнь и честь едва не погубилъ.
- Въ едину ночь, Алей стоная продолжаетъ;
 Меня и мысль о томъ какъ громомъ поражаетъ;
 Въ едину ночь, когда къ спокойствію я прибѣгъ,
 190 Когда на одрѣ я свой уединенъ возлегъ,
 Увидѣлъ предъ собой невольника дрожаща,
 Одежду бѣлую въ рукахъ своихъ держаща,
 Котору будто бы трудясь наединѣ,
 Сумбека, въ знакъ любви, отправила ко мнѣ.
- 195 Питая на ея усердіе надежду,
 Дерзаю обещисъ во свѣтлую одежду,
 Изъ рукъ подателя спѣшу ее извлечь;
 Но внемлю страшную невольникову рѣчь:
 О Царь! вѣщаетъ онъ, отринь сіе убранство;
 200 Я помню и въ моихъ оковахъ Христіанство;
 Я нѣкогда твоимъ рабомъ въ Россіи былъ,
 Я вѣренъ былъ тебѣ, а ты меня любилъ.
 О естли, Государь! подаркомъ симъ прельстишься,
 И имъ покроешься, то жизни ты лишишься.
- 205 Раба я познаю, и вѣрить не хочу;
 Злословію его свирѣпымъ взоромъ мщу;
 Сей рабъ изъ рукъ моихъ одежду вырываетъ,
 Онъ ею и главу и тѣло обвиваетъ.
 Какой тогда я страхъ и ужась ощутилъ!
- 210 Невольникъ палъ, взревѣлъ, и духъ свой выпустилъ!
 Велико для меня такое увѣренье;
 Но могъ ли я имѣть къ Сумбекѣ подозрѣнье?
 Весь дворъ позналъ о сей опасности моей;
 Тогда вбѣжалъ ко мнѣ мой вѣрный другъ Гирей:
 215 Спѣши отсель! спѣши! со трепетомъ вѣщаетъ,
 Сагрунъ противъ тебя Казанцовъ возмущаетъ;
 Сумбека ищетъ средствъ Алея отравить;
 Османъ тебя грозитъ злодѣйски умертвить;
 Бѣги отсель! уже Казанска чернь мутится;
- 220 Моею помощію тебѣ не можно льститься;
 Я слабъ противу ихъ, и только то могу,
 Что тайно отъ злодѣйствъ Алея собрегу,
 Потомъ погибну самъ! ... То слово грудь пронзило,
 Оно стрѣлѣ меня подобно уязвило;
- 225 Окамененъ смотрю на друга моего,

И вдругъ въ объятія кидаюся его,
 И вопію къ нему: Не йду, мой другъ! отсюду;
 Пускай я жертвою моихъ злодѣевъ буду!
 За что тебѣ страдать? живи! мой другъ, живи!
 230 Да злобу утушитъ Казань въ моей крови.

Незапно слышится волненіе народно;
 Погибнуть я хотѣлъ изъ храма неизходно;
 Спасай себя! спасай! Гирей мнѣ съ плачемъ рекъ,
 И силою меня подъ мрачный сводъ повлекъ.
 235 Когда наполнился Сумбекинъ дворъ народомъ,
 Провель меня Гирей изъ града тайнымъ ходомъ,
 И скрылся отъ меня.... Уныль, окаменень,
 Я шель, бія себя во грудь, отъ градскихъ стѣнъ;
 Вручилъ я жизнь свою на произволь судьбинъ,
 240 И долго странствовалъ по дебрямъ и въ пустынь;
 Зри рубища сіи, и бѣдность зри мою!
 Пустынникъ нѣкій далъ одежду мнѣ сію.

Коль поздно хитрость я Сумбекину примѣтилъ!
 Страхъ гналъ меня отъ ней, я страхъ на Волгѣ встрѣтилъ.
 245 Пловущихъ войскъ твоихъ опасность я узрѣлъ,
 Топила ихъ вода, предъ ними громъ гремѣлъ;
 Отъ волнъ и отъ небесъ гонимыя страдали,
 Въ нихъ пламень съ береговъ враги твои кидали;
 Твоимъ воителямъ спасенья нѣтъ нигдѣ:
 250 Смерть видятъ на земли, смерть видятъ на водѣ!
 Теку на помощь къ нимъ, прошу, повелѣваю,
 Къ Ордынцамъ вопію, къ Россіянамъ взываю;
 Смирился враги, и буря и вода.
 По томъ склонилъ мое стремленіе сюда.
 255 Я зналъ, что воинство отъ глада изтлѣвало,
 И воздухъ васъ мертвилъ и солнце убивало;
 Врачебную траву и пищу вамъ принесъ.
 Но только я вступилъ въ дремучій близкій лѣсъ,
 Тамъ старецъ нѣкакій предсталъ передо мною,
 260 Онъ есть свиданія съ моимъ Царемъ виною....

Полстадіи прешли бесѣдуя они,
 И видятъ межъ древесъ сверкающи огни,
 Къ которымъ спутники чѣмъ ближе подвизались,
 Тѣмъ далѣе огни отъ оныхъ уклонялись:
 265 И вдругъ склубившись ихъ къ пещерѣ привели:
 Лежаща старца тамъ на камнѣ обрѣли:
 На персяхъ у него какъ ленъ брада лежала,
 Премудрость на его лицѣ изображала;
 Священну книгу онъ, чело склоня, читалъ;
 270 Увидя предъ собой пришельцевъ, бодръ возсталъ.
 Пріятнымъ воздухъ весь наполнился зефиромъ,

- И старецъ рекъ Царю: Гряди въ пустыню съ миромъ!
 Какъ въ солнечныхъ лучахъ играюще стекло,
 Покрылось Царское веселіемъ чело:
- 275 Но стыдъ при радости въ лицѣ изобразился:
 Сіяньемъ озаренъ, рукою онъ закрылся,
 Позналъ во старцѣ онъ пустытника сего,
 Который въ путь нейти увѣщавалъ его,
 И щить ему вручилъ; онъ рекъ: взирать не смѣю,
- 280 Я сердца чистаго, о старче! не имѣю;
 Сумнѣньемъ и тоской терзается оно;
 Твое свѣтло какъ день, мое какъ ночь темно,
 Могу ль бесѣдовать? ... Душевно видя муку,
 Пустынникъ простиралъ ко Іоанну руку,
- 285 И возвѣстилъ ему: печаль твою забудь,
 Примѣромъ мужества главамъ вѣнчаннымъ будь,
 Ты крѣпостью своей, терпѣніемъ, бѣдами,
 Какъ злато чрезъ огонь, очистилъ духъ трудами;
 Но паче тѣмъ себя во славѣ утвердилъ,
- 290 Что льстящую тебѣ фортуна побѣдилъ;
 Безбожіе ты зрѣлъ подъ видомъ Махомета:
 И естли бы его не отженилъ совѣта,
 Тебя бы страшный громъ мгновенно поразилъ,
 И въ бездну вѣчныхъ мукъ на вѣки погрузилъ.
- 295 Теперь противъ страстей возставъ какъ храбрый воинъ,
 Небесъ вниманія и славы ты достоинъ;
 Они велѣли мнѣ гремящею трубой,
 Твой разумъ испытать, бесѣдуя съ тобой:
- Се каменна гора, се поле передъ нами;
- 300 Тамъ видишь ты стези усыпанны цвѣтами;
 Зефиры царствуютъ, утѣхи видны тутъ;
 Подъ тѣнью мачтовыхъ древесъ они живутъ;
 Безцѣнны бисеры идущимъ предлагаютъ,
 Вѣнцы на нихъ кладутъ, въ нихъ страсти возжигаютъ;
- 305 Которы наконецъ преобращаясь въ ядъ,
 Изъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ влекутъ идущихъ въ адъ.
- Гора является ужасною въ началѣ,
 Но страховъ меньше тамъ; чѣмъ ты возходишь далѣ:
 Тамъ встрѣтишь пламенемъ зіяющихъ змievъ;
- 310 Висящія скалы, услышишь звѣрскій ревъ;
 Стези препутанны, какъ верви, кривизнами,
 И камни сходные движеніемъ со волнами,
 Когда вниманіемъ не будешь подкрѣпленъ,
 Падешь въ развалины разбитъ и ослѣпленъ.
- 315 Но естли твердости душевной не погубишь,
 По долгомъ странствіи труды свои возлюбишь,
 Увидишь вскорѣ ты небесный чистый свѣтъ!

Во храмъ пророчества твой Богъ тебя зоветъ,
 О Царь мой! избирай изъ двухъ стезю едину,
 320 И знай, что я тебя на трудной не покину.

Какъ нектаръ Іоаннъ въ бесѣдѣ сей вкушалъ;
 Взявъ руку старцеву къ горѣ онъ поспѣшалъ,
 И рекъ: Иду съ тобой на твой совѣтъ въ надеждѣ;
 Но сей хотѣлъ склонить ко сну Алея прежде,
 325 Дабы единый Царь позналъ судьбу небесъ:
 Напитокъ нѣкакій сопутнику поднесъ,
 Который силы въ насъ тѣлесны ослабляетъ,
 И вдругъ у дна горы Алея усыпляетъ.

Царю пустынникъ рекъ: Иди, и буди смѣль!
 330 По томъ на крутизну горы его повелъ;
 По дебрямъ провождалъ, держа его рукою,
 Въ немъ силы ободривъ бесѣдою такую:
 О Царь! вѣщаетъ онъ, себя ты ввѣрилъ мнѣ,
 Во мрачной сей нощи, въ незнаемой странѣ;
 335 Сумнѣніемъ твоей души не встревожилъ,
 И тѣмъ вниманіе мое къ тебѣ умножилъ;
 Я дружество тебѣ взаимно докажу;
 О имени моемъ, о званіи скажу:
 Познай во мнѣ того, которому гонитель,
 340 И ближній сродникъ былъ, усопшій твой родитель;
 Я тотъ, котораго онъ презрилъ родъ и санъ:
 Я есмь несчастливый пустынникъ Вассіанъ¹,
 Но горести мои и слезы я прощаю,
 И сыну за отца любовью отомщаю;
 345 Не онъ мнѣ былъ врагомъ, враги мои льстецы,
 Преобращаючи въ колючій тернъ вѣнцы;
 Я былъ гонимъ отъ нихъ. За слезы и терпѣнье,
 Душевное теперь вкушаю утѣшенье;
 И естли слушаетъ Господь молитвъ моихъ,
 350 Враговъ моихъ простить; молюся я за нихъ.
 Мнѣ рай, душевный рай, въ пустынѣ отворился;
 Я тридцати лѣтъ въ пустыню водворился;
 Здѣсь плачу о грѣхахъ мірскихъ наединѣ;
 Нѣтъ злата у меня, чего бояться мнѣ?
 355 Тѣ, кои приключить мнѣ бѣдство уповали,
 Тѣ злобствуя, мнѣ жизнь святую даровали...
 Гряди! мужайся Царь!... смотри на сихъ змievъ;
 Они, срѣтая насъ, обуздываютъ гнѣвъ;
 Здѣсь камни дикіе устроились вратами,
 360 Широкій путь отверзтъ идущимъ тѣснотами;

¹ Сей Вассіанъ сосланъ былъ въ заточеніе Царемъ Василиемъ Іоанновичемъ. Многіе думаютъ, что былъ то Князь Голицынъ, но его имя мнѣ не извѣстно.

Кремни содѣлались зеленою травой;
 Се награждается, о Царь! мой трудъ и твой;
 Пойдемъ!... Идущіе всѣ силы вновь подвигли,
 И горныя они вершины вдругъ достигли.

- 365   Уже по розовымъ они грядутъ цвѣтамъ;
 На самой вышинѣ строенье зримо тамъ:
 Не мраморомъ оно, не кровлею златою,
 Оно гордилось пріятной простотою;
 Развѣсисты древа стояли близъ его,
 370 Зеленый зрѣлся холмъ подпорой у него;
 Тамъ нѣжилась кругомъ роскошная природа;
 Во зданіе сіе не видно было входа.

- Водимый тако Царь пустынникомъ, молчалъ;
 Но духомъ возмущенъ, смутился и вскричалъ:
 375 Я чувствую тщеты со трономъ сопряженны;
 Колико предъ Царемъ пустынники блаженны!
 Какъ тихая вода, ихъ сладкій вѣкъ течетъ;
 Хошу въ пустынѣ жить! стоная Царь речетъ;
 Или, о старче! вынь изъ сердца смертно жало,
 380 Меня видѣніе которымъ поражало;
 Оно напастію грозило мнѣ такой,
 Которая уже отъемлетъ мой покой;
 Открой судьбину мнѣ! Взглянувый кроткимъ взоромъ,
 Пустынникъ ободрилъ Монарха разговоромъ:
 385 Уединенія желаешь ты вотще;
 Ты долженъ царствовать до старости еще;
 Судьба, которую ничто не умоляетъ,
 Короны бремя несть тебя опредѣляетъ;...
 Угрозъ сердитаго видѣнья не забудь;
 390 Коль хочешь щастливъ быть, Царемъ правдивымъ будь.
 Но трудно достигать намъ тайности небесной,
 Доколь мы плотію одѣяны тѣлесной;
 Превѣчную судьбу отъ смертнаго очей
 Сокрылъ на вѣки Богъ во глубинѣ ночей.
 395 Сіянемъ окруживъ Царя, сіе вѣщаетъ,
 И духомъ онъ его на небо возхищаетъ,
 Гдѣ животворный огонь, какъ свѣтлый токъ течетъ;
 Градъ Божій указавъ, Вассьянъ Царю речетъ:
 Здѣсь пламенны стоятъ во мракѣ Херувимы
 400 Стрегущи дверь судебъ, и имъ судьбы не зримы;
 Превыше сихъ, гдѣ звукъ небесныхъ слышенъ лиръ,
 Неосязаемый, но чувственный есть міръ;
 Сей міръ блистательный, пріятный и нетлѣнной;
 Есть въ Духѣ Божіемъ чертежъ всея вселенной;
 405 Тамъ солнца нѣтъ во дни, и нѣтъ луны въ ночи,

- Но вѣчно тамъ горять Всевышняго лучи.
 Се! зришь обители, которыя Содѣтель
 Устроилъ, гдѣ вмѣщать священну добродѣтель;
 Селеньемъ Ангельскимъ сіи мѣста зовуть,
 410 Нетлѣнны въ храминахъ нетлѣнныхъ здѣсь живутъ:
 Которы Бога чтутъ, пороки отметають,
 Тѣ скоро въ сей предѣль по смерти возлетаютъ.
 Здѣсь предка твоего Создатель помѣстилъ,
 Который полночь всю крещеньемъ просвѣтилъ.
 415 На третьемъ небеси Владимиръ обитаетъ,
 И Божій видя ликъ, восторгомъ духъ питаетъ.
 Се! Ольга мудрая, приѣмля горній свѣтъ,
 Въ безсмертныхъ радостяхъ съ безплотными живетъ;
 Превыше всѣхъ планетъ и движимаго неба,
 420 Къ веселіямъ вознесъ Господь съ Борисомъ Глѣба;
 Се! храбрый Александръ, включенъ въ верховный санъ;
 Се! общій сродникъ нашъ, се! дѣдъ твой Іоаннъ.
 Являются очамъ всѣ души тамъ святыя,
 Которыми по днесъ спасается Россія;
 425 На небѣ Іоаннъ живущу мать узрѣлъ,
 Вокругъ ея главы изъ звѣздъ вѣнецъ горѣлъ;
 Увы! вскричалъ въ слезахъ, назначеноль судьбою,
 Мнѣ въ небѣ обитать, любезна мать! съ тобою?
 Въ восторгахъ онъ желалъ ее обლობызать,
 430 Но тѣла не возмогъ устами осязать;
 То былъ единый духъ; и Вассіанъ вѣщаетъ:
 Пойдемъ отсель! тебя сей нѣжный видъ смущаетъ,
 Имѣющъ радости сіяніе въ лицѣ,
 Царю отецъ его встрѣчается въ вѣнцѣ;
 435 И Царь сіи слова отъ Вассіана внемлетъ:
 Воззри, какую мзду мужъ праведный приѣмлетъ!
 И наша въ Божествѣ почерпнута душа,
 Оковы плотскія и узы разрѣша,
 Достигнуть райскаго свѣтилища удобна,
 440 Когда на сей землѣ была чиста, незлобна,
 Изчезнетъ передъ ней сгущенный звѣздный мракъ;
 Познаетъ все она, увидитъ Божій зракъ.
- Уже я познаю, въ восторгѣ Царь вѣщаетъ,
 Что Богъ и въ жизни сей твой разумъ просвѣщаетъ;
 445 И то, что намъ сулятъ по смерти небеса,
 То видятъ на земли премудрыхъ очеса;
 Твои уста мнѣ гладъ и бури предсказали,
 И бѣдствія меня предвидѣнны терзали;
 Прости ты, отче мой! сумнѣнью моему,
 450 Твой свѣтъ не могъ прогнать мою душевну тму.
 Коль мрачны Царскіе безъ мудрости престолы!
 Вѣщаль, и старцевы сіи внималъ глаголы:

- О! естли, Иоаннъ, позналъ я что нибудь,
Смиренна жизнь моя мнѣ сей отверзла путь;
455 Душѣ отъ сей земли на небо есть дорога;
Душа есть точное изображенъе Бога,
Живеть и движится въ объятіяхъ Его;
Нашъ духъ есть лучъ живой, Богъ солнце у него!
Отъ мысли сей въ моихъ мольбахъ не удаляюсь
- 460 И сердцемъ въ небеса всечасно возкриляюсь.
Что могъ проразумѣть о будущей судьбѣ,
О Царь! открою то во храмѣ и тебѣ;
Оставимъ небеса; но тайны сей во вѣки
Да слышать отъ тебя не будутъ человѣки!
- 465 Отверзу взоръ тебѣ на будущіе дни,
Гряди!... И шествуютъ ко зданію они.
Врата, которыя между стѣнами крылись,
Врата нетронуты входящимъ отворились;
Съ священнымъ трепетомъ грядетъ за старцемъ Царь,
- 470 И видитъ посредѣ устроенный олтарь;
Подъ нимъ живой воды извился ключъ біющій,
Пустынникъ, къ олтарю рукой Царя ведущій,
На персты взявъ воды, къ Монарху приступилъ,
Онъ очи и чело Царево окропилъ.
- 475 Какъ нѣкая кора съ очей его низпала,
Очистился олтарь, мгновенно тма пропала,
И будто усладилъ Царя пріятный сонъ;
Что вижу предъ собой? вѣщаетъ старцу онъ;
Или я пренесенъ въ небесную вершину?...
- 480 Ты видишь, старецъ рекъ, божественну судьбину;
Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри буквы тайныя. И Царь на книгу зритъ:
Крестообразно вокругъ нее лучи спирались,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались.
- 485 Какъ чистою брега наполнены водой,
Являютъ небеса свѣтящи надъ рѣкой:
Во книгѣ ясно такъ изображенно зрится,
Чему назначено въ грядуще время сбыться.
Недвижимъ зритель былъ, пустынникъ замолчалъ.
- 490 Се! вижу я себя! въ восторгѣ Царь вскричалъ,
Безъ долговременной и многотрудной брани,
Врата отверзлися мнѣ гордыя Казани;
Ордынскій сильный Царь у ногъ моихъ лежитъ,
Приноситъ Волга дань, Кавкасъ отъ стрѣлъ дрожитъ;
- 495 Смущенна Астрахань упала на колѣни:
Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись тѣни;
На Шведовъ громъ падетъ изъ храбрыхъ Росскихъ рукъ,
Вкругъ Белта внемлю я Московской славы звукъ;
Мятежная Литва, какъ агнецъ, усмирилась,

- 500 И Нарва съ трепетомъ Россіи покорилась;
Тревожный Новгородъ на вѣки укрощенъ:
Побѣдами покой народамъ возвращенъ;
Поляковъ усмиривъ, я царствую во славѣ;
Сосѣдамъ миръ дарю, и миръ моей державѣ....
- 505 Престань тщеславиться! смиренный старецъ рекъ,
И знай, что ты не Богъ, но смертный человѣкъ;
Блаженства самъ себѣ не можешь ты устроить,
Коль щастьемъ Богъ тебя не хочетъ удостоить.

На оживленныя картины взоръ простири;

- 510 Будь твердъ, и суету земнаго щастья зри:
Вдругъ виды страшныя Монарха поражаютъ;
Тамъ отрока въ крови листы изображаютъ;
Обвившись змій кругомъ, гортань его грызетъ,
Кто отрокъ сей? Монархъ ко старцу вопіетъ.
- 515 Я зрю жену надъ нимъ рыдающую, стелящую,
Терзающую власы, и жизнь пресѣчь хотящую....
Ты видишь мать его, вѣщаетъ Вассіанъ,
Се сынъ твой! се твоя супруга, Іоаннъ!
О славолюбія неслыханное дѣйство!
- 520 Корысти поострятъ убійцевъ на злодѣйство;
Димитрій въ юности увянетъ, яко цвѣтъ.
Царь стонетъ, и едва на землю не падетъ;
Но въ немощи его пустынный подкрѣпляетъ;
Во свѣтлыхъ небесахъ Димитрія являетъ.
- 525 Скрѣпися, рекъ Царю, во славѣ сына зри,
Какой не многіе причастны суть Цари;
Неувядаему корону онъ получитьъ;
Во адѣ вѣчный огонь его убійцевъ мучить.

Спокоило Царя видѣніе сіе;

- 530 Но гдѣ, онъ спросилъ, потомство гдѣ мое?
Какъ вихремъ нѣкакимъ мгновенно отдѣлились,
Вдругъ многіе листы во книгѣ преложились.
Не все испытывай, пустынный рекъ Царю;
Я вѣтви твоего потомства отворю:
- 535 Θεодоръ царствуетъ! не буди безотраденъ;
Но въ немъ изсякнетъ кровь, онъ кончитъ жизнь безчаденъ.

Со стономъ Іоаннъ, потупя взоръ, молчалъ;

- По томъ на небеса возведъ глаза вскричалъ:
Ты, Боже! зиждешь все, Твоя да будетъ воля!
- 540 Тобой предписана моя мнѣ въ жизни доля;
Но мучится мой духъ, и слезный токъ течетъ,
Что корень Рюриковъ судьбина пресѣчетъ.
Не сѣтуй! старецъ рекъ: твой плодъ не изтребится,
Но долженъ въ нѣдра онъ на время углубиться,
- 545 Въ благословенной онъ утробѣ прозябетъ,

- И выступить по томъ торжественно на свѣтъ;
 Отъ вѣтви, Царскому колѣну приобщенной,
 Изыдутъ отрасли въ Россіи возмущенной;
 Какъ сильный кедръ, они до облакъ возрастутъ,
 550 Народы ликовать подъ сѣнью ихъ придутъ;
 Россія возгремитъ, и славу узритъ нову!
 Но нынѣ обрати твой взоръ ко Годунову,
 И другъ и родственникъ онъ сына твоего;
 По немъ приѣмлюща ты зришь вѣнецъ его;
 555 Ты видишь вкругъ его рѣками кровь текущу,
 Стенящу истинну, невинность вопіющу.
- Царь въ черныхъ мракахъ зритъ преемника сего;
 Какъ облакъ носится печаль кругомъ его;
 Не веселитъ души ни трономъ онъ, ни славой;
 560 Рукою держитъ мечъ, другой сосудъ съ отравой;
 Крѣпитъ на тронѣ власть кровавымъ онъ перомъ;
 Но видитъ молніи, вдали внимаеть громъ,
 Смущенные глаза на тучу взводитъ черну,
 И Годунова тронъ подобенъ зрится терну.
- 565 Кто дни спокойствія Царева погасилъ?
 У Вассіяна Царь со стономъ спросилъ.
 Раскаянье и грѣхъ, пустынный отвѣчаетъ,
 Убийца Дмитріевъ отравой жизнь скончаетъ.
 Смотри, какъ дѣйствуетъ въ его утробѣ ядъ;
 570 Отрепьева на тронъ Поляки протѣснятъ;
 Дмитрій убиенъ, но именемъ возстанетъ;
 Отмщенье въ образѣ чернца перуномъ грянетъ,
 И сына Царскаго на тронѣ умертвитъ.
 Но горести въ Москвѣ Отрепьевъ оживитъ;
 575 Не есть и не было толикихъ золь примѣра:
 Благочестивая тѣснима будетъ вѣра;
 Въ Россіи тишина исчезла, яко дымъ,
 Тамъ страждетъ Патріархъ въ темницѣ Іакимъ;
 Латинской вѣрою и лестью упоенный,
 580 Игнатій жезлъ беретъ и санъ первосвященный;
 Ко благочинію утратилась любовь;
 Сыновъ отечества рѣкой ліется кровь.
 Изъ рукъ Отрепьева перунъ въ столицѣ грянулъ;
 Но Шуйскій на него съ мечемъ отъ сна возпрянулъ;
 585 Онъ, пламенный нося, отъ Россовъ гонитъ страхъ,
 Предавъ огню чернца, его развѣялъ прахъ,
 Ты видишь Шуйскаго, носящаго корону;
 Но зло къ Россійскому прильнетъ, какъ язва, трону.
 Междоусобіе въ Россіянахъ горитъ,
 590 Се жало на него злонравіе остритъ!
 Забвенна древняя твоимъ народомъ слава;

- На царство Польскаго онъ призвалъ Владислава;
 И въ ризу черную Василій облеченъ,
 Постриженъ, и врагамъ отечества врученъ.
 595 Все царство мракъ покрылъ; ищи въ темницѣ свѣта!
- Являетъ онъ Царю въ оковахъ Филарета;
 Въ темницу вверженный, но въ ней, неустрашимъ,
 Изъ Польши пишетъ онъ къ собратіямъ своимъ,
 Дабы въ любви сердца къ отечеству крѣпили,
 600 Вѣнца Россійскаго Литвѣ не уступили;
 Нещастный старецъ зреть оковы, пламень, мечъ;
 Безсильна смерть его къ предательству привлечъ;
 Онъ славу соблюсти отечество заставитъ,
 И пастырствомъ свой санъ въ Москвѣ по томъ прославитъ.
- 605 Се ночь скрывается; зри солнечный возходъ!
 Романовыхъ грядетъ отъ Филарета родъ;
 Явится въ полномъ онъ сіяньи при началѣ,
 И больше свѣта дастъ, чѣмъ въ вѣчность пройдетъ далѣ.
 Увы! доколь заря въ Россіи не взойдетъ,
- 610 На всю твою страну глубокий мракъ падетъ!
 Се тронъ колеблется, хранимый многи вѣки;
 Москву наполнили Поляки, будто рѣки;
 Забвенны древніе природные Князья;
 Ты стонешь, Іоаннъ! стеною и плачу я;
- 615 Иноплеменники Москвою овладѣли...
 При семъ видѣніи небесны своды рдѣли;
 Опустошенныя открылися поля;
 Кровавые ручьи, багровая земля;
 Разтерзанны тѣла гробовъ не обрѣтають,
- 620 И птицы хищныя надъ ними вокругъ летаютъ.
 Отринула Москва отъ персей томныхъ чадъ.
 Къ Россійскимъ ратникамъ приходитъ блѣдный гладъ;
 Мечи изъ рукъ падутъ, душевны тлѣютъ силы;
 Преображаются вокругъ стѣнъ шатры въ могилы;
- 625 И гладъ бы мужества остатки погасилъ,
 Когда бы Мининъ искръ въ сердцахъ не воскресилъ.
 Сей другъ отечества на бѣдность взоръ возводитъ,
 Беретъ сокровища, къ Пожарскому приходитъ;
 Богатство тлѣнъ и прахъ, но славно есть оно,
- 630 Коль будетъ общему добру посвящено.
 Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну;
 Онъ злато изострилъ, дабы сразить измѣну;
 Россійской храбрости удерживаетъ вѣсь,
 И се разитъ Орла Россійскій Геркулесъ!
- 635 Какъ бурный вихрь Москву Пожарскій окружаетъ,
 Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ;
 Съ другой страны даритъ отечеству покой,
 Бросая громъ на нихъ Димитрій Трубецкой.

- Сей родъ со временемъ съ тѣмъ родомъ съединится,
 640 Отъ коего пѣвецъ Казанскихъ дѣлъ родится;
 Увидѣтъ свѣтъ ему судьбина повелить,
 Гдѣ Польшу бурный Днепръ съ Россією дѣлитъ.
 Прости, коль онъ тебя достойно не прославить,
 Любовь къ отечеству писать его заставитъ.
- 645 Но взоры Іоаннъ къ Героямъ устремилъ,
 И черную печаль отъ сердца отъими;
 Пожарскій съ Трубецкимъ побѣду совершаютъ;
 Женутъ враговъ, разятъ, и въ бѣгство обращаютъ.
 Очистились теперь отъ мрака небеса.
- 650 Москвѣ возвращена и слава и краса;
 Пожарскому вѣнецъ народомъ поднесется,
 Но сей великій мужъ отъ царства отречется,
 Своею кротостью Монарховъ превзойдетъ;
 Избратъ Романова на царство дастъ совѣтъ;
- 655 Въ уединеніе по томъ воззоветъ скрыться;
 И Филаретовъ сынъ со славой воцарится.
 Смотри, какъ мать ему принять вѣнецъ претитъ,
 Колеблемый престолъ душѣ ея не льститъ,
 И сына образу въ слезахъ она вручаетъ;
- 660 Сигклитъ его беретъ, и бармами вѣнчаетъ:
 На царство отрокъ сей со славою вступилъ,
 И жало Польскаго дракона притупилъ;
 Склоненную главу при немъ подымлетъ царство,
 Пріосѣнилося спокойствомъ государство.
- 665 Пріемлетъ сынъ его корону Алексѣй,
 Законодателемъ владѣтель будетъ сей;
 Благоустройство онъ даетъ своей державѣ,
 Уготовляется Россія къ новой славѣ.
 Преемникомъ своимъ онъ сына наречетъ;
- 670 Но смерть Θεодора въ цвѣтущи дни ссѣчетъ.
 Горька отечеству такая будетъ трата!
 Оставитъ по себѣ юнѣйшаго онъ брата.

- Что вижу? Царь вскричалъ: Что вижу я? Скажи!
 Родятся новые въ Россіи мятежи:
- 675 Зрю вкупѣ двухъ Царей, и вижу двѣ короны,
 Трепещетъ стольный градъ, трепещутъ Царски троны!
 Разторглось дружество и братская любовь,
 Въ Москвѣ грабежъ и вопль, течетъ по стогнамъ кровь,
 Кто сей несчастный мужъ не крестъ въ слезахъ взираетъ,
- 680 И за власы влекомъ, на копьяхъ умираетъ?
 Кто хитрая сія и гордая жена,
 Мнѣ, видится въ вѣнцѣ мечемъ вооружена?
 Свирѣпыя змиі свои разверзли зѣвы,

- Хотящи жалами язвить уста Царевы¹,
 685 Но вдругъ печальная простерлась тишина,
 Междоусобная укрощена война;
 Кто отрокъ сей, скажи, что громы взявъ рукою,
 Разить мятежниковъ для общаго покою?
 Коварство плачуще у ногъ его лежитъ,
 690 Злоумышленіе отъ стрѣль его бѣжитъ.
 Но что! не новые ль раждаются народы?
 Иль въ годъ вмѣстилися безчисленные годы?
 Столицу вижу я, но вижу не мою!
 Въ Москвѣ Россіянъ зрю, но ихъ не познаю!
 695 Се Царь, оставивъ тронъ, простеръ къ работѣ руки,
 Цвѣтутъ кругомъ его художества, науки.
 Или я вижу сонъ, иль очарованъ взглядъ?
 Се вдругъ рождается у Белта пышный градъ?
 Скажи, коликими созижденъ онъ Царями?
 700 Единымъ!... Сей единъ да чтится олтарями...
 Державу осѣнить сей мужъ, какъ нѣкій кедръ....
 Се Богъ, иль человѣкъ?... Се твой потомокъ Петръ!
 Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
 Россіи нову жизнь, и будетъ слыть Великимъ.
 705 Свѣтило оное вначалѣ мракъ затмитъ.
 Сестра противъ него злодѣевъ устремить,
 Ты видишь, какъ она владѣтъ престоломъ жаждетъ!
 Москва отъ хитрости Софіи гордой страждетъ:
 Стрѣльцы Матвеева безвинну кровь ліютъ,
 710 Се чашу смертную Нарышкины піютъ.
 Но зри Петра своимъ народомъ окруженна,
 Его перуномъ лестъ и гордость пораженна:
 Тамъ гонитъ онъ за Днепръ съ полей Полтавскихъ Льва;
 И видитъ новый градъ во дни его Нева.
 715 Парящимъ онъ орломъ въ чужихъ странахъ явился;
 Весь свѣтъ его трудамъ и свойствамъ удивился;
 Превыше смертныхъ силъ подъемлетъ онъ труды;
 Се флотъ, се воинство, науки и суды;
 Его перунъ въ моряхъ, и громъ на сушѣ грянулъ;
 720 Но въ самыхъ торжествахъ сей мудрый Царь увянулъ!...
 Смущенъ пріятною и жалостной мечтой,
 Воскрикнулъ Іоаннъ: о грозна смерть! стой!
 Оставь потомка мнѣ! Но свѣтъ Петра объемлетъ,
 И Царь сіи слова отъ Вассіана внемлетъ:
 725 Сей мужъ великими дѣлами долго жилъ,
 И жизнямъ Богъ предѣлъ и славу положилъ;
 Пресвѣтлый духъ Петромъ на небо преселится;
 Но онъ въ другомъ лицѣ на землю возвратится.

¹ Одинъ изъ стрѣльцовъ прикасался копьемъ своимъ къ устамъ юнаго Петра, и кричалъ: ты ли это? Государь, много лѣтъ спустя узналъ сего злодѣя, постриженнаго въ монахи и раскаявашагося о его варварствѣ.

- Познаетъ свѣтъ, когда его прервется вѣкъ,
 730 Лишь только по тому, что былъ онъ человѣкъ.
 Во всей подсолнечной сей мужъ себя прославить;
 Онъ въ плачѣ по себѣ Россію всю оставитъ.
 Образование душѣ и славѣ сей,
 Въ крови Нарышкиной устроить Алексѣй;
 735 Примѣромъ будетъ онъ всего земнаго круга.
 Взойдетъ на Царскій тронъ по немъ его супруга;
 И славы странъ твоихъ приумножая звукъ,
 Оставитъ Аннѣ тронъ его безчадный внукъ...
 И се, Россійскаго къ усугубленью свѣта,
 740 Петрова Дщерь грядетъ на тронъ, Елисавета;
 Ознаменуется правленіе сіе
 Щедротой, щастіемъ и кротостью ее;
 При ней разторгнутся наукъ словесныхъ узы,
 Россію посѣтятъ возлюбленныя Музы;
 745 Сѣдящи миртовыхъ древесъ въ густой тѣни,
 На лирахъ возгласятъ они златые дни;
 Подъ скипетромъ ея цвѣтутъ обильны нивы,
 Корону обвіютъ и лавры и оливы,
 Науки процвѣтутъ какъ новый виноградъ,
 750 Шуваловъ ихъ раститъ, Россійскій Меценатъ.

- Но кое зрѣлице въ восторгъ мой духъ приводитъ?
 Свѣтило новое въ странѣ полночной всходитъ,
 Вѣщаетъ Іоаннъ.... Теряется мой взоръ;
 Колики радости, какой торжество соборъ!...
 755 Се! лучшая времянь, пустынный рекъ, судьбина,
 Приемлетъ царствія вожди Е К А Т Е Р И Н А ,
 Премудрость съ небеси въ полночный край сойдетъ,
 Блаженство на престоль въ лицѣ ея взведетъ,
 Предъ Ней усердіемъ отечество пылаетъ;
 760 Любовь цвѣтами путь Ей къ трону устилаетъ,
 Тѣсна Ея лучамъ Россійская страна,
 Должна бы озарять вселенну всю Она;
 Божественны Она народамъ дастъ уставы,
 Гласящи подданныхъ и Государей правы;
 765 Содѣйствуетъ Ея намѣреніямъ Богъ;
 Устроить совѣсти и милостямъ чертогъ.
 Она стенанію вдовицъ и сирыхъ внемлетъ,
 Отверженныхъ дѣтей подъ свой покровъ приемлетъ,
 Питаетъ, грѣетъ ихъ, имъ нову жизнь даетъ;
 770 Судя преступниковъ, какъ Матерь слезы льетъ;
 Дать подданнымъ покой, лишается покою,
 И щедрости ліетъ на всѣхъ людей рѣкою.
 Учися царствовать, учися ты у Ней;
 Будь подданныхъ отцемъ и жизни ихъ жалѣй!
 775 Какъ крины процвѣтутъ въ Ея державѣ грады,

- Упьются тишиной, насытятся отрады;
 Училища при Ней какъ маслины цвѣтутъ;
 Куда свой взоръ простретъ, сіяетъ благо тутъ.
 Въ великой сей душѣ вмѣщенная Россія,
 780 Преобразивъ свой видъ, увидитъ дни златыя.
 ЕКАТЕРИНА вѣкъ Астреинъ возвратитъ;
 Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ;
 Отъ гордыхъ пирамидъ и титловъ отречется,
 Но Матерью Она сердцама наречется;
 785 Прибѣжищемъ Она народамъ будетъ всѣмъ:
 Придутъ къ ней Цари, какъ въ древній Виоліемъ,
 Не золото расточать, не зданіямъ дивиться
 Придутъ къ ней Цари, но царствовать учиться.
 Блаженствомъ озаритъ отечество Она,
 790 Въ трудахъ Ее найдутъ Аврора и Луна.
 Но буря бранная правленіе тревожитъ,
 Шумитъ, и тѣмъ лучей вѣнца и трона множитъ;
 Кротка въ отечествѣ, премудра въ тишинѣ,
 Явилась грозною и страшною на войнѣ;
 795 Чрезъ дальныя моря восточнымъ движитъ краемъ,
 Вѣнцы и славный миръ приѣмлетъ за Дунаемъ.
 Зри новый на челѣ ЕКАТЕРИНЫ лавръ,
 Подносятъ ей вѣнцы Херсонъ и древній Тавръ.
 Восточну трепетать Луну Она заставитъ,
 800 Сарматовъ укротивъ, свой вѣкъ Она прославитъ.
 Всеплоднымъ цвѣсть полямъ въ отечествѣ велитъ;
 Разширивъ свой предѣлъ, народы въ немъ селитъ;
 Въ пространствѣ черныя восточныя пучины
 Шумитъ названіе Второй ЕКАТЕРИНЫ;
 805 Россійски корабли черезъ Босфоръ летятъ,
 Югъ, западъ и востокъ, весь сѣверъ богатятъ.
 Увеселятъ Ее не лавры, не оливы,
 То сердце усладитъ, что люди съ Ней щастливы;
 Утѣшитъ страждущихъ, несчастныхъ оживитъ,
 810 Побѣдой возгремѣвъ, щедротой удивитъ;
 Возвыситъ разумы, Она исправитъ нравы,
 Достигнетъ мудростью безсмертной въ мірѣ славы!
 Се Павель! старецъ рекъ, душа Ея и кровь.
 Зри! коль сильна къ Нему народная любовь;
 815 Приходитъ смерть къ нему въ дни юности съ косою,
 Народъ потокомъ слезъ кропится какъ росюю;
 Проникнулъ небеса ЕКАТЕРИНИНЪ стонъ.
 И паки возвращенъ и Ей и Россамъ Онъ,
 И вскорѣ томная утѣшилась Россія.
 820 Се! входитъ съ Павломъ въ бракъ прекрасная Марія.
 Ликуй со мною Царь и веселися ты,
 Се вѣтви возрасли отъ корня сей четы;

О коль возлюбленны! О коль они прекрасны!
И вѣки потекутъ въ Россіи безопасны.
825 Цвѣтами въ честь для нихъ украсились поля,
И въ даръ приносить имъ богатый плодъ земля:
Неизмѣримая отверзлась благъ пучина;
Безсмертной славою гремитъ Е К А Т Е Р И Н А ....

Грядущи времена познать полночныхъ странъ,
830 Желалъ еще взглянуть во книгу Іоаннъ;
Но вдругъ огонь блеснулъ! Царь къ старцу обратился;
Олтарь затрепеталъ, и мракъ надъ нимъ сгустился.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ

- Отверзъ небесну дверь Денницы перстъ златой,
Румяная заря встрѣчалась съ темнотою;
Гдѣ кисть густую тѣнь отъ свѣта отличаетъ,
Тамъ зрѣніе черты межъ ими не встрѣчаетъ,
5 Смѣшенье сходное при утреннихъ часахъ,
Въ сліянномъ съ ночью дни казалось въ небесахъ;
Мракъ тонкій исчезалъ, сіяніе раждалось,
И каждо существо со свѣтомъ пробуждалось.
Тму гонитъ съ небеси пріятная заря;
10 Видѣнье гнало прочь печали отъ Царя:
Изъ храма Іоаннъ съ пустынникомъ выходитъ,
И зрѣніе на долъ съ вершины горъ возводитъ;
Сквозь чистый воздухъ зритъ пріятныя поля:
Тамъ нѣжной зеленью одѣлася земля,
15 И представлялася цвѣгы производяща,
Какъ въ первый разъ изъ рукъ Господнихъ изходяща;
Зефиры тихіе играютъ по лѣсамъ,
И свѣжесть отдаютъ землѣ и небесамъ;
Поля жемчужною рососою орошенны,
20 Со мрачностью ночной бѣгутъ пары сгущенны.
Когда бесѣдовалъ съ Монархомъ Вассіанъ,
Сокрылись ужасы отъ сихъ угрюмыхъ странъ,
И дождь, небесный дождь, лѣсовъ и горъ питатель,
Прохлады алчущихъ, и жизни сталъ податель:
25 Какъ будто старцевыхъ внимая силѣ словъ,
Рѣкою зашумѣлъ изъ хладныхъ облаковъ;
Долины томныя и рощи оживились,
Былинки напились, цвѣты въ лугахъ явились;
Лазоревый покровъ одѣлъ поверхность горъ.
30 Взводя на все сіе Монархъ веселый взоръ,
Вѣщаль: Великій Богъ! о коль Тебѣ не трудно
Во свѣтѣ то творить, что дивно намъ и чудно!
Но трудно намъ Твои щедроты заслужить,
Ты Богъ! и Бога мы умѣемъ раздражить.
35   Глубоку мысль сію питай всегда о Богѣ;
Но, старецъ рекъ, иди; твой станъ теперь въ тревогѣ,
Иди! друзей твоихъ и войски успокой,
Неизреченною снѣдаемы тоской;

- При семь не забывай ужаснаго видѣнья:
 40 Твой Богъ тебѣ Отецъ; ты будь отцемъ владѣнья!
 Разумный Царь почтенъ, хотя нещастенъ онъ;
 Не злключенія, пороки зыблютъ тронъ.
- Приосѣнивъ Царя, съ горы его низводитъ,
 Гдѣ спящаго въ травѣ Алея Царь находитъ;
 45 Се вѣрный рабъ тебѣ! Монарху старецъ рекъ,
 Не въ дружбѣ, но въ любви онъ слабый человѣкъ;
 Люби и чти его!... Алей свой сонъ оставилъ.
 Сокрылся Вассіянъ.... Царь къ войску путь направилъ;
 И слезы радостны лія въ сей мирный часъ,
 50 По бѣдствахъ видъ имѣлъ спокойный въ первый разъ.
 Во станѣ между тѣмъ, когда Монархъ сокрылся,
 Неизреченный страхъ и ужасъ воцарился;
 Адашевъ по шатрамъ ходилъ какъ внѣ ума,
 Ему казалася мрачнѣе ноци тма,
 55 Колеблемой земля, по коей онъ ступаетъ;
 Молчитъ, языкъ его къ гортани прилипаетъ;
 Трепещетъ какъ тростникъ, во всѣ страны смотря,
 Не смѣетъ вымолвить, что нѣтъ нигдѣ Царя;
 Онъ рыщетъ по лѣсамъ, на холмы онъ взбѣгаетъ,
 60 Услышать ходъ Царевъ, къ землѣ онъ прилегаетъ;
 Не внемлетъ и не зритъ!... Толико грозный рокъ
 Надолго скрытымъ быть отъ воинства не могъ:
 Царево тайное отсутствіе познали;
 Винить лишеньемъ симъ другъ друга начинали;
 65 Претерпѣвающи злшастье многи дни,
 Въ сей часъ нещастными почли себя они;
 Печали, гладъ, тоска гоненья, скорби люты,
 Явились страшны имъ, лишь только съ сей минуты.
 Гдѣ Царь нашъ? гдѣ нашъ другъ? повсюду вопіютъ;
 70 Умолкнуть вдругъ они, и токи слезъ ліютъ!...
 Но ратниковъ въ сей часъ внимая сокрушенью,
 Послали Небеса прохладу къ утѣшенью:
 Древами зашумѣлъ зефиръ издалека,
 И многоводныя надвинулъ облака,
 75 Которы въ воздухѣ какъ горы вкругъ ходили,
 Сперлись, и вдругъ поля и роци одождили.
 Владѣющій до днесъ Ордынскою страной,
 Отъ вѣтровъ прячется, подъ жаркій поясъ зной;
 Цвѣты и былія въ долинахъ оживали;
 80 А ратники Царя лишены унывали;
 Омытые дождемъ, среди своихъ прохладъ,
 Вѣщали: зной пошли, о Небо! намъ назадъ;
 Да голодъ насъ мертвитъ и жажда несказанна,
 Лишь только намъ отдай обратно Іоанна!
 85 Разсыпались они по дебрямъ и лѣсамъ,

Простерлись голоса плачевны къ Небесамъ;
 Отдайте горы намъ Царя! они взываютъ:
 Изъ рощей, изъ пещеръ Монарха призываютъ;
 Но повторяемый стократно въ дебряхъ гласъ,
 90 Имъ будто отвѣчалъ: Монарха нѣтъ у насъ,
 Съ вечернія зари до утренней ходили;
 Безстрашнымъ, тропки имъ сумнѣнье наводили.

Уже предъ свѣтлою зарей исчезла тѣнь,
 Луна подъ землю шла, и воцарялся день;
 95 Адашевъ, слѣдуя склоненію Цареву,
 Рыдая шелъ къ тому развѣсистому древу,
 Подъ коимъ Іоаннъ въ нощи видѣнье зрѣлъ.
 Онъ шлемъ и мечъ его подъ дровомъ усмотрѣлъ,
 Которые Монархъ въ забвеніи оставилъ,
 100 Когда къ пустыннику съ Алеемъ путь направилъ.
 Какое смутное видѣнье для него!
 Оледенѣла кровь вокругъ сердца у него;
 Воскрикнуть хошетъ онъ, но не имѣетъ мочи;
 Остановилися стопы его и очи.
 105 Такое зрѣлище, какъ острая стрѣла,
 Пронзила грудь его и сердце сквозь прошла;
 Онъ руки къ небесамъ трепещущи возноситъ,
 Истолкованія въ семъ дѣлѣ темномъ проситъ;
 Взрыдалъ, и предъ собой воителей узрѣлъ!
 110 Какъ хладный истуканъ, на нихъ Герой смотрѣлъ;
 Воители его болѣнью сострадають,
 Бія во грудь себя, на землю упадають.
 Волнующійся духъ въ Адашевѣ утихъ,
 И вопрошающу о Іоаннѣ ихъ,
 115 Объемлющи его колѣни повторяли:
 Увы! и мы Царя Алея потеряли!
 Тогда повѣдаютъ гонимы рокомъ злымъ,
 Свое свиданіе и разлученье съ нимъ;
 Адашева въ тоскѣ ихъ повѣсть утѣшаетъ,
 120 Онъ къ рощѣ, гдѣ Алей сокрылся, поспѣшаетъ;
 Летитъ чрезъ холмы онъ, усердіемъ горя,
 И зритъ вдали... онъ зритъ... идущаго Царя!
 Какъ огонь влечетъ къ себѣ свѣтильникъ потушенный,
 Такъ былъ къ Царю влекомъ Адашевъ восхищенный;
 125 Онъ будто Ангела сходяща зрѣлъ съ небесъ,
 Въ объятія къ Царю повергся съ токомъ слезъ.

Ты вѣрнымъ другомъ быть, вѣщаетъ Царь, умѣешь;
 Единого искавъ, ты двухъ друзей имѣешь;
 Объ отлученіи моемъ не сожалѣй;
 130 Не плачь, я здоровъ, и вѣренъ намъ Алей.

- Тѣ рѣчи общее спокойство увѣнчали.
 Зефиры къ воинству слова сіи помчали;
 Пріятнѣй вѣсть была зари лучей златыхъ,
 И сладостнѣй дожда по многихъ дняхъ сухихъ;
 135 Свѣтлѣ небеса и солнце появилось;
 Вѣщаньемъ о Царѣ все войско оживилось.
 Пришелъ нашъ Царь! пришелъ! повсюду вопіють;
 Имъ взгляды Царскіе обратно жизнь даютъ!
 Касаясь ризъ его, стопы его лобзають,
 140 И воплемъ радостнымъ небесный сводъ пронзають.
 Такъ токомъ водъ Мойсей пустыню усладилъ,
 Которы онъ жезломъ изъ камня изцѣдилъ:
 Подобно Царскій взоръ, едино къ войскамъ слово,
 Прохладу имъ сулятъ, покой и щастье ново;
 145 Его присутствіе блаженство принесло;
 Воскресли радости и стало мертво зло.

- Внимая грому трубъ Россійскихъ смутны Орды;
 Престали дерзки быть, престали быти горды;
 Какъ юница падетъ къ стопамъ идуща льва,
 150 Простерлись предъ Царемъ Кокшайцы и Мордва;
 Приходятъ, въ дань ему корысть и жизнь приносятъ,
 За наглости свои помилованья просятъ,
 Вѣщая искренно, что двигли ихъ на брань,
 И суевѣріе, и гордая Казань;
 155 Два мрака души ихъ и мысли ослѣпили;
 Что въ буйности они къ измѣнѣ приступили;
 Но совѣсть изгнала вражду изъ ихъ сердець,
 И быть они хотятъ рабами наконецъ.

- Со умиленіемъ Монархъ просящимъ внемлетъ,
 160 И въ подданныхъ число своихъ враговъ пріемлетъ.
 Тогда наполнился ущербъ его полковъ,
 Донинѣ множимый отъ скорби и враговъ;
 На мѣсто страждущихъ, на мѣсто умерщвленныхъ,
 Находитъ храбростью людей одушевленныхъ.
 165 Такое диво зрѣлъ въ Колхидіи Язонъ,
 Когда, разсѣя тамъ зміины зубы онъ,
 Увидѣлъ шлемы вдругъ, щиты, мечи блестящи,
 И войски изъ земли какъ класы изходящи.
 Кочующи Мурзы, внимая ратный шумъ,
 170 Потупили глаза, унизивъ гордый умъ;
 Изъ подъ Казанскаго разторженна покровъ,
 Отъ молніи, что ихъ разить была готова,
 Россійскаго Орла подъ крылья притекли,
 И тамъ пристанище отъ бурей обрѣли.
 175 Склонилися къ нему Висей со Еникеемъ,
 Монархъ отнынѣ сталъ ихъ другомъ, не злодѣемъ.

- Какъ бурная рѣка со воинствомъ своимъ
 Къ Свѣяжску двигнулся, и страхъ пошелъ предъ нимъ;
 Соединилися, о дивная премѣна!
 180 Махометанскія съ Россійскими знамена.
 Уже какъ два крыла раскинувый орелъ,
 По воздуху съ дѣтьми, такъ Царь на брань летѣлъ;
 Подобны тучамъ двумъ двѣ зрѣлись войска части,
 Предохраняючи Россію отъ напасти.
- 185 Когда вступилъ Герой въ Свѣяжскія поля,
 Ликующей ему представилась земля;
 Которыхъ жители Россіи покорились,
 Тѣ селы въ тишинѣ какъ садъ изобразились;
 Щедротой ихъ привлекъ къ покорству Іоаннъ:
- 190 Изчезла злоба ихъ противу Христіанъ;
 Не изнуренные ни данью, ни трудами,
 Между великими покоятся скирдами;
 Тамъ нивы тучныя, тамъ сладкіе плоды,
 Казали роскоши и щастія слѣды;
- 195 Среди прозрачныхъ водъ, въ лугахъ, въ долинахъ мирныхъ
 Стрѣтаются стада воловъ и агнцевъ жирныхъ;
 Подъ тѣнію древесъ вѣнки пастушки выютъ,
 Пріятну жизнь онѣ и нѣжности поютъ.
 Тамъ ризу пеструю раскинула природа;
- 200 Написанна въ очахъ у всѣхъ цвѣла свобода;
 Ласкаютъ воинство, за войскомъ идутъ въ слѣдъ,
 Усердны жители нося млеко и медъ.
 Какое двухъ державъ несходство предлежало!
 Увеселивъ гдаза, оно сердца сжимало,
- 205 И жалость во слезахъ на воиновъ воззрѣвъ,
 Умножила въ Царѣ стремленіе и гнѣвъ;
 Не смѣлъ ни зной, ни вихрь въ пути его тревожить,
 Но радость общую и Царскую умножить!
 Едва нолки въ Свѣяжскъ оружія внесли,
- 210 Съ Морозовымъ ладьи ко брегу притекли,
 И вопль, веселый вопль небесный сводъ пронзаеть!
 Отъ волнъ спасеннаго какъ сына мать лобзаетъ,
 Съ такимъ восторгомъ Царь плывущихъ цѣловалъ,
 Которыхъ потерять на вѣки уповалъ.
- 215 Умысливъ дать примѣръ Казани горделивой,
 Едва вступилъ въ Свѣяжскъ сей Царь мирилюбивой,
 Съ увѣщеваніемъ и кротостію словъ,
 Оливну вѣтвь вручивъ, послалъ туда пословъ;
 Велѣлъ мятежникамъ кичливыя Казани
- 220 Миръ вѣчный предложить, или кровавы брани.
 Ведущая меня донынѣ на Парнасъ,
 О Муза! укроти на время трубный гласъ.

Послы грядуть въ Казань со миромъ, не съ войною;
 Въ сей градъ, мятежный градъ, преиди и ты со мною;
 225 Повѣдай прежнихъ бѣдствъ Алеевыхъ вину;
 Развратъ его представь, дай лиру, пѣть начну!

Подъ лунною чертой Духъ темный обитаетъ,
 Который день и ночь по всѣмъ странамъ летаетъ,
 Раждаетъ онъ вражды между земныхъ Князей;
 230 Раждаетъ мятежи, разрывы межъ друзей,
 Онъ вноситъ огонь и мечъ въ естественны законы;
 Гражданску точить кровь, колеблетъ Царски троны;
 Сердца тревожитъ онъ, супружни узы рветъ;
 Всѣхъ мучить, всѣхъ крушить, Раздоромъ онъ слыветъ.
 235 Сей Духъ существовалъ при сотвореньи неба;
 Единородный сынъ и Нощи и Ереба,
 Во мракѣ утаясь, сіянье похищаль,
 Молчащу тишину, ставъ бурей, возмущаль,
 Во мразѣ кросясь, сражался съ теплотою,
 240 Онъ воздухъ оружалъ на брань съ водой густою.
 Когда въ Едемѣ жилъ безбѣдно человекъ,
 Во древѣ знанія скрывалъ желѣзный вѣкъ;
 Надъ нашимъ праотцемъ, праматерью прельщеннымъ,
 Плодомъ возликовалъ вкушенью запрещеннымъ;
 245 На шарѣ здѣшнемъ онъ отъ тѣхъ временъ живетъ;
 Гнѣздилище его и царство цѣлый свѣтъ.
 Онъ сѣетъ тамо зло, гдѣ только есть народы;
 Пустыни гдѣ найдетъ, мутитъ песчаны воды;
 Дыхаетъ пламенемъ изъ чрева онъ земли,
 250 Бросаетъ въ ярости о камень корабли;
 Въ пучинѣ воздуха онъ скорби разтравляетъ;
 Онъ движитъ бурями, и громы составляетъ;
 Болѣзни, горести, земное каждо зло,
 Изъ мрачныхъ чреслъ его въ сей мѣръ произтекло.
 255 Безбожіе, во тму бездонну погруженно,
 Лежало будто бы перуномъ пораженно;
 Кометѣ пламенной его подобенъ видъ;
 Терзаютъ грудь его досада, гнѣвъ и стыдъ.
 Туманны очеса на Іоанна взводитъ,
 260 Ожесточается, трепещетъ, въ ярость входитъ,
 Вѣщаетъ: Нѣтъ! Москвѣ не дамъ торжествовать!
 Смущу Казань! смущу! адъ будетъ ликовать!
 И страшный пламенникъ рукой дрожащей емлетъ;
 Изъ вѣчной тмы ползетъ, главу свою подъемлетъ,
 265 Шипящи у него ехидны вокругъ чела,
 Изображали страхъ разгнѣваннаго зла;
 Куда ни ступитъ, все мертвитъ и пожигаетъ;
 Въ свирѣпствѣ, въ бѣшенствѣ къ Раздору прибѣгаетъ;

- Чего ты мѣшкаешь? со стономъ вопіеть:
 270 Въ пріятной тишинѣ покоится весь свѣтъ;
 Казань безпечною любовью услажденна,
 Иль скоро быть должна Россіей побѣжденна,
 Или не постыдьясь невольническихъ узъ,
 Съ Москвою рабственный содѣлаеть союзъ,
 275 Настанетъ здѣсь покой! Почто, почто коснѣешь?
 Стыдись, что званіе Раздора ты имѣешь;
 Смutilo бѣ я весь міръ, но дѣло то твое:
 Для сихъ великихъ дѣлъ имѣешь бытіе.
 Безбожіе Раздоръ къ злодѣйству ополчаетъ,
 280 И пламенникъ ему изъ рукъ своихъ вручаетъ.
 Со скрежетомъ сказавъ: Гряди, гряди въ Казань,
 И тамо сѣй вражду, мятежь, измѣну, брань!...
 Ко поднебесности восточной уклонился,
 И пламенной змѣей Раздоръ въ Казань пустился;
 285 Любовью видитъ онъ Сумбекинъ полный взоръ;
 Но въ грудь ея взглянувъ, прочелъ на ней притворъ,
 Примѣтилъ скрытую у ней на сердцѣ рану,
 Къ Алею хладъ одинъ, но всю любовь къ Осману,
 Тогда объемля градъ геенскихъ мракомъ криль,
 290 Съ Сумбекой на вражду Османа примирилъ.
 Любовной страстію Царица ослѣпленна,
 Не зрѣла бездны той, въ котору углубленна;
 И терна межъ цвѣтовъ не чувствуя она,
 Склонила злобнаго къ совѣту Сагруна;
 295 Признаніемъ болѣзнь сердечну облегчила;
 Нещастная! она злодѣю мечъ вручила;
 Открылась во всей мучительной любви,
 Возобновленный жаръ казала во крови,
 Но миръ уставленный, пріятный миръ съ Османомъ,
 300 Еще украсила лукавствомъ и обманомъ;
 Повѣдала она предвозвѣщанья тѣ,
 Которы ей изрекъ супругъ ея въ мечтѣ,
 Что грома страшнаго не будетъ слышно брани,
 Доколѣ Царь Алей не выдетъ изъ Казани.
 305 Коль мнѣ изгнать его, возкрикнула она,
 Мгновенно закипитъ кровавая война;
 Когда съ нимъ купно жить, и здѣсь Царя оставить,
 Спокойства сладкаго не можно мнѣ возставить;
 Что дѣлать, и къ чему нещастной прибѣжать?
 310 Того люблю, того не смѣю раздражать.

Сагрунъ, который ихъ какъ тартаръ ненавидѣлъ,
 Вяимая рѣчи тѣ, вблизи надежду видѣлъ;
 Надежду лестную, котора наконецъ
 Казанской для него вдали плела вѣнецъ;

- 315 Густыми мраками лукавства онъ увился,
 Недоумѣющимъ, задумчивымъ явился;
 Не показующій измѣны никакой,
 Нахмуренно чело дрожащей теръ рукой;
 По томъ какъ будто бы тревожась и робѣя,
- 320 Вѣщаль: усилила Царица ты Алея;
 Мы бременемъ его руки угнетены;
 Кѣмъ сѣти для него быть могутъ сплетены?
 Я только то скажу, что жалость я имѣю;
 Но далѣе вѣщать не долженъ и не смѣю.
- 325 Вѣщай, и не страшись, Сумбека вопіеть;
 Ахъ! естли грѣхъ любить, такъ цѣлый грѣшенъ свѣтъ.
 Увы, несчастная! но я вѣнца лишуся,
 Когда отсель изгнать Алея соглашуся;
 Слова пророчески могуль пренебрегать?
- 330 Могу ли завсегда Османа убѣгать?
 Сумбека мучилась, Сумбека тосковала,
 И руки у раба рыдая цѣловала.
 Къ толикимъ низостямъ приводитъ нѣжна страсть!
 Влекущій по цвѣтамъ Сумбеку въ стыдъ, въ напасть,
- 335 Сагрунъ вздыхая рекъ: Несчастная! тобою,
 Твоей любовію, и лютою судьбою,
 Разтрогалась душа; подамъ тебѣ совѣтъ;
 Но можетъ быть его почтетъ жестокимъ свѣтъ;
 Однако гдѣ волна ладью къ скаламъ бросаетъ,
- 340 Тамъ каждый плаватель себя отъ волнъ спасаетъ.
 Ты вѣдаешь, что два, столѣтія назадъ,
 На мертвомъ черепѣ воздвигнуть здѣшній градъ,
 Но вмѣсто должныя главы Махометанской,
 Обманомъ въ землю скрытъ невольникъ Христіанской;
- 345 И здѣсь погребена Россійская глава,
 А тѣмъ пророчески нарушены слова,
 Которыхъ никогда Сагрунъ не позабудетъ:
 Чья будетъ здѣсь глава, того и царство будетъ!
 И такъ преидетъ во власть Россіянъ городъ сей,
- 350 Коль мы не отвратимъ погибели своей;
 Когда пророчества народу не припомнимъ,
 И ясныхъ словъ такихъ мы свято не исполнимъ.
 Въ вѣщаніяхъ всегда безплотный справедливъ:
 Алей во градѣ семъ не долженъ быти живъ.
- 355 Не мысли, чтобы сей совѣтъ внушала злоба,
 Но чаю, твой супругъ не съ тѣмъ возсталъ изъ гроба,
 Чтобъ главный нашего отечества злодѣй,
 Супругу получилъ и тронъ его, Алей;
 Не можно склонну быть ему на мысль такую;
- 360 Я инако слова пророчески толкую,
 И тако думаю, что втайнѣ думалъ онъ,

- Для точной пагубы Алея звать на тронъ,
 Алей уйдетъ отсель, я то вѣщаю смѣло;
 Но не уйдетъ его изъ стѣнъ Казанскихъ тѣло;
 365 Махометаниномъ развратникъ сей рождень,
 И долженъ быть на немъ сей городъ утвержденъ,
 Невольничью главу его главой замѣнимъ,
 Себя чрезъ то спасемъ, во благо зло премѣнимъ,
 Его погибелью Казанцовъ оживимъ,
 370 Супругу твоему вниманіе явимъ;
 Но, впрочемъ, на моихъ словахъ не утверждайся,
 Страдай, крушись, терпи, и браней дожидайся!
 Сіе вѣщаль Сагунъ, имѣвый тусклый взглядъ;
 Свирѣпство отрыгаль его устами адъ;
 375 Коварства у него, что въ сердцѣ обитали,
 Невидимую сътъ Сумбекъ соплетали;
 Хотя ослѣплена, хотя была страстна,
 Но заразилася свирѣпствомъ и она,
 И грознымъ каждую рѣчь сопровождая взоромъ,
 380 Ко злобѣ двинута содѣлалася Раздоромъ;
 Онъ крылья разпростеръ, къ темницѣ полетѣлъ,
 Нашедъ Османа тамъ, его въ чертогъ привелъ,
 И тамъ разсудки ихъ лишивъ съ Сумбекой свѣта,
 Составилъ точный видъ геенскаго совѣта:
 385 Тамъ Злоба извлекла окровавленный мечъ,
 Она клялась народъ къ предательству возжечь;
 Простительнымъ сей грѣхъ имъ зло изобразило,
 И жало имъ свое, какъ мечъ, въ сердца вонзило;
 Заставила Вражда убійство имъ любить,
 390 Тогда условились Алея погубить.
 Сагунъ съ веселіемъ безумной волѣ внемлетъ,
 Народъ возволновать на свой отвѣтъ приемлетъ;
 Но чая умыслъ свой съ успѣхомъ предначать,
 Довѣренности въ знакъ взялъ Царскую печать.
 395 Вѣщай Сумбекинъ гнѣвъъ печальнымъ звономъ лира:
 Въ любви здѣлавшись вторая Деянира,
 Притворно пламенна, притворно ставъ нѣжна,
 Прислала съ ризою раба къ Царю она;
 Но твердую щитомъ имѣя добродѣтель,
 400 Отъ смерти близкія избавился владѣтель;
 Въ сіи часы Османъ къ нему съ мечемъ влетѣлъ,
 И смерти пагубной предать его хотѣлъ;
 И въ самы тѣ часы раздоръ въ народѣ сѣя,
 Сагунъ изображалъ измѣнникомъ Алея;
 405 Отъ Царскаго двора отгнать сумнѣнье прочь,
 Для возмущенія глубоку избралъ ночь.

- Внутри Казанскихъ стѣнъ надъ тинистымъ Булакомъ,
 Висящій холмъ сѣдый есть многихъ лѣтъ признакомъ;
 Тамъ дубы гордые размѣтисто росли,
 410 Они верхи свои до облакъ вознесли,
 И вѣтви по струямъ далеко простирали,
 Отрубленну главу подъ корнями скрывали;
 На сей-то дикій холмъ, ко берегу мутныхъ водъ,
 Въ полночный часъ прійти Сагрунъ склонилъ народъ.
 415 Всегда бываетъ чернь къ премѣнамъ ненасытна,
 И легкомысленна она, и любопытна.
 Едва свѣтило дня спустилося въ моря,
 Погасла въ небесахъ вечерняя заря,
 И звѣзды отъ страны полночной возблистали;
 420 Казанцы подъ стѣной собираться въ груду стали.
 Немолкный шумъ древесъ, блистающа луна,
 И царствующа вокругъ глухая тишина,
 Непостижимый страхъ въ сердцахъ производили;
 Казалось, тѣни вокругъ невидимо ходили;
 425 Вдругъ нѣкій бурный вѣтръ по роцѣ зашумѣлъ,
 Сагрунъ держащъ кинжалъ, толпы въ средину вшелъ;
 Былъ видѣнъ на лицѣ лишенный духъ покою.
 Онъ хартію держалъ дрожащею рукою;
 Кровавыми народъ глазами озиралъ;
 430 Безмолвствуя, и страхъ и ужасъ онъ вперялъ;
 Вздохнулъ, и тако рекъ со стономъ лицемѣрнымъ:
 Скажите: точно ли пришелъ я къ правовѣрнымъ?
 Не знаю, говорить, или еще молчать?
 Но какъ я утаю Царицыну печать!
 435 Она вамъ истинну рѣчей моихъ докажетъ,
 И то, что думаетъ Царица, вамъ расскажетъ;
 Я токмо есмь ея истолкователь словъ:
 Казанцы! громъ съ небесъ ударить въ насъ готовъ;
 Вы льститесь, увѣнчавъ Алея, быть въ покоѣ,
 440 О! коль обманчиво спокойствіе такое!
 Подъ видомъ дружества сей врагъ пришелъ въ Казань,
 Дабы въ корысть собравъ съ Махометановъ дань,
 Ордынцовъ разорить и дать уставы новы,
 Казанцевъ заманить въ Московскія оковы;
 445 Сей извергъ естества (злокозненный вѣщаль)
 На васъ кресты взложить Россіи обѣщаль.
 Изображасть онъ ужаснымъ Христіянство,
 Народъ въ страданіи, во тмѣ Махометанство,
 Вельможей въ нищетѣ, Сумбеку во плѣну,
 450 И въ рабствѣ горестномъ Казанскую страну;
 О други! говорить, прощайтесь со женами,
 И дочерей горькими оплачте вы слезами!
 Какъ стрѣлы, тѣ слова вѣщая, онъ кидалъ,

- Сумбекою свои доводы подтверждалъ....
- 455 Вдругъ ропотъ возстаетъ, народъ поколебался;
 Какъ будто бы вода при бурѣ взволновался,
 Движенія придать волненію сему,
 Сагрунъ стеная рекъ собранію всему:
 Хотите ль, братія, отечеству радѣя,
- 460 Хотите ль изтребить измѣнника Алея?
 Хотимъ! вскричалъ народъ.... Клянитесь мнѣ въ томъ;
 Зло должно изтреблять равнообразнымъ зломъ;
 И естли къ вѣрѣ вы привязаны любовью,
 Запечатлѣйте вашъ союзъ злодѣйской кровью;
- 465 Здѣсь Христiанская глава въ землѣ лежитъ,
 Надъ ней присягу намъ устроить надлежитъ,
 Дабы вѣнчаннаго злодѣя въ градѣ вами
 Привыкнуть поражать неробкими руками;
 То дѣлайте, что я... Онъ въ руки взявъ кинжалъ,
- 470 Который у него отъ варварства дрожалъ,
 Разрылъ всю землю вокругъ: въ ней кости осязаетъ,
 Влечетъ главу, и мечъ въ чело ея вонзаетъ;
 Но пламень издала разрушася она,
 И въ ужасъ привела народъ и Сагруна...
- 475 Казанцы, варварскій примѣръ въ очахъ имѣя,
 Разятъ главу, разить готовяся Алея;
 Поднявъ кинжалы вверхъ, клянутся Сагруну,
 Призвавъ въ свидѣтельство свирѣпства ихъ луну.
 Луна подвиглась вспять, когда на нихъ воззрѣла,
- 480 И темной тучею лице свое одѣла;
 Но въ ярости народъ толико дерзокъ сталъ,
 Что онъ небесну тму за добрый знакъ считалъ.
 Роптанье, буйство, шумъ, проклятiя народны,
 Производили громъ, какъ рѣки многоводны.
- 485 Убійствомъ жаждущій Сагрунъ изторгнувъ мечъ,
 Ведетъ Казанску чернь всеобщій бунтъ возжечъ;
 Ругаются они вѣнцемъ и Царскимъ саномъ.
 Но вдругъ встрѣчаются внутри двора съ Османомъ,
 Который шествуя, стеналъ, блѣднѣлъ, дрожалъ,
- 490 И вшедшимъ возвѣстилъ, что Царь Алей бѣжалъ.
 Земля подъ Сагруномъ тогда поколебалась;
 Толико страшной вѣсть преступнику казалась!
 По сердцу у него распростирался мразъ,
 И слезы потекли отъ ярости изъ глазъ.
- 495 Но свѣдавъ, кто сокрылъ отъ звѣрства ихъ Алея,
 Всю ярость устремилъ и злобу на Гирея;
 Свой мечъ, кровавый мечъ въ невинну грудь вонзить,
 Вдохнулъ, и клятву далъ Гирея поразить....
 Лѣнливою ногой къ намъ щастіе приходитъ,
- 500 На крыльяхъ зло летитъ, и пагубу наводитъ;

- Святые олтари разить не рѣдко громъ!
 Спокоенъ шель Гирей, избавивъ друга, въ домъ;
 Благополучнымъ быть своею дружкой чаеть,
 Грядеть, и Сагруна съ народомъ онъ встрѣчаетъ.
- 505 Какъ хищный вранъ летящъ по воздуху шумить,
 Сагрунъ, изсунувъ мечъ, такъ бѣгъ къ нему стремить;
 И громко возопилъ: Отдай ты намъ Алея!
 Или въ тебѣ почту отечества злодѣя.
 Но будто страшную увидѣвый змію,
- 510 Гирей подвигся вспять внимая рѣчь сію;
 Врагами окруженъ и видя мечъ блестящій,
 Мгновенной смертію за дружество грозящій,
 Алея ищите, отвѣтствуетъ стена:
 Алей не далеко; онъ въ сердцѣ у меня!
- 515 И естли вы узнать, гдѣ скрылся онъ, хотите,
 Такъ вскройте грудь мою, и въ ней его ищите;
 Онъ былъ, и нынѣ тутъ!... Сія святая рѣчь,
 Котораябъ должна потоки слезъ извлечь,
 Подвигла къ лютости сердца сіи суровы;
- 520 Гирея повлекли, и ввергнули въ оковы.
 Влекомый Сагруномъ сей мужъ на смертну казнь,
 Спокойный видъ имѣлъ, а тотъ въ очахъ боязнь;
 Порокъ всегда унылъ, спокойна добродѣтель!
 Сагрунъ повелѣвалъ народомъ какъ владѣтель,
- 525 И самовластенъ ставъ по злобѣ при дворѣ,
 Назначилъ смертну казнь Гирею на зарѣ.

- Межъ тѣмъ крушенія и безпокойства многи
 Какъ адъ, наполнили Сумбекины чертоги:
 Тамъ черная печаль разлившися кругомъ,
- 530 Своею ризою покрыла Царскій домъ;
 Сумбеку и любовь и совѣсть угрызаетъ,
 Надежда веселить, отчаянье терзаетъ,
 Любовь утѣхи ей, невѣрность страхъ сулитъ;
 Алея въ миртовыхъ садахъ искать велить.
- 535 Сѣтьми еленица, какъ будто устрашенна,
 Бѣжитъ по комнатамъ спокойствія лишенна.
 Алея въ комнатахъ, въ садахъ Алея нѣтъ;
 Стеняща, Сагруна коварнаго клянеть.
 Не нѣжность клятвы тѣ, не жалость извлекала,
- 540 Пророчества страшась, утекшаго искала;
 И токи слезъ ея единый былъ обманъ;
 Ей нуженъ не Алей, но нуженъ ей Османъ:
 Казалось, въ одномъ другова погубила
 И паче, нежелъ честь, порокъ она любила;
- 545 Гирея плѣннаго изтязывать велить,
 Ему сокровища за искренность сулитъ.
 Но сей примѣрный другъ, какъ нѣкій твердый камень,

- Пренебрегающій валы и молній пламень,
 Въ бездонной глубинѣ недвижимо стоитъ,
 550 Взнося чело свое, на громъ спокойно зрить.
 Безильна искусить честнаго человѣка,
 Съ Гирея снять главу дозволила Сумбека,
 Притворство, хитрости, лукавство и боязнь,
 Гирею скорую приготавливали казнь.
- 555   Уже небесное горящее свѣтило
 Ордынскія поля и горы озарило;
 Но будто бы Казань гнусна была ему,
 Взирая на нее, скрываетъ лучъ во тму:
 Нещастье ли оно Казанцамъ предвѣщало,
 560 Или свое лице отъ зла ихъ отвращало;
 Но солнце чрезъ Казань подобно такъ текло,
 Какъ будто зрѣлося сквозь темное стекло.
 Погасъ небесный огонь, но не угасла злоба;
 Невинность повлекла она ко дверямъ гроба;
 565 Подобенъ многому сляню шумныхъ водъ,
 Тѣснится стекшійся по улицамъ народъ.
 За добродѣтели на смерть безчеловѣчну,
 Изъ временной идетъ Гирей въ темницу вѣчну:
 У ногъ трепещущихъ сѣкиру смертну зрить;
 570 Се жребій твой Сагрунъ Гирею говоритъ,
 Въ услугахъ ты своихъ Алею сталъ безплоденъ,
 Яви ты намъ его, и будешь ты свободенъ.
 Похвально дружество; но ежели мы имъ
 Наносимъ общій вредъ, мы дружбою грѣшимъ!...
- 575 Тебѣ ли чувствовать, рекъ узникъ, дружбы благо?
 Не посрамляй, злодѣй! ты имени святаго;
 Небесна дружества извѣстна тѣмъ степень,
 Кто совѣстію чистъ какъ солнце въ ясный день;
 А ты, носящій ядъ и хитрость во утробѣ,
 580 Какъ ноющую кость, и тму во хладномъ гробѣ,
 Учися твердости, злодѣй! у чувствъ моихъ,
 И знай, что дружество мнѣ даровало ихъ!
 Оно безцѣннѣй всѣхъ богатствъ земнаго круга;
 Приіятна съ другомъ жизнь, и смерть сладка за друга;
 585 О мой любезный Царь! о часть моей души!
 Спокоенъ будь Алей, отъ сихъ убійць спѣши;
 Гдѣ ты ни странствуешь, въ лѣсахъ, въ вертепахъ, въ морѣ,
 Мой духъ, безплотный духъ, тебя обрящетъ вскорѣ;
 Заставитъ онъ узнать по нѣжностямъ себя,
 590 Дохнетъ и спрячется онъ въ сердцѣ у тебя.
 А вы, нещастные вельможи и граждане!
 Рыдаю, видя васъ во пагубномъ обманѣ;
 Прощаетъ васъ моя ко ближнему любовь;
 Но, ахъ! невинная отмстится вскорѣ кровь:

595 Сагрунъ!... се смерть тебя крилами осѣняетъ!...
Вѣщая то, главу подѣ острый мечъ склоняетъ.

Сагрунъ умножить зла, а страхи уменьшить,
Уже повелѣвалъ скорѣе казнь свершить.
Се мечъ уже сверкнулъ! но вдругъ какъ вихрь шумящій,
600 Народъ разсѣялся отъ казни прочь бѣжащій:
Тамъ лица блѣдныя, тамъ трепеть, тамо стонъ;
И се является ужасный Асталонъ!
Какъ будто зданіе грозящее паденьемъ,
Иль нѣкимъ темна ночь грозяща привидѣньемъ:
605 Такъ рыцарь сей народъ по стогнамъ рязсыпалъ;
Гремящъ оружіемъ, передъ Гиреемъ сталъ.

Подобно какъ главу увидящій Медузы,
Или почувствуя на членахъ тяжки узы,
Свершитель казни мечъ хотя въ рукахъ имѣлъ,
610 Недвижимъ сдѣлался отъ страха, онѣмѣлъ.

Спокойно Асталонъ безвинной казни внемлетъ,
Онѣ узы тяжки рвет, Гирея онѣ объемлетъ,
Вскричавъ: О дружеской сокровище любви!
Не бойся никого; живи Гирей! живи!
615 Гонителямъ твоимъ во градѣ смерть готова!
Почто не я имѣлъ наперника такого?

Межъ тѣмъ Сагрунъ уже во Царскій дворъ вбѣжалъ,
Царицѣ рыцаря врагомъ изображалъ.
Лукавство никогда во злыхъ не умираетъ,
620 Изгнать соперника Османа поощряетъ.
Увѣренъ дерзости о слѣдствіяхъ худыхъ,
Скрываетъ горькій ядъ сей змій въ рѣчахъ своихъ:
Теперь, онѣ говоритъ, коль храбрымъ ты явишься,
Казанцовъ устрашишь, на тронѣ укрѣпишься,
625 Народную молву и наглость усмиришь;
Единымъ словомъ ты Ордынцовъ покоришь,
И непрепятственно облекшись во порфиру,
Царицу прочь отгнавъ, на тронѣ взведешь Эмиру.
Обнявъ Османа онѣ, слова сіи речетъ,
630 И силою его на торжище влечетъ.
Сумбека на него изъ теремазираетъ,
Дрожащи руки въ слѣдъ Осману простираетъ;
Постой, Османъ! постой! рыдая вопіетъ...
Любовь его къ себѣ, а рокъ отъ ней влечетъ.

635 Сей Князь, развратный Князь, любовникъ малодушный,
Не дѣйствамъ разума, но слабостямъ послушный,
И нѣжности однѣ имѣющъ во умѣ,
Идетъ за Сагруномъ, какъ блѣдна тѣнь во тмѣ;
Къ Эмиру обративъ желанье и ко трону,

- 640 Дрожащею стопой приходитъ къ Асталону.
Онъ трижды блѣдныя уста отверзть хотѣлъ,
Но трижды во устахъ языкъ его хладѣлъ,
И будто на змію ступивый странникъ въ полѣ,
Сказалъ, не храбростью, но страхомъ двигнуть болѣ:
- 645 Кто звалъ тебя сюда вражда, или пріязнь?
Коль другъ ты намъ, такъ дай свершить намъ смертну казнь;
Мы общаго врага въ Гиреѣ наказуемъ,
Но дружествомъ тебѣ весь городъ обязуемъ.
Какъ будто гордый кедръ вершиной съ высоты,
- 650 Является взирать на слабые цвѣты:
Такъ взоры Асталонъ на юношу низводитъ,
Съ презрѣніемъ нему, со скрежетомъ подходитъ;
Но ты кто? онъ вѣщалъ какъ трубъ гремящихъ звукъ.
Османъ отвѣтствовалъ: Царицынъ я супругъ!
- 655 Тогда вступила кровь ко Асталону въ очи;
Онъ вкупѣ всѣ свои собравъ тѣлесны мочи,
Османа сильною рукой за грудь схватилъ,
И трижды какъ перо вокругъ шлема обратилъ,
Тряхнулъ и возопилъ: Се мзда ея измѣны!
- 660 И на Казанскія Османа вергнулъ стѣны;
Разсѣлася глава, по камнямъ мозгъ потекъ.
Взирая, Асталонъ, на страждущаго, рекъ:
Вотъ твой вѣнецъ и тронъ! и въ злобѣ многоплодной
Онъ палицу свою повергъ къ толпѣ народной;
- 665 Окаменѣвшему онъ такъ ему вѣщалъ:
Я смертію казнить измѣну обѣщалъ!
Теперь исполнилъ то. Скажите вы Сумбекъ,
Чтобы не плакала о слабомъ человѣкѣ;
Во градъ сей не принесъ пріятныхъ взоровъ я;
- 670 Но тронъ ея спасутъ рука и страсть моя;
Однако я себя предъ нею не унижу;
Я хитрости ея и всѣ коварства вижу;
За то, что пренебречь меня она могла,
Хочу, чтобы теперь ко мнѣ въ шатеръ пришла;
- 675 Я стану на лугахъ за градскими стѣнами,
И утромъ жду ея съ Ордынскими Чинами;
Я тамо сердце съ ней на вѣки обручу;
Исполните сіе... велю! и такъ хочу!
А ежели она еще не покорится,
- 680 Польется ваша кровь, сей городъ разорится,
Не нужно будетъ вамъ Россіянъ ожидать,
Одинъ дерзну огню и смерти васъ предать.
Безстрашно на коня, вѣщая то, садился,
Щитомъ хребетъ покрывъ, за стѣны удалился;
- 685 Не вѣдалъ въ тѣ часы несчастный Аскалонъ,
Что съ палицей своей и жизнь теряетъ онъ.

- Гирея заключивъ во мрачную темницу,
 Сагрунъ спѣшилъ разить перунами Царицу...
 Въ какомъ отчаянѣ находить онъ ее?
- 690 Уже плачевна вѣсть достигла до нее:
 Вѣщаютъ, будто бы Царицѣ ослѣпленной
 Явился сквозь туманъ Османъ окровавленной;
 Струей изъ ранъ его кровь черная лилась,
 На сердцѣ, на челѣ, ручьями запеклась;
- 695 Трепещущій онъ рекъ: Погибъ я Асталономъ!
 Преобразился въ дымъ, и вдругъ исчезъ со стономъ.
 Какъ вѣтвь отторженна ударомъ громовымъ,
 Сумбека зрѣлищемъ была сраженна симъ.
 Сагрунъ со трепетомъ къ одру ея приходитъ,
- 700 И на безпамятну веселый взоръ возводитъ.
 Такъ смотритъ радостно на горлицу стрѣлокъ,
 Пронзенну въ облакахъ, трепещущу у ногъ.
 Есть нѣкій звѣрскій духъ у злаго человѣка.
 Когобъ не тронула несчастная Сумбека?
- 705 Какъ розы сорванной увядшія красы,
 Полуумершій взоръ, разтрепанны власы,
 Подъемлющая грудь, тяжелое вздыханье,
 Являютъ страждущу при самомъ издыханѣ:
 Уже отъ глазъ ея небесный крылся свѣтъ;
- 710 Но ей Сагрунъ еще готовилъ злый совѣтъ;
 Онъ рекъ. И такъ ты жизнь кончаешь безъ отмщенья,
 Сего послѣдняго несчастнымъ утѣшенья?
 Оставь тоску и стонъ, Царица! укрѣпись,
 За смерть Османову къ возмездію склонись;
- 715 Се тѣнь его стоитъ въ крови передъ тобою!
 Симъ словомъ злый Сагрунъ, какъ громкою трубою,
 Лишенну памяти Царицу возбудилъ;
 Совѣты онъ свои и страхи подтвердилъ...
 Открывъ печальный взоръ, Сумбека замолчала;
- 720 Но силы вдругъ собравъ, терзая грудь вскричала:
 Ахъ! нужно ли мнѣ то, что рушится Казань,
 Когда ужасна смерть взяла Османа въ дань!
 Мнѣ нѣтъ пристанища теперь въ противномъ свѣтѣ;
 Сагругъ! ты ядъ скрывалъ въ неискреннемъ совѣтѣ;
- 725 Да будутъ прокляты минуты и мѣста,
 Гдѣ въ первый разъ твои отверзлися уста,
 Отверзлися моей души ко погубленью;
 Почто давалъ ты видъ пріятный преступленью?
 Измѣнницей бы я Алею не была,
- 730 И въ сладкой тишинѣ спокойны дни вела;
 Теперь престолъ, и честь, и славу я теряю;
 Уже Османа нѣтъ!... Почто не умираю?
 Вѣщая тѣ слова, изторгнула кинжалъ;

- Но вдругъ Сумбекинь сынъ въ чертогъ ея вбѣжалъ,
735 Сей отрокъ плачущій, ея познавый муки,
Бросается къ ногамъ, ея цѣлуетъ руки,
Припаль на грудь ея; рѣкою слезы льетъ;
Увы! не умирай! рыдая вопіетъ;
Не оставляй меня несчастнымъ сиротою!...
- 740 Сумбека тронулась невинностію тою;
Ей кажется въ лицѣ сыновнемъ Сафгирей;
Послѣдня зрится вѣтвь Казанскихъ въ немъ Царей;
И сердце у нее разторглося на части,
Возопіяла кровь, умолкли вредны страсти;
- 745 Кинжала удержать руками не могла,
Простерла ихъ стенья, и сына обняла;
Ланиты токомъ слезъ смоченны лобызала;
Живи, мой сынъ, живи! и мсти врагу! сказала;
Рѣчей не dokonчавъ, безмолвна и блѣдна,
- 750 Поверглась на одрѣ безъ памяти она....
Младенець онѣмѣль. Сагрунъ свирѣпый льстится,
Что жизнь Сумбекѣ вновь уже не возвратится;
Онъ помыслы свои вѣнчанными считалъ,
И паче яростень, и дерзновенень сталъ;
- 755 Ко предстоящимъ рекъ, которыхъ грусть терзала:
Вы слышали, что намъ Сумбека приказала;
Она велѣла мстить злодѣямъ и врагамъ,
Услугу я мою явлю и ей, и вамъ;
Погибнетъ Асталонъ!... Отторгся съ грознымъ словомъ,
- 760 Смятеніе нося въ лицѣ своемъ суровомъ,
Гдѣ палицу свою оставилъ Асталонъ,
Пришелъ на торжище, къ толпѣ народа онъ.
Сіе оружіе имъ ужасъ наводило,
Почтеніе и страхъ въ сердцахъ производило;
- 765 Взирая на него, какъ будто на перунъ,
У робкой черни страхъ отнять хотѣлъ Сагрунъ;
О други! онъ вскричалъ, отъ бѣдства градъ избавимъ;
У Асталона силъ въ сей палицѣ убавимъ,
И намъ грозящую судьбину устрасимъ;
- 770 Тогда отмститъ за плачь Сумбекинь поспѣшимъ:
Она отъ ужаса и скорби умираетъ.
Съ симъ словомъ палицу чеканомъ ударяетъ;
Народъ ее разитъ, взирая на сіе;
Незапно страшный громъ ударилъ изъ нее.
- 775 Увидя палицу огнями сокрушенну,
Къ свирѣпству обратилъ онъ душу развращенну....
Се первый нашъ успѣхъ! Казанцамъ возопилъ,
О естлибъ сей рукой я варвара убилъ!
Коль видѣтъ плѣнницей Царицу не хотите,
- 780 Друзья! и за себя, и за нея отмстите;

- Въ шатрѣ своемъ лежитъ свирѣпый Асталонъ,
 И члены у него во узахъ держитъ сонъ;
 Сумбекѣ, городу, отечеству радѣя,
 Пойдемъ, и умертвимъ тщеславнаго злодѣя!
- 785 За стѣны градскія, вѣщая то, грядетъ,
 Онъ дватцать воиновъ съ собой въ ночи ведетъ.
 Тогда небесный сводъ звѣздами украшался,
 Сагрунъ уже къ шатру съ дружиной приближался.
 Ко стану древнему, гдѣ спалъ несчастный Ризъ,
- 790 Подобно шествовалъ во тмѣ ночной Улиссъ.
 Казалось, Сагрунъ свой ликъ преобразаетъ,
 Поникнувъ, во травѣ на чрево упадаетъ,
 Какъ хищная змія, землю онъ ползетъ;
 Но сердце у него и страхъ и злость грызетъ.
- 795 Онъ входитъ, и грядетъ къ одру стопой дрожащей,
 На коемъ возлежалъ безопасно рыцарь спящей,
 Сагрунъ успѣхами злодѣйскій духъ маня,
 Чеканомъ поразить хотѣлъ сперва коня,
 Дабы послѣднихъ средствъ герою не оставить,
- 800 Коль бѣгствомъ онъ себя подумаетъ избавить;
 Но видя при лунѣ блистающій кинжалъ,
 Броздами загремѣлъ строптивый конь, заржалъ.
 Мгновенно Асталонъ, какъ аспидъ, пробудился;
 Вскочилъ, заскрежеталъ, за острый мечъ схватился;
- 805 Но мечъ его Сагрунъ уже въ рукахъ имѣлъ,
 Смутился Асталонъ, и на коня взлетѣлъ,
 Бронями зашумѣлъ, какъ вѣтвистое древо.
 Сагрунъ разя его, коня ударилъ въ чрево,
 Который бѣгъ къ брегамъ Казанскимъ обратилъ;
- 810 Но рыцарь за власы противника схватилъ,
 И буйнаго коня сдержать не въ силахъ болѣ,
 Летѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле.
 Конь вихрю бурному подобенъ въ бѣгѣ былъ:
 Крутился, ржалъ, пыхтѣлъ, ногами воздухъ билъ;
- 815 И се въ полночный часъ недремлющая злоба,
 Въ лицѣ Османовомъ воставъ изъ хладна гроба,
 Касаясь облаковъ, во слѣдъ врагу текла,
 И пламеннымъ бичемъ въ струи коня гнала:
 Пріявъ ихъ всѣхъ на дно, Казанка зашумѣла.
- 820 Такой конецъ вражда и наглость возымѣла!
- Казанцы грознымъ то предвѣстіемъ почли.
 Въ то время въ градъ Послы Россійскіе пришли,
 Нехитрыя слова народу предлагали;
 Лукавствомъ въ оный вѣкъ еще пренебрегали!
- 825 Равня съ бурными спокойства тихи дни,
 Казанцамъ вѣчный миръ представили они.

Отъ мира мы не прочь, Казанцы отвѣчали;
Виновны, что по днесь о мирѣ мы молчали;
Но просимъ у Царя для точной мысли сей,
830 Не года, мѣсяца, но трехъ мы просимъ дней.
Узнавъ, что ихъ Князья Россіи покорились,
Тѣ волки агнцами на время притворились;
Но мира, иль войны понудимы желать,
Условились къ Царю Сумбеку въ плѣнъ послать;
835 Всю винность на нее и злобу обратили;
Пронырствомъ таковымъ ядъ черный позлатили;
Смиренья видъ придавъ недружескимъ дѣламъ,
Отвѣтъ свой принесли на третій день Посламъ,
Лишенны совѣсти, они клянутся Богомъ,
840 Что вѣрности къ Царю, Царицу шлютъ залогомъ,
И данниками быть Россіянамъ хотятъ.

Но, ахъ! какія мнѣ то Музы возвѣстятъ,
Какой былъ стонъ, тоска, коликое рыданье,
Когда услышала Сумбека о изгнаньѣ?
845 Печаль ея вѣщать мнѣ силъ недостаетъ;
Помедлимъ!... я стеню... перо изъ рукъ падетъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ

- О Нимфы красныя лѣсовъ и роцей злачныхъ!
Наяды во струяхъ живущія прозрачныхъ!
Оставьте водный токъ, оставьте вы лѣса,
И дайте ваши мнѣ услышать голоса:
5 Украсьте пѣснь мою и лиру мнѣ настройте,
Любезну тишину кругомъ Казани пойте.
Уже въ поляхъ у васъ кровавыхъ браней нѣтъ;
Гдѣ прежде кровь лилась, тамъ малый Тибръ течеть;
Парнасскіе цвѣты, какъ благовонны крины,
10 Цвѣтутъ подъ сѣнію щедротъ ЕКАТЕРИНЫ;
Ликуютъ жители во щастливой странѣ,
Въ прохладномъ житіи, въ безбѣдной тишинѣ.
Недавный грозный рокъ вы, Нимфы, позабудьте,
Вкушая сладкій миръ, благополучны будьте;
15 Съ моей свирѣлю хочу пристать я къ вамъ,
Придайте вы моимъ пріятности стихамъ.
Вы зрѣли шествіе прекрасныя Сумбеки,
Когда ее изъ стѣнъ несли къ Свіажску рѣки;
Вы видѣли тогда страданіе ее;
20 Вложите плачь и стонъ въ сказаніе мое,
Дабы Царицы сей вѣщаль я о судьбинѣ,
Какъ бѣдства, страхи, брань умѣлъ вѣщать донинѣ;
Отъ браней ко любви я съ лирой прелеталь,
Недовершенный трудъ моимъ друзьямъ читаль;
25 О! естли истинну друзья мои вѣщали,
Мои составленны ихъ пѣсни возхищали;
И Музъ любители у Невскихъ береговъ,
Сихъ часто слушали внимательно стиховъ.
Придайте Нимфы мнѣ цвѣтовъ и силы нынѣ,
30 Да будетъ пѣснь моя слышна ЕКАТЕРИНѢ;
Цвѣтущій предъ Ея престоломъ яко кринъ,
Да внемлетъ пѣнію Ея любезный Сынъ,
О праотцѣ твоємъ, Великій Князь! вѣщаю,
Военную трубу Тебѣ я посвящаю;
35 Геройскія дѣла поютъ стихи мои,
Да будутъ нѣкогда воспѣты и твои.

Еще печальна ночь Сумбеку окружала,
Еще рыдающа въ одрѣ она лежала,

- Когда достигла къ ней не сладостная лесть,
40 Но слухъ разящая изгнаньемъ вѣчнымъ вѣсть;
Въ лицѣ пріятный цвѣтъ, въ очахъ тускнѣетъ пламень,
И сердце у нее преобразилось въ камень.
Какъ плѣнникъ, внемлющій о смерти приговоръ,
Сомкнула страждуща полуумершій взоръ;
45 Однимъ стенаніемъ пришедшимъ отвѣчала,
Лишенная плотскихъ чувствъ душа ея молчала;
Въ устахъ языкъ хладѣлъ, въ груди спирался стонъ;
Сумбеку наконецъ крилами обнялъ сонъ,
И мысли усыпивъ, тоску ея убавилъ;
50 Тогда въ мечтаніи ей Ангела представилъ,
Который ризою небесною блисталъ;
Держащъ лилейну вѣтвь, Царицѣ онъ предсталъ,
И съ кротостію рекъ: О чемъ, о чемъ стонаешь?
Взгляни, несчастная! и ты меня узнаешь;
55 Я руку у тебя въ то время удержалъ,
Когда вносила ты на грудь свою кинжалъ;
Я посланъ былъ къ гробамъ всеильною судьбою,
Когда супругъ въ нощи бесѣдовалъ съ тобою;
Что сердце ты должна отъ страсти отвращать,
60 Я тѣни страждущей велѣлъ сіе вѣщать;
Но ты любовію твой разумъ ослѣпила,
Совѣты данные и клятву преступила,
И бѣдства на тебя рѣкою потекли;
Въ пучину бурную отъ берега отвлекли.
65 Однако не крушись, печальная Сумбека:
Богъ смерти грѣшнаго не хочетъ человѣка;
Послѣдуй здраваго сіянію ума.
Сей городъ мрачная покроетъ вскорѣ тма,
Взгляни ты на Казань! На градъ она взглянула,
70 И зря его въ крови, смутилась, воздохнула;
Узрѣла падшую огромность градскихъ стѣнъ,
Рыдающихъ дѣвицъ, влекомыхъ юношъ въ плѣнъ;
Зритъ старцевъ плачущихъ, во грудь себя разящихъ,
Оковы тяжкія Казанцовъ зритъ носящихъ....
75 Се рокъ твоей страны! небесный Ангель рекъ,
Настанетъ по златомъ Ордамъ желѣзный вѣкъ,
Тебя въ Свіяжскѣ ждетъ пріятная судьбина,
Гряди, и не забудь Гирея взять и сына,
Гряди!... И возсіявъ какъ свѣтлая заря,
80 На небо возлетѣлъ то слово говоря.
Видѣнье скрылося, Сумбека пробудилась,
Мечтой подкрѣплена, въ надеждѣ утвердилась,
Невѣста будто бы ликующая въ вѣнцѣ,
Имѣла радости сіяніе въ лицѣ;
85 Величественный видъ изгнанница имѣла,

- И къ шествию ладьи готовить повелѣла.
О коль поспѣшно былъ исполненъ сей приказъ!
Но какъ смутилась ты, Сумбека, въ оный часъ?
Какою горестью душа твоя разилась,
90 Когда судьба твоя тебѣ изобразилась?
Когда взглянула ты ко берегу шумныхъ водъ,
Гдѣ вкругъ твоихъ судовъ стѣсняется народъ?
Повинна слѣдовать Небесъ опредѣленью,
Сумбека власть дала надъ сердцемъ умиленью;
95 Взглянула на престоль, на домъ, на вертоградъ,
И смутнымъ облакомъ ея покрылся взглядъ;
Всѣ кажется мѣста уже осиротѣли,
Но прежни прелести отъ нихъ не отлетѣли.
Тогда, отъ видовъ сихъ не отъимая глазъ,
100 Рекла: И такъ должна я въ вѣкъ оставить васъ!
И вѣчно васъ мои уже не узрятъ взоры?
Любезный градъ! прости, простите стѣны, горы!...
Объемлетъ во слезахъ всѣ вѣщи, всѣ мѣста;
Примкнула ко стѣнамъ дрожащія уста;
105 Прости, Казань, прости! Сумбека возопила,
И томнымъ шествиемъ въ другой чертогъ вступила.
Лишь только довлеклась она златыхъ дверей,
Изъ мѣди изваянь гдѣ видѣнъ Сафгирей;
Взоръ кинувъ на него она затрепетала,
110 Простерла длани вверхъ и на колѣни стала;
Порфиру свергнула; пеняющей на рокъ,
Въ очахъ супруговыхъ ей зрится слезный токъ;
Терзая грудь рекла: Супругъ великодушный!
О мнѣ несчастнѣйшей ты плачешь и бездушный!
115 Ты чувствуешь, что я въ позорный плѣнъ иду;
Ты видишь токи слезъ, мою тоску, бѣду;
Въ послѣдній разъ, мой Царь! стопы твои объемлю,
Въ послѣдній, гдѣ ты скрыть, сію цѣлую землю;
Не буду въ ней лежать съ тобою, мой супругъ!...
120 Лобзая истуканъ, затрепетала вдругъ,
Какъ будто ночь ее крилами окружала,
Въ объятіяхъ она бездушный ликъ держала.
Вѣщаютъ, будто бы внимая плачу онъ,
Иль мѣдъ звѣнящая произносила стонъ.
125 Но свѣтомъ нѣкакимъ незапно озаренна,
Отторглась отъ Царя Сумбека ободренна,
Вѣнецъ и тронъ! рекла, уже вы не мои!
Бѣги, любезный сынъ! въ объятія сіи;
Отъ многихъ мнѣ богатствъ, мнѣ ты единъ остался,
130 Почто, несчастный сынъ, надеждой ты питался,
Что будешь нѣкогда престоломъ обладать?
Невольница твоя, а не Царица мать,

О Князи сей страны и знамениты мужи!
 Простите, стали мнѣ въ отечествѣ вы чужи;
 135 Вы мнѣ враги теперь! Россіяне друзья;
 Гирея одного прошу въ награду я:
 Въ моемъ злостастіи мнѣ онъ остался вѣренъ,
 Онъ мало чтилъ меня но былъ нелицемѣренъ!
 Ахъ! естли есть еще чувствительны сердца,
 140 Послѣдуйте за мной, хотя я безъ вѣнца.

Какъ дщери, видя мать отъ свѣта отходящу,
 Уже безчувственну въ одрѣ ея лежащу,
 Рабыни возрыдавъ, произносили стонъ,
 Возкрикнувъ: Чуждъ и намъ Казанскій нынѣ тронъ!
 145 Послѣдуемъ тебѣ въ неволю и въ темницу;
 Въ тебѣ мы признаемъ въ изгнаніи Царицу.

Сумбека снявъ вѣнецъ съ потупленной главы,
 И зря на истуканъ, рекла: Мой Царь! увы!
 Не долго будешь ты въ семъ ликѣ почитаться,
 150 Спокоенъ и въ мѣди не можешь ты остаться;
 Ты узришь городъ весь горящій вокругъ себя;
 На части разбіють безгласнаго тебя;
 И тѣнь твоя кругомъ летая въ сокрушеньѣ,
 Попраннымъ Царское увидитъ украшенье;
 155 Попраннымъ узришь ты сей домъ и сей вѣнецъ,
 И кровь текущую рѣками наконецъ;
 Гробницы праотцевъ граждане позабудутъ,
 Мои гонители меня несчастнѣй будутъ!
 Опустошится градъ! Сумбека вопіетъ;
 160 Терзающа власы, руками грудь біетъ.
 Когда рыдающа изъ храминъ выступала,
 Въ объятія она къ невольницамъ упала;
 Какъ Пифія она казалася тогда,
 Трепещетъ, и грядетъ съ младенцемъ на суда.

165 Коль басня истины не помрачаетъ вида,
 Такъ шествуетъ въ моряхъ торжественно Фетида;
 Съ весельемъ влажныя простря хребты свои,
 Играютъ вокругъ нее прозрачныя струи;
 Готовятъ серебряны стези своей Царицѣ,
 170 Сѣдящей съ скипетромъ въ жемчужной колесницѣ;
 Тритоны трубятъ вокругъ въ извитые рога,
 Ихъ гласы звучные приѣмлютъ берега;
 И погруженныя во рвахъ сѣдыя пѣны,
 Поютъ съ цѣвницами прекрасныя Сирены;
 175 Тамъ старый видится въ срединѣ Нимфъ Нерей,
 Вождями правящій богининыхъ коней;
 Главы ея покровъ Зефиры развѣвають,
 И въ воздухъ ароматъ крилами изливають.

- Такое зрѣлище на Волгѣ въ мысляхъ зрю,
 180 Сумбеку вобразивъ плывущую къ Царю.
 Со стономъ пѣніе повсюду раздавалось;
 Гордилася рѣка и солнце любовалось;
 Златыми тканями покрытыя суда;
 Изображала тамъ во глубинѣ вода;
 185 Рабыни пѣснями Сумбеку утѣшаютъ,
 Но горести ея души не уменьшаютъ.
 Тогда увидѣла она сквозь токи слезъ,
 Увидѣла вдали почтенный оный лѣсъ,
 Гдѣ сердце нѣкогда Алеево пронзила;
 190 Его любовь, свою невѣрность вобразила;
 Въ смятеніе пришли душа ея и кровь;
 И зреть по воздуху летающую Любовь,
 Котора пламенникъ пылающій имѣя,
 Пеняетъ и грозитъ Сумбекѣ за Алея,
 195 Кипридинъ сынъ во грудь ей искру уронилъ,
 И страсть къ Алею въ ней мгновенно вспламенилъ.
 Сумбека чувствуетъ смущеній нѣжныхъ свойство;
 Не возжелѣнное и сладкое спокойство,
 Но тѣнь одну утѣхъ, спокойства нѣкій родъ,
 200 Тронувшій какъ зефиръ крыломъ поверхность водъ.
 Сумбеку стыдъ смутилъ, разсудокъ подкрѣпляетъ,
 Надежда веселитъ и горестъ утоляетъ.

- Межъ тѣмъ Россійскій Царь, осматривая градъ,
 Услышавъ пѣніе, простеръ по Волгѣ взглядъ;
 205 Не постигаетъ онъ, чей гласъ несутъ зефиры,
 Который слышится пріятнѣй нѣжной лиры,
 И Царскіе Послы, ходившіе въ Казань,
 Принесшіе къ Царю вѣтвь масличну, не брань,
 Отвѣтомъ ихъ вельможъ Россіянъ восхищаютъ,
 210 И шествіе Царю Сумбекино вѣщаютъ.
 Царь выгоднымъ себѣ признакомъ то почель,
 Сумбекѣ радостенъ во срѣтеніе шелъ;
 Подъ градомъ зреть ладьи, у берега пѣсни внемлетъ,
 И съ полнымъ торжествомъ Царицу онъ приемлетъ.
 215 Подобну грудь имѣвъ колеблемымъ волнамъ,
 Сумбека къ Княжескимъ не падаетъ стопамъ;
 Какихъ еще побѣдъ, вскричала, ищешь болѣ?
 Казань ты побѣдилъ, коль я въ твоей неволѣ;
 Смотри, о Государь! вѣнца на суету,
 220 И счастье почитай за тщетную мечту!
 Я узница твоя, но я была Царица:
 Всему начало есть, середина, и граница;
 Когда мнѣ славиться не лъзя уже ни чѣмъ,
 Нещастіе мое почти въ лицѣ моемъ;

- 225 Признаться я должна: какъ трономъ я владѣла,
 О пагубѣ твоей и день и ночь радѣла;
 Я съ воинствомъ тебя хотѣла изтребить;
 Но можешь ли и ты враговъ твоихъ любить?
 Враговъ, которые оружіе подѣмлютъ,
 230 И царство у тебя, и твой покой отѣмлютъ?
 Что сдѣлать хочешь ты, то дѣлала и я;
 И естли я винна, свята вина моя;
 Но, ахъ! за то, что я отечество любила
 Свободу, щастіе и скипетръ погубила.
 235 О! для чего не твой побѣдоносный мечъ,
 Судьбы моей спѣшилъ златую нить пресѣчь?
 Утратилабъ мое со трономъ я спокойство,
 Но побѣдителемъ мнѣ было бы геройство;
 Вдовицѣ плачущей вниманіе яви,
 240 Съ несчастнымъ сиротой меня усынови;
 Въ Казанѣ не имѣвъ ни дружества, ни трону,
 Все я хочу забыть, и даже до закону;
 На погруженную сумнѣнія въ ночи,
 Вели, о Царь! простерть крещенія лучи.
- 245 Царь въ сердцѣ ощутилъ, ея пронзенный стономъ,
 Любовь ко ближнему, предписанну закономъ;
 Обнявъ ее вѣщаль: не врагъ несчастнымъ я;
 Твой сынъ сынъ будетъ мой, ты будь сестра моя.
- Любовь, которая на небѣ обитаетъ,
 250 На шаръ земный въ сей часъ мгновенно низлетаетъ;
 Сіе пріятное вселенной божество,
 Которое живить и красить естество,
 Златыми въ воздухъ носимое крылами,
 Двумя свой крѣпкій лукъ направило стрѣлами;
 255 И предназначенны для брачнаго вѣнца,
 Пронзило ими вдругъ погасшія сердца.
 Какъ нѣжная весна ихъ страсть возобновилась;
 Любовь изъ воздуха въ ихъ души преселилась;
 Алей готовился невѣрность позабыть;
 260 Сумбека искренно готовилась любить.
- Какъ солнце съ высоты на шаръ земный взираетъ,
 И въ небѣ царствуя всѣ вещи озаряетъ:
 Такъ взоръ, Сумбекинъ взоръ, хотя къ Царю сіяль,
 Но онъ Алея жегъ, который близъ стоялъ.
- 265 Сей мужъ противъ нее колико былъ ни злобенъ,
 Сталь воску мягкому въ сіи часы подобенъ;
 Суровый сей Катонъ есть нѣжный Ипполить:
 Прости меня! прости! вѣщаль Сумбекинъ видъ.
 Душа Алеева всю нѣжность ощутила,
 270 Какъ томный взоръ къ нему Сумбека обратила.

Монархъ томящимся ихъ чувствамъ сострадалъ;
 Любовь Алееву къ Сумбекѣ оправдалъ;
 И рекъ: разстроилъ васъ законъ МахOMETанскій,
 Теперь да соединитъ на вѣки Христiанскій;
 275 Злопамятнымъ Царевъ не долженъ быти другъ;
 Ты былъ любовникъ ей, и буди ей супругъ!
 Мятежная Казань которыхъ разлучаетъ,
 Хошу, да тѣ сердца Россiя увѣнчаетъ.

Алей на то сказалъ: примѣры, Царь! твои
 280 Обезоружили суровости мои;
 Но я униженъ былъ позорною любовью;
 Мнѣ время оправдать сердечну слабость кровью;
 Прости, что предпочту супружеству войну;
 Я щастливъ не совѣмъ; мой другъ еще въ плѣну!

285 Когда та рѣчь въ кругу стоящихъ раздалася,
 И Волга на его слова отозвалася:
 Вступилъ на брегъ рѣки печальный человѣкъ,
 Дрожащею рукой онъ цѣпь землю влекъ;
 Лишенный зрѣнiя, воззвалъ сей мужъ Алея.

290 Алей возтрепеталъ, и въ немъ позналъ Гирея....
 Се ты! вскричалъ Гирей, благодарю судьбѣ!
 Лишился я очей, рыдая по тебѣ;
 Но я уже теперь о свѣтѣ не жалею,
 Коль отданъ мнѣ Алей, коль отданъ я Алею;
 295 Та цѣпь, которую влечетъ моя рука,
 Чѣмъ я окованъ былъ, мнѣ цѣпь сія легка.

Алей возопiялъ, проливъ источникъ слезный:
 Достоинъ ли такихъ я жертвъ, мой другъ любезный?
 Я мало вѣрности взаимной докажу,
 300 Коль мстящій за тебя животъ мой положу;
 Сумбека! зри теперь, и зрите Христiяне,
 Какіе могутъ быть друзья МахOMETане.

Тогда вѣщаль Гирей: Хвалы сіи оставь;
 Я чуждъ въ народѣ семъ, Царю меня представь;
 305 Одѣянъ въ рубище, предстать ему не смѣю,
 Но дѣло важное открыть ему имѣю;
 Гдѣ онъ стоитъ? скажи; я ночь едину зрю.
 Взявъ руку у него, Алей привелъ къ Царю,
 И возопилъ къ нему: Се! видишь Царь Гирея,
 310 Другова зришь меня, другога зришь Алея;
 Отъ рубищъ ты моихъ очей не отвратилъ,
 И преступившаго ты нѣкогда простилъ;
 Къ сему покрытому всегдашнимъ мракомъ ночи,
 Простри кротчайшій слухъ и милосерды очи.
 315 Рукою ощутилъ Царя вблизи Гирей,

- Повергся, и вѣщаль: О сильныхъ Царь Царей!
 Дозволь мнѣ тайное простерти нынѣ слово;
 Я сердце къ вѣрности принесъ тебѣ готово;
 Алея любишь ты, довольно и сего
- 320 Для изъявленія усердья моего,
 Мятежную Орду на вѣки забываю;
 Что совѣсть мнѣ велитъ, Россіи открываю:
 Отечество мое Москва, а не Казань;
 Казань вѣщаетъ миръ, а я вѣщаю брань;
- 325 Ордынской лести я не вѣдаю примѣра:
 Склонясь на миръ; они склонили Едигера,
 Склонили, да на ихъ престолѣ бѣ онъ возсѣлъ;
 Сей Князь на берегахъ Каспійскихъ тронъ имѣлъ,
 И скоро въ стѣны онъ Казанскія приспѣтъ,
- 330 Шестъ храбрыхъ рыцарей въ дружинѣ Царь имѣтъ,
 Которы подкрѣпляютъ клялись Казань и тронъ,
 И каждый есть изъ нихъ воскресшій Асталонъ;
 Межъ ими есть одна безстрашная дѣвица,
 Смѣла какъ лютый вепрь, свирѣпа яко львица.
- 335 Война тебѣ грозитъ, когда оступишь градъ;
 Война полѣдуетъ, когда пойдешь назадъ;
 Въ темницѣ свѣдалъ я о замыслахъ Казанскихъ;
 Орда невольниковъ тиранитъ Христіанскихъ;
 Угрозами теперь желаетъ ихъ склонить,
- 340 Иль муки претерпѣтъ, иль вѣру премѣнитъ!
 Но я безбожную ихъ вѣру отметаю,
 Ордынцовъ я клянупо, Россіянь почитаю;
 Хочу я истинну питать въ душѣ моей,
 Какую знаешь ты, и знаетъ Царь Алей.
- 345 Простерши руку, Царь отвѣтствовалъ Гирею:
 Тотъ будетъ другъ и мнѣ, кто вѣрный другъ Алею;
 Твой разумъ слѣпота безсильна ослѣпитъ;
 Тебя не просвѣщать, осталось подкрѣпить;
 Ты братъ Россіянамъ! но что Орда мутится,
- 350 На ихъ главу ихъ мечъ и злоба обратится;
 Я дѣтскою игрой считаю ихъ совѣтъ;
 Россійскому мечу дадутъ они отвѣтъ.

- Тогда онъ повелѣлъ въ Россійскую столицу
 Отправить плѣнную съ рабынями Царицу...
- 355 Насталъ разлуки часъ! въ ней духъ возтрепеталь,
 Уже онъ пламенну къ Алею страсть питаль;
 Объемлетъ Царь ее, стелящъ объемлетъ друга;
 И рекъ: Священна есть для васъ моя услуга!
 Рыдаючи они другъ съ другомъ обнялись,
- 360 Какъ лозы винныя руками соплелись;
 Другъ друга долго бы изъ рукъ не отпустили,

Но шествіе ея Сумбекѣ возвѣстили;
 Алей въ слезахъ стоялъ, Гирей обнявъ его,
 Не могъ прощаяся промолвить ничего;
 365 Сумбека обомлѣвъ, поверглась въ колесницу,
 И зрѣніемъ Алей сопровождалъ Царицу.

Тогда простерла ночь свою вечерню тѣнь;
 Назначилъ Царь походъ въ послѣдующій день.
 Лишь только путь часы Аврорѣ учредили,
 370 Гремящія трубы героевъ возбудили;
 И купно съ солнцемъ вставъ Россійскіе полки
 Дерзали за Царемъ на оный брегъ рѣки.
 Какъ туча двигнувшись военная громада,
 На многи поприща лежала окрестъ града;
 375 Свіязскъ, который тѣнь далеко простиралъ,
 Какъ дубъ на листвія, на воинство взиралъ.

Се брани предлежатъ! О вы, Казански волны,
 Которы звуками Россійской славы полны!
 Представьте мнѣ, полки, вѣщайте грозну брань;
 380 Явите во струяхъ разрушенну Казань;
 Мнѣ стѣны въ пламени, трепещущія горы,
 Сраженія, мечи представьте передъ взоры,
 Да громче воспѣвать военну пѣснь могу,
 Сѣдящій съ лирою на Волжскомъ берегу.

385 Умыслилъ Іоаннъ, боярской ввѣривъ власти,
 Все войско раздѣлить на полчища и части,
 Дабы извѣдать ихъ къ отечеству любовь,
 И порознь разсмотрѣть геройску въ каждомъ кровь.

Ты, Слава, подвиги Россійскіе любила,
 390 Казанской брани ты донинѣ не забыла.
 Повѣдай мнѣ теперъ Героевъ имена,
 Вѣнчанная тобой во древни времена¹.

Большій пріемлетъ полкъ, какъ левъ неустрашимый,
 Микулинскій, въ войнѣ вторымъ Иракломъ чтимый.
 395 Мстиславскій съ Пенинскимъ сотрудики его,
 Они перуны суть и щитъ полка сего.

Щенятевъ правую при войскѣ принялъ руку;
 Сей мужъ отмѣнно зналъ военную науку.
 Князь Курбскій раздѣлялъ начальство вмѣстѣ съ нимъ;
 400 Сей рыцарь славенъ былъ, кипячъ, неустрашимъ;
 Имѣлъ цвѣтущихъ лѣтъ съ собою брата купно,
 Который слѣдовалъ герою неотступно;
 Ихъ смѣлость, дружба ихъ, пылающая кровь,
 Жарчае дѣлали въ нихъ братскую любовь.

¹ Сіе ополченіе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято.

405 Причисленъ Пронскій Князь къ полку передовому;
Онъ тучѣ сходенъ былъ, его dospѣхи грому.
Хилковъ опредѣленъ помощникомъ ему;
Никто не равенъ есть съ нимъ въ войскѣ по уму.

Неужасаемый боязнью никакою,
410 Романовъ лѣвою начальствовалъ рукою,
И храбрость на лицѣ сіяла у него;
Плѣщевъ, твердый мужъ, сотрудникъ былъ его.

Главой былъ Палецкій полка сторожеваго;
Во браняхъ вихря видъ имѣеть онъ крутаго;
415 Преходитъ сквозь ряды, что встрѣтитя, валить.
Герой Серебряной начальство съ нимъ дѣлитъ;
Два рыцаря сіи и Шереметевъ съ ними,
Казались воинства Ираклами троими.
Шемякинъ строевымъ повелѣвалъ челомъ.

420 Князь Троекуровъ несъ и молніи и громъ.
Отмѣнной храбростью сіяючи во станѣ,
Сложились Муромски въ особый полкъ Дворяне;
Являлися они какъ страшны львы въ бою,
И славу сдѣлали безсмертною свою.

425 Царь войска знатну часть на сотни раздѣляетъ,
И бодрыхъ юношей межъ нихъ распредѣляетъ;
Твердыней каменной казалась каждая часть,
Въ которой сердцемъ былъ имущъ надъ нею власть.

За сими двигались военные снаряды,
430 Сіи надежныя воителей ограды;
Начальство Розмыслу надъ ними Царь вручилъ¹,
На сихъ сподвижникахъ надеждой опочилъ.
Какъ сильный Богъ, на всю вселеную смотрящій,
И цѣпь, связующу весь міръ, въ рукѣ держащій:
435 Такъ властью въ войскѣ Царь присутствуетъ своей;
Сопутствуютъ ему Адашевъ и Алей.
Царь воинство свое устрояющъ къ бою,
Какъ вихрь листы подвигъ полки передъ собою;
Казалось, каждый валъ, поднявъ главу свою,
440 По шумной Волгѣ несъ съ перунами ладью.
Какъ множествомъ цвѣтовъ среди весенней нѣги,
Покрылись воинствомъ противоположны бреги;
Уготовляемы орудія къ войнѣ,
Блестятъ на луговой у Волги сторонѣ.
445 Тогда великому подобясь войско змію,
Къ Казани двинулось, прошедъ чрезъ всю Россію.

¹ Кто сей Розмыслъ былъ, въ Исторіи не означено. Нѣкоторые думаютъ, что имя Розмыслъ означало инженера; но кажется многимъ бы Розмысламъ въ томъ смыслѣ быть надлежало при воинствѣ, а я ни прежде ни послѣ не нашелъ такого названія въ нашей Исторіи; слѣдственно остаюсь въ нерѣшимости.

Тимпановъ громкихъ звукъ, оружіѣ многихъ шумъ,
 Ко брани въ ратникахъ воспламеняли умъ.

- Уже прекрасное вселенныя свѣтило
 450 Два раза небеса и землю озлатило,
 И дважды во звѣздахъ являлася луна;
 Еще Казань была идущимъ не видна;
 Не дальное градовъ сосѣдственныхъ стоянье,
 Далелкимъ сдѣлало всемѣстно препинанье;
 455 Казанцы, дивныя имѣющіи мечты,
 Разрушили кругомъ преправы и мосты;
 Потоки мутные, озера, топки блата,
 Для войска времени была излишня трата,
 Черезъ всѣ препятства Царь стремительно париль,
 460 Идущимъ воинамъ съ весельемъ говорилъ:
 О други! бодрствуйте; не долго намъ трудиться;
 Вы видите теперъ, что насъ Казань страшится;
 Когдабъ не ужасалъ ихъ славы нашей гласъ,
 Они бы встрѣтили на сихъ равнинахъ насъ.
 465 Коль бодрость у врага боязнь преодогааетъ,
 Онъ къ подлой хитрости воюя прибѣгааетъ;
 Дерзайте, воины! намъ стыдно унывать,
 Познавъ, съ какимъ врагомъ мы будемъ воевать....
 Не страшны Орды намъ! Россіяне вскричали,
 470 Возстали, двинулись, и путь свой окончали.
 Едва сокрылася съ луною ноци тѣнь,
 Казань представилась ихъ взорамъ въ третій день,

- Сей градъ, приволжскій градъ, великъ, прекрасенъ, славенъ,
 Обширностію стѣнь едва Москвѣ не равенъ;
 475 Казанка быстрая, отъ утреннихъ холмовъ
 Ушедъ изъ гордыхъ стѣнь, течетъ среди луговъ;
 Отъ запада Булакъ выходитъ непроходный,
 И тиной заглушенъ, влечетъ источникъ водный.
 Натура двѣ рѣки старалась вкупѣ свестъ,
 480 Бойница первая твердынь гдѣ градскихъ есть;
 Тѣсня ногой Кабанъ, другою Арско поле,
 Подъемлетса гора высокая оттолѣ:
 Не можетъ досязати ея вершины взглядъ,
 На пышной сей горѣ стоитъ въ полкруга градъ;
 485 Божницы пышныя, и Царскіе чертоги,
 Имѣютъ на своихъ вершинахъ лунны роги,
 Которые своимъ символомъ чтитъ Казань;
 Но имъ она сулитъ не миръ, кроваву брань.
 Казанцы робкіе въ стѣнахъ высокихъ скрыты,
 490 Отъ нихъ, не отъ луны надежной ждуть защиты,
 На рвы глубокіе, на стѣны Царь воззрѣвъ,
 Почувствовалъ въ душѣ крушеніе и гнѣвъ;

- Вообразилъ себѣ обиды, страхи, брани,
 Которы пренесла Россія отъ Казани;
 495 Воспламенилась въ немъ ко сродникамъ любовь,
 Которыхъ на стѣнахъ еще дымится кровь;
 Воображаетъ онъ невольниковъ стенящихъ,
 О помощи его въ отчаяньѣ молящихъ;
 Внимаетъ гласъ вдовиць, онъ видитъ токи слезъ;
 500 Простерты длани зреть ко высотѣ небесъ,
 И слышитъ вопль сиротъ на небо вопіющихъ,
 Спасенья отъ него въ неволѣ тяжкой ждущихъ,
 Но вдругъ представился необычайный свѣтъ:
 Явился въ облакахъ Царю усопшій дѣдъ;
 505 Онъ перстомъ указавъ на гордыя бойницы,
 На возвышенныя чертоги и божницы,
 Вѣщаль: О храбрый внукъ! смирйя, смирйя Казань;
 Не жалость ко стѣнамъ тебя звала, но брань!
 Какъ будто бы отъ сна Владѣтель пробудился;
 510 Мгновенно бодрый духъ въ немъ къ брани воспалился;
 Глаза къ видѣнію и длани устремилъ,
 Сокровища Творцу сеодечны отворилъ:
 О Боже! помоги! возопіялъ предъ войскомъ....
 И зрѣлися лучи въ его лицѣ геройскомъ.
 515 Тогда на всю Казань, какъ верьви наложить,
 Полкамъ своимъ велѣлъ сей городъ окружить;
 И смертоносною стрѣльбою ненасытны,
 Оружія велѣлъ устроить стѣнобитны.
 Казалось, мѣдяны разверзивъ, смерть уста,
 520 По холмамъ и лугамъ заемлетъ всѣ мѣста;
 И стрѣлы и мечи во втулахъ зашумѣли,
 Которы храбрые воители имѣли.

- Дабы начальникамъ осаду возвѣстить,
 Велѣлъ Монархъ Хоругвь святую разпустить.
 525 Князь Пронскій, жаждущій сего священна знака,
 Съ отборнымъ воинствомъ переходитъ токъ Булака;
 Стоящій близъ его въ лугахъ съ полкомъ своимъ,
 И Троекуровъ Князь подвигся купно съ нимъ.
 Какъ туча воинство ко граду воздымалось,
 530 И молніями въ немъ оружіе казалось,
 Преходятъ; зрится имъ Казань какъ улій пчель
 Который межъ цвѣтовъ стоящій запусѣлъ;
 Молчаща тишина во градѣ пребывала,
 Но бурю грозную подъ крыльями скрывала.
 535 Такъ часто Окіянъ предъ тѣмъ впадаетъ въ сонъ,
 Когда готовится къ великой бурѣ онъ;
 И многи ратники войной неизкушенны,
 Казанской тишиной казались возхищенны.
 Но два начальника молчащу злость сію

- 540 Почли за скрытую въ густой травѣ змію.
 Съ орлиной быстротой прешедъ холмы и рвины,
 Едва крутой горы достигли половины,
 Отверзивъ пламенны уста, какъ страшный адъ,
 И вдругъ затрепетавъ, изрыгнулъ войска градъ:
 545 Казанцы бросились полкамъ Россійскимъ въ стрѣчу,
 И съ воплемъ начали они кроваву сѣчу,
 Какъ волки, нашихъ силъ въ средину ворвались,
 Кровавые ручьи мгновенно полились,
 Россійски ратники на части раздѣленны,
 550 Быть скоро не могли въ полки совокупленны;
 Съ одной страны, какъ градъ, летѣла туча стрѣлъ;
 Съ другой ревелъ смерть, пищальный огонь горѣлъ.
 Послѣдующи два героя Едигеру,
 Покинувъ смутный градъ, какъ страшны львы пещеру,
 555 Оставивъ двѣ четы героевъ во стѣнахъ,
 Смѣшали воинство, какъ вихрь смущаетъ прахъ;
 Ихъ стрѣлы не язвятъ, и копыя устремленны,
 Ломаясь о щиты, падутъ какъ трости тлѣнны.
 Озмаръ единъ изъ нихъ, производящій родъ
 560 Отъ храбрыхъ рыцарей у Крымскихъ черныхъ водъ,
 На Россовъ страхъ въ бою, какъ грозный левъ, наводитъ,
 Трепещутъ всѣ, куда сей витязь ни приходитъ;
 Главу единому, какъ шаръ онъ разрубилъ;
 Другова въ чрево онъ мечемъ насквозь пронзилъ;
 565 Всѣхъ косить какъ траву, кто щить свой ни оставитъ;
 Строптивый конь его тѣла кровавы давитъ;
 Уже съ Русинскаго съ размаху ссѣкъ главу,
 Она роптающа упала на траву.
 Угримова повергъ немилосердый воинъ;
 570 Сей витязь многіе жить вѣки былъ достоинъ,
 Единый сынъ сей мужъ остался у отца,
 И въ юности не ждалъ толь скорого конца.
 Отъемлетъ лютый Скиѣъ супруга у супруги;
 Возплачутъ отъ него и матери и други.
 575 Тогда злодѣй полки какъ волны раздѣлилъ,
 На Троекурова всю ярость устремилъ.
 Воитель, въ подвигахъ неукротимый, злобный,
 Закинувъ на хребетъ свой щить лунѣ подобный,
 Въ уста вложивъ кинжалъ, и въ руки взявъ мечи,
 580 Которы у него сверкали какъ лучи,
 Бѣжить, но встрѣтилъ Князь мечемъ сего злодѣя;
 Текуща кровь съ броней на землю каплетъ рдѣя;
 Наводитъ ужасъ онъ какъ близкая гроза;
 Сверкаютъ подъ челомъ у варвара глаза;
 585 Героя поразить мечами покушался,
 Подвигся, отступилъ, во всѣ страны метался;

- Хотѣлъ со двухъ сторонъ мечи свои вонзить,
 Но Князь успѣлъ его сквозь сердце поразить;
 Злодѣй заскрежетавъ сомкнулъ кровавы очи,
 590 И гордый духъ его ушелъ во мраки ночи.
- Повержена врага увидѣвъ своего,
 Герой Россійскій снятъ спѣшитъ броню съ него;
 Удары злыхъ Ордъ щитомъ своимъ отводитъ;
 Ихъ нудить отступить, съ коня на землю сходитъ;
 595 Поникъ, но храбрость ту другой злодѣй пресѣкъ,
 Съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ чеканомъ текъ;
 Шумитъ какъ древній дубъ, великъ тяжелымъ станомъ,
 И Троекурова ударилъ въ тылъ чеканомъ:
 Свалился шлемъ съ него какъ камень на траву;
 600 Злодѣй, алкающій разсѣчь его главу,
 Направилъ копіе рукою въ самую выю,
 И скоро бы лишилъ поборника Россію;
 Уже броню его и кольца сокрушилъ,
 Но Пронскій на конѣ къ сей битвѣ поспѣшилъ;
 605 Узнавый, что его сподвижникъ погибаетъ,
 Какъ молнія ряды смѣшенны прелетаетъ;
 Разить, и руку прочь успѣлъ онъ отдѣлать,
 Которой врагъ хотѣлъ геройску кровь пролить;
 Свирѣпый витязь палъ. Ордынцы встрепетали;
 610 Возкрикнули, щиты и шлемы разметали;
 Смѣшались, дрогнули, и обратились въ бѣгъ.
 Съ полками Пронскій Князь на ихъ хребты налегъ.
 Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонитъ,
 Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ:
 615 Такъ гонятъ Россы ихъ въ толпу соединясь,
 Рубите! бодрствуйте! имъ вопить Пронскій Князь.
 Весь воздухъ огустѣлъ шумящими стрѣлами,
 И доль наполнился кровавыми тѣлами;
 Звукъ слышится мечный и ржаніе коней;
 620 Летаеть грозна смерть съ косою межъ огней;
 Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
 И челоуѣчество забыли челоуѣки!
 Что былобъ варварствомъ въ другія времена,
 То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.
 625 Отрубленна рука, кровавый мечъ держаща,
 Ни страшная глава въ крови своей лежаща,
 Ни умирающихъ прискорбный сердцу стонъ,
 Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства вонъ.
 За что бы не хотѣлъ герой принять короны,
 630 То дѣлаеть теперь для царства обороны;
 Недосязающій бѣгущаго мечемъ,
 Стараеться его достигнуть копіемъ;
 Бросаетъ вдалѣ копье, и кровь течеть багрова;

- Лишь только умерщвлять, на мысли нѣтъ инова!
 635 Окровавились лазоревы поля;
 И стонетъ, кажется, подъ грудой тѣль земля.
 Казанцы робкіе свой путь ко граду правятъ,
 Тѣснятся во вратахъ, сѣкутъ, другъ друга давятъ;
 Безвременно врата сомкнувши робкій градъ,
 640 Какъ вихремъ отразилъ вбѣгающихъ назадъ.
 Казанцы гордый духъ на робость премѣнили,
 Спираяся у вратъ, колѣна преклонили.
 Князь Пронскій мщеніемъ уже не ослѣпленъ,
 Ихъ прозьбой тронуть былъ, и принялъ ихъ во плѣнъ.
 645 Тогда луна свои чертоги отворила,
 И ризой темною полки и градъ покрыла.

- Но кровію своей и потомъ омовень,
 Князь Трекуровъ былъ во Царскій станъ внесень.
 Какое зрѣлище! съ увядшимъ сходенъ цвѣтомъ,
 650 Который преклонилъ листы на стеблѣ лѣтомъ,
 На персяхъ онъ главу висящую имѣлъ.
 Взглянувый на Царя, вздохнулъ и онѣмѣлъ.
 Рыдая Іоаннъ бездушнаго объемлетъ,
 Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ:
 655 Герой сей живъ!... онъ живъ!... въ восторгѣ вопіетъ;
 Самъ стелетъ одръ ему и воду подаетъ.
 Колъ такъ Владѣтели о подданныхъ пекутся,
 Они безгрѣшно ихъ отцами нарекутся.
 Ахъ! для чего не всѣ, носящіе вѣнцы,
 660 Бываютъ подданнымъ толь нѣжные отцы?
 Но Царь при горестяхъ веселье ощущаетъ,
 Изходитъ изъ шатра, и воинству вѣщаетъ:
 Вашъ подвигъ намъ врата ко славѣ отворилъ,
 И наши будущи побѣды предварилъ;
 665 Мужайтесь, друзья! мы зримъ примѣры ясны,
 Что брани наглыхъ Ордъ для Россовъ безопасны.
 Увидя Пронскаго, о Князь! вѣщалъ ему,
 Колъ мы послѣдуемъ примѣру твоему,
 Наутріе Орда и градъ ихъ сокрушится....
 670 Сіе пророчество внедолгѣ совершится!
 Ордамъ поборникъ адъ, поборникъ Россамъ Богъ;
 Начальникъ храбрый Царь: кто быть имъ страшень могъ!
 О Муза! будь бодра, на крилѣхъ вознесися,
 Блюди полночный часъ и сномъ не тяготися.
 675 Что медлитъ мрачна ночь, что волны спятъ въ рѣкѣ?
 Лишь вѣютъ тихіе зефиры въ тростникѣ,
 Что солнца изъ морей денница не выводитъ?
 Натура спитъ, а Царь уже по стану ходитъ.
 Доколѣ брани духъ въ сердцахъ у васъ горитъ,

- 680 Крѣпитесь, воины! Владѣтель говоритъ:
 Казань меня и васъ польстила миромъ ложнымъ;
 Мы праведной войной отмстимъ врагамъ безбожнымъ.
 Во взорахъ молніи, нося перунъ въ рукахъ,
 Онъ храбрость пламенну зажегъ во всѣхъ сердцахъ.
- 685 Но чьи простерлися отъ града черны тѣни,
 Текущія къ полкамъ какъ быстрыя елени?
 Какъ въ стадѣ агничемъ, смятенномъ страшнымъ львомъ,
 Ужасный слышанъ вопль въ полкѣ сторожевомъ:
 Россійски ратники порядокъ разрываютъ,
- 690 И тинистый Булакъ поспѣшно преплываютъ;
 Открыла ужасъ ихъ блистающа луна,
 Которая была въ окружности полна.
 Тамъ шлемы со холма кровавые катятся;
 Тамъ копья, тамъ щиты разбросанные зрятся;
- 695 Какъ овцы, воины разсыпавшись бѣгутъ;
 Четыре рыцаря сей полкъ къ шатрамъ женуть:
 То были рыцари изшедши изъ Казани,
 Отмщать Россіянамъ успѣхъ вечерней брани:
 Изъ Индіи Мирседъ, Черкешенинъ Бразинъ,
- 700 Рамида Персянка, и Гидромиръ Срацинъ:
 Горящіе огнемъ неистовой любви,
 Алкаютъ жаждою ко Христіанской крови;
 Изторгнувъ въ ярости блестящіе мечи,
 Какъ вѣтры бурные повѣяли въ ночи,
- 705 И войска нашего ударили въ ограду;
 Какъ стадо лебедей скрывается отъ граду,
 Такъ стражи по холмамъ отъ ихъ мечей текли....
 Злодѣи скоро бы вломиться въ станъ могли,
 Когда бъ не прекратилъ сію кроваву сѣчу,
 Князь Курбскій съ Палецкимъ, врагамъ изшедши встрѣчу.
- 710 Но вдругъ нахмурила золотое ночь чело;
 Блистающа луна, какъ тусклое стекло,
 Во мрачны облака свое лице склонила,
 И звѣзды въ блѣдныя свѣтила премѣнила;
 Сгустилась вскорѣ тма, предшественница дня.
- 715 Лишенны витязи небеснаго огня,
 Другъ къ другу движутся, дуугъ къ другу ускоряютъ;
 Но воздухъ лишь во мглѣ мечами ударяютъ,
 И слышится вдали отъ ихъ ударовъ трескъ;
 Встрѣчаяся мечи, кидаютъ слабый блескъ;
- 720 О камни копья бьютъ, когда другъ въ друга мѣтятъ;
 Имъ пламенны сердца въ бою при мракѣ свѣтятъ.
- Тогда кристальну дверь небесну отворя,
 Раждаются начала багряная заря,
 И удивилася, взглянувъ на мѣсто боя,

- 725 Что бьются съ четырьмя Россійскихъ два героя;
 Дивилася Казань, взглянувъ съ крутыхъ вершинъ,
 Что Палецкій съ тремя сражается единъ;
 Какъ левъ среди волковъ, ихъ скрежетъ презираетъ,
 Такъ Палецкій на трехъ Ордынцевъ не взираетъ;
- 730 Кидается на нихъ, кидается съ мечемъ,
 Который тройственнымъ является лучемъ,
 Толь быстро обращалъ Герой свой мечъ рукою!
 Онъ съ кровьюобъ източилъ Ордынску злость рѣкою;
 Но Гидромиръ, взмахнувъ велику булаву,
- 735 Вдругъ съ тыла поразилъ героя во главу;
 Потупилъ онъ чело, сомкнулъ померклы очи
 И руки опустивъ, низшелъ бы въ бездну ночи,
 Когдабъ не прерванъ былъ незапно смертный бой.
 Со Курбскимъ на холмѣ біющійся герой,
- 740 Въ изгибахъ ратничьихъ подобенъ змію зрится;
 Чѣмъ больше есть упорствъ, тѣмъ больше онъ ярится.
 Къ главѣ коня склонивъ тогда чело свое,
 Пустилъ онъ въ Курбскаго шумяще копіе;
 Но язву легкую принявъ въ ребро едину,
- 745 Князь Курбскій, быстроту имѣющій орлину,
 Толь крѣпко мечъ во шлемъ противника вонзилъ,
 Что въ части всѣ его закрѣпы раздробилъ.
 Воителя ручки кровавы обагрили;
 Волнистые власы плеча его покрыли;
- 750 По бѣлому челу кровь алая текла,
 Какъ будто по серебру... Рамида то была!
 И рану на челѣ рукою захватила,
 Вздохнула, и коня ко граду обратила.
 Увидя витязи ея текущу кровь,
- 755 Чего не дѣлаетъ позорная любовь;
 Что ратуютъ они, что въ полѣ, что сразились,
 Забыли рыцари, и къ граду обратились;
 Имъ стрѣлы въ слѣдъ летятъ, они летятъ отъ нихъ;
 Во пламенной любви снѣдала ревность ихъ;
- 760 Рамиду уступить другъ другу не хотѣли;
 Отъ славы ко любви какъ враны полетѣли.

Но въ чувство Палецкій межъ тѣмъ уже пришелъ;
 Онъ взоры томные на рыцарей возвелъ;
 Бѣгутъ они! вскричалъ... и скорбь пренебрегаетъ;

765 Коня пускаетъ въ слѣдъ, за ними въ градъ влетаетъ;
 Онъ гонитъ, бьетъ, разитъ, отмщеньемъ ослѣпленъ;
 Сомкнулись вдругъ врата, и Князь поиманъ въ плѣнъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ

- Багровые лучи покрыли небеса;
Упала на траву кровавая роса;
Червленныя земля туманы испустила,
Объимъ воинствамъ бой смертный возвѣстила;
5 Тамъ топотъ отъ коней, тяжелый млатъ стучить;
Желѣзо движется, и мѣдь въ шатрахъ звучить.
- Казанскій Царь, внутри Казани затворенный,
Свирѣпствуетъ какъ вепрь въ пещерѣ разъяренный;
Гремящи внемлющій оружія вокругъ,
10 Реветь, и кинутся въ злодѣевъ хочетъ вдругъ.
Свирѣпый Едигеръ, осады не робѣя,
И Князя плѣннаго подъ стражею имѣя,
Четырехъ витязей скрывая во стѣнахъ,
Надежду основалъ на твердыхъ сихъ столпахъ;
15 Пицалей молніи и громы презираетъ,
Какъ будто на тростникъ, на стрѣлы онъ взираетъ,
И яко лютый тигръ спокойно пищи ждетъ,
Когда пастухъ къ нему со стадомъ подойдетъ.
Имѣющъ мрачну мысль, и душу къ миру мертву,
20 Россіанъ подъ стѣной себѣ назначилъ въ жертву;
Тогда велѣлъ Ордамъ, таящимся въ лѣсахъ,
Когда покажутся знамена на стѣнахъ,
Оставить ратную въ глухихъ мѣстахъ засаду,
И грянуть Россамъ въ тылъ, когда приступятъ къ граду.
25 Свирѣпствомъ упоенъ, успѣхами манимъ,
Онъ чаеъ славу зрѣть лешающую предъ нимъ.
Надежда мрачными его мечтами водить;
Отъ звѣрства Едигеръ ко хитрости преходить.
- Нещастный Палецкій въ неволю увлеченъ,
30 Израненъ скованъ былъ, въ темницу заключенъ.
Благочестивый Царь посла въ Казань отправилъ;
Сто знатныхъ плѣнниковъ за выкупъ Князя ставилъ:
Но яростью кипящъ и зла не зная мѣръ,
Посла изгналъ изъ стѣнъ съ презрѣньемъ Едигеръ.
- 35 Едва златую дверь Аврора отворила,
Дремучіе лѣса и горы озарила,
Имѣющъ бодрый духъ и мужество въ очахъ,

- Влечется Палецкій на торжище въ цѣпяхъ;
 Народомъ окруженъ, зреть мѣсто возвышенно,
 40 Червлеными кругомъ коврами облеченно.
 Ужасно зрѣлице для сердца и очей:
 Тамъ видно множество блистающихъ мечей,
 Тиранства вымыслы, орудія боязни,
 Огни, сѣкиры тамъ, различны смертны казни.
- 45 Князь очи отвратилъ въ противную страну,
 Тамъ видитъ бисеромъ украшенну жену;
 Подобное водѣ сквозь тонко покрывало,
 Неизреченныя красы лице сіяло.
- Среди позорища представился тиранъ;
 50 Сѣдитъ держащъ въ рукахъ разгнутый Алкоранъ,
 И Князю говоритъ: зри казни! зри на дѣву,
 Имѣющу красы небесны, кровь Цареву;
 Едино избери, когда желаешь жить:
 Казани обяжись, какъ вѣрный другъ, служить;
- 55 Понявъ жену сію для вящшаго обѣта,
 Склони твое чело предъ книгой Махомета;
 Невольникъ! пользуйся щедротою моею,
 На Русскаго Царя надежды не имѣй:
 Приди, и преклонись!... Отъ гнѣва Князь трепещеть;
- 60 Онъ взоры пламенны на Едигера мещеть,
 И тако отвѣчалъ: Иду на смертну казнь!
 Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь боязнь!
 Ты смѣлымъ кажешься сѣдящій на престолѣ;
 Не такъ бы гордъ ты былъ предъ войскомъ въ ратномъ полѣ;
- 65 Не угрожай ты мнѣ мученьями, тиранъ!
 Господь на небесахъ, у града Іоаннъ!...
 Жестокій Едигерьъ, словами уязвленный,
 Весь адъ почувствовалъ отвѣтомъ вспламененный;
 Біющій въ грудь себя, онъ ризу разтерзалъ,
- 70 И Князя плѣннаго тиранить приказалъ.
 Но гордый Гидромиръ, на мѣстѣ казни сущій,
 Достойныхъ рыцарей престола выше чтущій,
 Изъ рукъ воителя у воиновъ извлекъ,
 И къ трону обратясь, Царю со гнѣвомъ рекъ:
- 75 О Царь! ты рыцарскихъ священныхъ правъ не зная,
 Караешь узника, казнить героя чая;
 Онъ въ полѣ предложилъ сраженіе тебѣ;
 Стыдись робѣть, меня имѣя при себѣ.
 Съ молчаніемъ народъ и Царь Срацину внемлетъ;
- 80 Спокойно Гидромиръ со Князя узы съемлетъ;
 За стѣны подъ щитомъ препроводилъ его,
 Сразиться въ битвѣ съ нимъ, взявъ клятву отъ него.

- Межъ тѣмъ Россійскій Царь, занявъ луга и горы,
 Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ ко граду взоры;
 85 За станомъ повелѣлъ сооружить раскатъ,
 И въ немъ перуны скрывъ, въ ноци привезть подъ градъ.
 Какъ нѣкій Исполинъ раскатъ стопы подвигнулъ,
 Потряся, заскрипѣлъ, и градскихъ стѣнъ до тигнулъ,
 Разверзлись пламенны громады сей уста,
 90 Сверкнула молнія на градскія врата;
 Казань кичливую перуны окружають,
 По стогнамъ жителей ходящихъ поражаютъ.
 Пресѣчь пути врагамъ, весь градъ разрушить вдругъ,
 Царь турами велѣлъ обнести твердыни вокругъ,
 95 И будто малый холмъ объемлющій руками,
 Столицу окружилъ Россійскими полками.
 Рѣшась отважную осаду довершить,
 Велѣлъ онъ Розмыслу подкопомъ поспѣшить.
 Казанцы, кои взоръ недремлющій имѣли,
 100 Оружія схвативъ, какъ пчелы возшумѣли;
 Тогда явился знакъ колеблемыхъ знаменъ,
 Зовущій изъ засадъ Ордынку рать со стѣнъ.

- И се! изъ градскихъ вратъ текутъ рѣкѣ подобны,
 Текутъ противъ Царя, текутъ Ордынцы злобны,
 105 Вскричали, сдвинулись, и сѣча началась;
 Ударилъ громъ, и кровь ручьями полилась.
 Стенанья раненыхъ небесный сводъ пронзають,
 Казанцы въ грудь полковъ Россійскихъ досязають,
 И силѣ храбрый духъ Россійскій уступилъ,
 110 Засада наскочивъ, на нихъ пустилась въ тылъ.
 Войну побѣдою Казанцы бы рѣшили,
 Дворяне Муромски когдабъ не поспѣшили.
 Сіи воители, какъ твердая стѣна,
 Котора изъ щитовъ единыхъ сложена,
 115 Летятъ, стѣсняють, жмутъ, Ордынцовъ раздѣляютъ,
 Жаръ множатъ во своихъ, въ Казанцахъ утоляютъ;
 Какъ прахъ развѣяли они враговъ своихъ,
 Прогнали; брани огонь отъ сей страны утихъ.

- Но три воителя, сомкнувшись щитами,
 120 Изъ градскихъ вышли стѣнъ особыми вратами;
 Какъ облако, отъ ихъ коней сгустился прахъ;
 На крыліяхъ летятъ предъ ними смерть и страхъ;
 Ихъ взоры молніи, доспѣхи громъ метали,
 Ступай къ намъ Курбскій Князь! они возопіали,
 125 Шемякинъ! Палецкій! и кто изъ храбрыхъ есть?
 Придите возпріять единоборства честь!...
 И тако Гидромиръ: Осмѣльтесь биться съ нами!
 Иль нравно только вамъ сражаться со женами....

- Онъ кожей тигровой какъ ризою покрытъ,
 130 Въ очахъ его и злость и тусклый огонь горитъ;
 Свирѣпость на лицѣ, въ устахъ слова безбожны,
 Неблаговѣрному хулителю возможны;
 Подобенъ видится ожесточенну льву,
 Рукою онъ вращалъ желѣзну булаву;
 135 И громко возопилъ: Вы зрите не Рамиду!
 Россіянамъ хощу отмстить ея обиду,
 Ступайте казнь принять!... Возпѣнясь какъ котель,
 Мстиславскій дать отвѣтъ Срацыну восхотѣлъ.
 Сей мужъ въ сраженіяхъ ни дерзокъ былъ ни злобенъ,
 140 Но твердому кремню казался онъ подобенъ,
 Который искръ ручьи въ то время издаетъ,
 Когда желѣзомъ кто его поверхность бьетъ.
 Стоящъ недвижимо въ рядахъ, какъ нѣкій камень,
 Мстиславскій ощутилъ горящій въ сердцѣ пламень,
 145 Царь выступить велѣлъ противу трехъ троимъ;
 Мстиславскій двинулся и Курбскій вмѣстѣ съ нимъ;
 На битву Палецкій въ условіе стремится.
 Сближаются земля дрожить, и небо тмится.
 Подобенъ бурному приливу шумныхъ водъ,
 150 Стекается уже и нашъ и ихъ народъ.
 Но камень будто бы въ рѣку изъ рукъ падушій,
 Изъ точки дѣлаетъ далеко кругъ растушій:
 Противоборники мечи изторгнувъ вдругъ,
 Такъ двигали народъ, изъ круга въ большій кругъ.
 155 Тогда свой мечъ склонивъ Бразинъ, сіе вѣщаетъ:
 Сей день побѣду намъ иль гибель обѣщаетъ;
 Когда побѣды вы получите вѣнецъ,
 Поставите войнѣ и пренію конецъ;
 Въ отечество свое клянемся возвратиться;
 160 Однако лъзя ли симъ, о Россы! вамъ и льститься?
 Но естли будетъ такъ, безъ насъ возьмите градъ:
 Вы сильны покорить тогда и самый адъ.
 Когда же васъ троихъ во брани одолѣемъ,
 О чемъ ни малаго сомнѣнья не имѣемъ;
 165 Мы въ узахъ повлечемъ противоборцевъ въ плѣнъ,
 И будетъ нами родъ Московскій изстребленъ;
 Рабы вы будьте намъ! клянемся нынѣ въ ономъ,
 Мечами нашими, Рамидой, Царскимъ трономъ;
 Когда сраженіе не ужасаетъ васъ,
 170 Завѣтъ исполнить сей клянитесь вы сей часъ!

Отъ сей кичливости исполненные гнѣва,
 Герои ждуть на брань велѣнія Царева,
 Да словомъ подтвердить ихъ клятвы онъ печать.
 На все рѣшился Царь, и бой велѣлъ начать.

- 175 Все войско раздалось для важнаго предлога;
Герои шлемы снявъ, зовутъ на помощь Бога.
Жестокій Гидромиръ безумства не скрывалъ,
Не Бога въ помощь онъ, Рамиду призывалъ;
И рекъ Россіянамъ: Сраженія не длите!
- 180 Не о побѣдѣ вы, о жизни днесъ молитесь;
Готовтесь смерть принять! Съ симъ словомъ, какъ орелъ,
На Палецкаго мечъ изторгнувъ полетѣлъ,
Съ Бразиномъ копьями Мстиславскій Князь сразился;
Мечъ Курбскаго во щитъ Мирседу водрузился;
- 185 Весь воздухъ возшумѣлъ и битва началась....
Сражаются, но кровь не скоро полилась.
Мстиславскій на врага перунъ изъ рукъ кидаетъ,
То съ лѣвья страны, то съ правой нападаетъ;
Но будто стѣну онъ орудіемъ бьетъ,
- 190 Уже разить копьемъ Бразина устааетъ;
Онъ зрится каменнымъ, нечувственнымъ кумиромъ.
Схватился Палецкій съ свирѣпымъ Гидромиромъ:
Кони споткнулися, упали шлемы съ нихъ,
Закрыли ихъ щиты главы у обоихъ;
- 195 Склоненные къ землѣ еще они бѣются;
Вспрянули, сдвинулись, удары раздаются;
Спираясь три четы, изображаютъ кругъ,
То въ груди сложатся, то раздадутся вдругъ;
Отсюду зрится смерть, отсюду и побѣда.
- 200 Князь Курбскій копьемъ ударилъ въ грудь Мирседа;
Щитомъ себя Мирседъ закрыть не ускорилъ,
Взревѣлъ, и тыломъ онъ хребетъ коня покрылъ.
Рамида въ оный часъ со стѣнъ на брань взглянула,
И видя во крови Мирседа, воздохнула;
- 205 Къ Мирседу паче всѣхъ склонна была она;
Забыла, что сама въ чело поражена,
Мгновенно въ сердце къ ней Мирседовъ стонъ переходитъ,
И въ духъ жалость, гнѣвъ, отмщенье производитъ;
Бѣжитъ и встрѣшняго мечемъ своимъ сѣчетъ,
- 210 На копьѣ, на мечи Рамиду страсть влечетъ.
Прервать неравный бой, Россіяне возстали,
Ихъ очи и мечи какъ звѣзды заблестали,
И вдругъ сраженіе со всѣхъ сторонъ зажглось,
Все войско на лугу какъ туча развилось;
- 215 Кипитъ кровава брань, полки съ полками бьются,
Герои съ вящею досадой расстаются.
Князь Курбскій обратясь, унять мятежь хотѣлъ,
Во время то Мирседъ на Князя налетѣлъ,
Копьемъ ребро его подъ сердцемъ прободаетъ,
- 220 Разить въ главу, и Князь безчувстенъ упадаетъ.

Пылають мщеніемъ Россійскіе полки,
 Слились съ Казанскими, какъ будто двѣ рѣки,
 Гдѣ волны бурное теченье составляютъ,
 Другъ друга пруть назадъ, другъ друга подавляютъ,
 225 Сперлися воины въ поднявшейся пыли;
 Безгласенъ Курбскій Князь простерся на земли.

Тогда, совокупясь какъ страшныя стихіи,
 Четыре витязя пошли противъ Россіи,
 Подобно слившимся четыре вѣтра вдругъ,
 230 Бунтуютъ Океянь, летая съ шумомъ вкругъ;
 Ихъ жадныя мечи въ густой пыли сверкають,
 Разятъ, свирѣпствуютъ, какъ страшны львы рыкають.
 Россіяне уже хотѣли отступить,
 Но силы новыя пришли ихъ подкрѣпить,
 235 Богъ волею своей, Царь бодрыми очами,
 Вельможи твердыми и мудрыми рѣчами.

Но Курбскій между тѣмъ почти во смертномъ рвѣ,
 Едва дыша лежалъ, израненъ на травѣ;
 Вблизи стеналъ единъ изъ витязей Казанскихъ,
 240 Глоталъ онъ пыль, отъ рукъ поверженъ Христіанскихъ;
 Сей вдругъ опомнился, на Курбскаго взглянулъ,
 Онъ мужество его и силы вспомянулъ;
 Зря Князя дышуща, злодѣйство долгомъ ставитъ;
 На локоть опершись, песокъ колѣномъ давить,
 245 По собственной крови нога его скользить,
 И умирающій безгласному грозитъ;
 Онъ свой кинжалъ рукой дрожащей изторгаетъ,
 Какъ змій раздавленный, все тѣло предвигаетъ;
 Послѣдню варваръ кровь стремится източить,
 250 И чаеть тѣмъ вѣнецъ на небѣ получить.
 Велика бы сія была Россіи трата;
 Но младшій старшаго Князь Курбскій встрѣтилъ брата,
 Убійцѣ острое копье въ хребетъ вонзиль,
 Надъ тѣломъ братнинымъ злодѣя поразиль.
 255 Залившись юный Князь горчайшихъ слезъ рѣками,
 Объемлетъ блѣдный трупъ дрожащими руками,
 Увы, любезный братъ! стеная вопіетъ,
 Покинулъ ты меня, и сей покинулъ свѣтъ.
 Но, нѣтъ! ты живъ еще ко мнѣ твоей любовью,
 260 И дружествомъ во мнѣ, и братней живъ ты кровью;
 Я гнѣва моя души не насыщу,
 Доколѣ въ пепель всю Казань не превращу.
 Израненный взглянулъ, пожавъ у брата руку,
 Болѣзненну его убавиль въ сердцѣ муку;
 265 О братъ мой! онъ вскричалъ, ты живъ, на часъ прости!...
 И ратниковъ созвавъ, велѣлъ его нести.

Героя ратники какъ пчелы окружили,
 Поднявъ стѣнящаго, на твердый щитъ взложили;
 Коль бремя легкое воительскимъ рукамъ,
 270 Почтенное для нихъ, но тяжкое сердцамъ!

Межъ тѣмъ, какъ левъ младый, повсюду Курбскій рыщетъ,
 Бразина въ тѣснотѣ и Гидромира ищетъ;
 Рамидѣ хочетъ онъ за брата отомстить,
 Въ Мирседовой крови блестящій мечъ омыть.
 275 Водимый мщеніемъ и храбростью слѣпою,
 Онъ вдругъ объемлетъ Казанскою толпою,
 И стрѣлы на него какъ градъ густой падутъ,
 Тамъ видитъ онъ мечи, чеканы, копыя тутъ,
 Но тяжело то ему, что мщеніемъ коснѣетъ;
 280 Пять стрѣлъ вонзенныхъ онъ въ ногѣ своей имѣетъ;
 Преломленно копые въ щитѣ его виситъ,
 И кровь изъ ранъ его всходящу пыль роситъ;
 Но тучу онъ враговъ какъ стогны расширяетъ,
 Однихъ мечемъ, другихъ сѣкирой ударяетъ,
 285 И въ полѣ на конѣ какъ молнія летитъ,
 Ласкаясь, что врагамъ за брата отомститъ.

Въ различныя мѣста начавшагося боя,
 Какъ вихри разошлись Казанскихъ три героя;
 Мирседъ съ Рамидою, спасти желая градъ,
 290 Взявъ пламенникъ, зажгли придвинутой разкатъ,
 Какъ нѣкая гора, громада изглѣвваетъ;
 Мирседъ съ Рамидой ровъ глубокой преплываетъ,
 На стѣны градскія скоряе бурь текутъ,
 И лѣствицы къ стѣнамъ приставленны сѣкутъ;
 295 Колеблются они, падутъ; и Россы съ ними
 Тѣлами градскій ровъ наполнили своими.

Стоящу на стѣнѣ Мирседу Курбскій рекъ:
 Ты щастливъ, что во градъ какъ робкій звѣрь утекъ!
 Но мститъ другимъ врагамъ за брата не оставляю;
 300 Я раны и твои ко ранамъ ихъ прибавлю.
 Текущу кровь унявъ, летитъ скоряе стрѣлъ
 Туда, гдѣ брани огонь свирѣпѣе горѣлъ.

Готовься къ дивному повѣствованью лира;
 Средь Муромскихъ дворянъ Князь видитъ Гидромира,
 305 Которы витязя отрѣзавъ отъ полковъ,
 Его объемлютъ вокругъ, какъ стадо юныхъ львовъ;
 Межъ ними зміемъ онъ является крылатымъ,
 И движитъ онъ щитомъ какъ крыліемъ пернатымъ;
 Ни онъ себя отъ нихъ не можетъ свободить,
 310 Ни Муромцы его не могутъ побѣдить.
 Какъ вѣтвья свои на землю дубъ кидаетъ,

Но движимъ бурями, стоитъ, не упадаетъ:
 Такъ весь оружіемъ обремененъ своимъ,
 Осыпанъ тучей стрѣль, стоитъ неколебимъ.

- 315 Князь Курбскій возопилъ, алкая съ нимъ сразиться:
 Не стыдно ль множеству съ единымъ купно биться?
 Храните рыцарскій, герои, въ бранѣхъ чинъ;
 Оставьте насъ, хочу съ нимъ ратовать единъ.
 Услышавъ Гидромиръ отважну рѣчь толику,
 320 Висящу вдоль бедра взялъ палицу велику,
 Онъ ею въ воздухѣ полкруга учинилъ,
 Часть Муромскихъ дворянъ на землю преклонилъ,
 И Князя бѣ разразилъ шумящей булавою;
 Но онъ къ главѣ коня приникъ своей главою,
 325 И тако усколзнулъ, не поврежденъ ни чѣмъ;
 Но Гидромира онъ поранилъ въ пахъ мечемъ.
 Разсвирѣпѣлъ злодѣй, болѣнію не внемлетъ,
 Какъ мачту палицу тяжелую подѣмлетъ,
 И Муромскихъ дворянъ, и Курбскаго разитъ:
 330 Тамъ шлемы сокрушилъ, тамъ латы, тамо щитъ.
 Какъ дикій вепрь въ чело стрѣлою уязвленный,
 Такъ мечется вездѣ сей витязь разъяренный.
 Князь Курбскій въ грудь его пускаетъ копіе:
 Онъ палицей отбилъ оружіе сіе;
 335 Дворяне копьевъ лѣсъ въ Ордынца направляютъ,
 Тѣснятся, но его ни чемъ не уязвляютъ:
 Во твердую броню одѣянъ былъ злодѣй,
 Но кровь текущая изъ раны какъ ручей,
 Ослабила его нечеловѣчьи мочи;
 340 Онъ тяжело обращать померклы началъ очи,
 Едва и палицу изъ рукъ не упустилъ;
 Шатнулся, и коня ко граду обратилъ.
 Младому Курбскому привѣтствуетъ побѣда;
 Бѣгущаго врага не покидаетъ слѣда:
 345 Стрѣлой разитъ его, сѣкирою, мечемъ;
 Онъ быстро въ градъ скакалъ, влекомъ своимъ конемъ;
 Но Курбскій бы низвергъ его въ предѣлы ада,
 Вдругъ пуля засвиставъ со стѣнъ мятежна града,
 Младому рыцарю ударила въ грудь,
 350 Врагу очистила, ему пресѣкла путь.

- Тогда рѣкой текли Казанцы въ градъ бѣгущи,
 И бурей кажутся имъ Россы въ слѣдъ текущи,
 Изображеніе Ордынскія бѣды,
 Бѣгущихъ къ граду кровь означила слѣды;
 355 Но окомъ различить, въ пыли, въ толпахъ смятенныхъ,
 Со побѣдителями не можно побѣжденныхъ:

Равно стремителенъ и сихъ и тѣхъ побѣгъ;
 Такъ съ градомъ иногда совокупляясь снѣгъ,
 Летитъ въ ущеліе широкой половою,
 360 И вкупѣ падаетъ, вѣсь чертой косою,
 Лишь можко Росса тѣмъ съ Ордынцомъ разпознать,
 Что сей спѣшилъ утечь, а тотъ стремился гнать.
 Казанцы робкіе не вдругъ врата отверзли,
 Ихъ войски многія въ горахъ, въ рѣкахъ исчезли.

365 И се! бѣжитъ Бразинъ, какъ молніей гонимъ;
 Оборонялся онъ еще мечемъ своимъ.
 Микулинскій у рва злодѣя достигаетъ,
 Но онъ въ глубокой ровъ стремглавъ себя ввергаетъ;
 Кидается съ береговъ, ко граду онъ плыветъ;
 370 Микулинскій коня за нимъ пускаетъ въ слѣдъ.
 Какъ выжлецъ скачущій далеко волка гонитъ,
 Туда склоняя бѣгъ, куда онъ бѣгъ уконитъ;
 Зубами, кажется, касается ему:
 Такъ рыщетъ въ слѣдъ герой злодѣю своему;
 375 Въ водѣ его разитъ; онъ трижды погрузился;
 Микулинскаго мечъ въ хребетъ его вонзился,
 Но зря разсѣлину, какъ змій утекъ онъ въ градъ.
 Еще Микулинскій не шествуетъ назадъ:
 За камень на стѣнѣ рукою ухватился,
 380 Тряхнулъ его, и съ нимъ сей камень отвалился;
 Осыпанъ прахомъ весь, Микулинскій падетъ;
 Главу щитомъ покрывъ, ко берегу вспять плыветъ.

Свирѣпа смерть блюсти Казанцовъ возхотѣла;
 На черныхъ крыліяхъ превыше стѣнъ взлетѣла;
 385 Омытымъ кровію покровомъ облеклась,
 И молнія вкругъ ней струями извилась;
 Дыханьемъ возухъ весь селитреннымъ сгустила,
 Со ужасомъ огонь какъ градъ со стѣнъ пустила,
 Въ Россійскіе полки онъ тучей ударялъ;
 390 За громомъ громъ другій мгновенно ускорялъ.

Благочестивый Царь людей своихъ жалѣя,
 Съ плѣнными послалъ Ордынцами Алея;
 Передъ стѣнами ихъ велѣлъ къ столбамъ вязать:
 Не ярость тѣмъ хотѣлъ надъ ними оказать,
 395 Но войски собственны отъ гибели избавить;
 Ордынцовъ укротить, и звѣрства ихъ убавить.
 Какъ жертву плѣнниковъ ко граду повлекли;
 Ихъ видя у тыновъ Казанцы, имъ рекли:
 Вамъ лучше умереть отъ рукъ Махометанскихъ,
 400 Чѣмъ кончить свой животъ въ плѣну отъ Христіанскихъ.
 По словѣ варварскомъ ударилъ паки громъ.

Какую пѣснь мнѣ пѣть, какимъ писать перомъ?
 Ордынцы лютые единовѣрныхъ губять!...
 И се къ отшествію трубы Россійски трубятъ.
 405 Напрасной смерти Царь злодѣямъ не хотѣлъ,
 Отверженныхъ враговъ друзьями пожалѣлъ;
 Влеките! возопилъ, невольниковъ обратно,
 Похвально побѣждать, но миловать пріятно!

Тогда все войско вспять какъ море отлилось,
 410 Сраженье у бойницъ еще не прервалось.
 Плаютъ мужествомъ изъ Муромъ Дворяне;
 Но имъ даютъ отпоръ изъ засѣкъ Агаряне,
 Которы въ лѣсъ хотятъ орудія увлечь.
 Какъ хворостъ огонь спѣшитъ въ сухой печи возжечь,
 415 Такое въ Муромцахъ свирѣпство вспламенилось,
 Пожаромъ гибельнымъ Ордынцамъ учинилось:
 Разсыпавшись какъ дождь, бѣгутъ отъ стрѣлъ они.
 Такъ пламень ѣстъ траву во знойны лѣтні дни,
 Очистилось уже отъ битвы ратно поле,
 420 Ордынцы скрылись въ лѣсъ, не видно брани болѣ.

Но полемъ шествуя, съ печалью Царь воззрѣлъ
 На груди цѣлыя въ крови лежащихъ тѣлъ.
 Лицемъ ко небесамъ Россіяне лежали,
 Возшедши души ихъ туда изображали.
 425 Ордынцы ницъ упавъ, потупя тусклый взглядъ,
 Являли души ихъ низшедшія во адъ.
 Царь сѣтуя о сихъ, болѣзнуя о чадахъ,
 Крушеніе носилъ въ величественныхъ взглядахъ;
 Тогда предать землѣ тѣла ихъ повелѣлъ;
 430 Но витязя межъ нихъ стеньящаго узрѣлъ,
 Который ослабѣвъ на мечь свой опирался;
 Три раза упадалъ, три раза поднимался:
 То Курбскій былъ младый; лишаемаго силъ,
 Царь витязя сего въ объятія схватилъ;
 435 Воставилъ, и въ душѣ смущенъ его судьбою,
 Помалу шествуя, во станъ привелъ съ собою.

Не долженъ Князь отъ ранъ подъ градомъ умереть,
 Но матеръ въ старости его не будетъ зрѣть:
 Въ ея объятія едва онъ возвратится,
 440 Цвѣтуцій вѣкъ его отъ раны прекратится;
 Скорбящій братъ его разслабленъ, утомленъ,
 Къ нещастію своему явится изцѣленъ.

Сумнительная брань Цареву грудь печалить,
 Но мужество однихъ, другихъ успѣхи хвалить,
 445 Лобзаетъ витязей, какъ чадъ своихъ отецъ,
 Награда взоръ его, а слово имъ вѣнецъ.

Возженны пламенной къ отечеству любовью,
Запечатлѣть ее клянутся вѣрной кровью.

- Уже покровомъ ночь объемлется густымъ,
450 Въ поляхъ явились огни и синій дымъ,
Какъ будто бы свѣщи возженные при гробѣ:
Убитыхъ предають въ слезахъ земной утробѣ;
Преобращается въ могилу чистый лугъ,
Но вѣтры бурные въ брегахъ взревѣли вдругъ!
455 Гремятъ, какъ будто бы перуномъ оруженны,
Россійскія суда снарядомъ нагруженцы;
И гибнетъ твердая ограда всѣхъ полковъ,
Металлы тяжкіе летаютъ средь валовъ:
Напружилась вода, Борей въ пучину дуетъ;
460 Съ водою бурный вихрь, а съ нимъ вода воуетъ;
Но вихрь хребетъ рѣки трезубцемъ поразилъ,
Усталъ, на волну легъ, снаряды порузилъ.
Какое зрѣлище Царю, вельможамъ, войску!
Вода вливаетъ страхъ во грудь и въ мысль геройску.
465 Царь будто вдругъ претя смятенью и волнамъ,
Вѣщаль: погибло все, осталась храбрость намъ!
На храбрость воины надежду возложите,
И грудью грады брать искусство покажите.
И грудью градъ воземъ! всѣ воины рекли;
470 И съ шумомъ какъ орлы ко стану потекли.

- Тогда увидѣли при мѣсячномъ сіяньѣ,
Котораго на станъ простерлося блистанье,
Что нѣкій юноша скитался межъ шатровъ;
Онъ Рускій щитъ имѣлъ и шлемъ себѣ въ покровъ;
475 Но робкій ходъ его и мѣста обозрѣнье,
Вселяютъ во Царя и въ войско подозрѣнье.
Прерѣзанъ путь ему, и юноша схваченъ;
Между мечами онъ къ Монарху приведенъ.
Кто ты? у плѣнника герои вопрошаютъ;
480 Но твердости его вопросомъ не лишаютъ.
Увы! отвѣтствуетъ, бѣда мнѣ съ вами брань!
Не кроюся, мое отечество Казань;
Но что въ одеждѣ сей пришелъ толико смѣло,
Ищу, хочу найти родительское тѣло.
485 Синопъ! второй Синопъ! возопіялъ стена,
Отецъ мой въ брань пошелъ сражаться за меня;
Увы! онъ кончилъ жизнь; мнѣ тѣнь его явилась,
И прахъ землѣ предать, рыдая, мнѣ молилась.
Ахъ! дайте тѣло мнѣ бездушное обнять:
490 По крови мнѣ моей легко его познать;
Имѣете отцевъ, о Россы! вы и сами;

- Надъ сыномъ сжалътеся, молю васъ Небесами;
 Мое усердіе за щедрость вамъ явлю:
 Вамъ тайны, умысль вамъ Казанцовъ объявлю....
- 495 Но Царь, познавый въ немъ духъ лести и измѣны,
 Вѣщаль: Бѣги скоряя несчастный въ градски стѣны!
 Бѣги ты! опиши Казанцамъ Россій станъ;
 Скажи, что съ войскомъ въ немъ не дремлетъ Іоаннь;
 Что безъ побѣды онъ отъ града не отступитъ,
- 500 И славы никогда измѣнами не купитъ....
 Едва сіи слова съ презрѣньемъ Царь изрекъ,
 Какъ громомъ пораженъ, лазутчикъ въ станъ потекъ.
 Но гордый Едигеръ, питая мысль жестоку,
 Не къ храбрости прибѣгъ, прибѣгнулъ ко пороку.
- 505 Кто въ сердцѣ чистоты не чувствуетъ прямой,
 Тотъ хочетъ завсегда прикрыть свой умысль тмой.
 Есть нѣкая гора въ трехъ поприщахъ отъ града,
 За ней скрывалася Ордынская засада;
 Съ вершины вдоль горы растетъ дремучій лѣсъ,
- 510 Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
 Непроницаемой окружностью и тмою,
 Сокрылъ дремучій лѣсъ засаду за спиною;
 Въ горѣ кремнистая ущелина была,
 Изъ коей выбѣгать Орда на брань могла.
- 515 Толь мѣсто сходное со мрачнымъ духомъ Царскимъ,
 Сношеніе свое имѣло съ градомъ Арскимъ,
 Который отъ горы лежалъ въ недалекѣ,
 Снаряды отправлялъ къ засадѣ по рѣкѣ,
 Роскошной пищею толпа сія снабдѣнна,
- 520 Была на быстрые набѣги учрежденна.

- Лишь только совершалъ теченье свѣтлый день,
 Луна на небо шла, сгущалася въ полѣ тѣнь;
 Тогда, какъ хищныя изъ мрачныхъ ныриць птицы
 Смущали Россіянъ чрезъ цѣлый кругъ седмицы;
- 525 Россійскій седьмъ ночей не зналъ покоя станъ.
 Съ досадою на сіе взираетъ Іоаннь;
 Онъ силы посылалъ набѣговъ сихъ къ отпору,
 Но воины его одну встрѣчали гору,
 Дремучій только лѣсъ, непроходимый путь,
- 530 Не люди гдѣ ходитъ, но вѣтры могутъ дуть.
 Ордынскаго Царя сей вымысль утѣшаетъ:
 Но Іоанну быть великимъ не мѣшаетъ.
 Толь часто видимыхъ ко отвращенью бѣдъ
 Ревнительныхъ вельможъ въ шатры свои зоветъ;
- 535 Открылъ вину, почто осадю коснѣеть:
 Подземный ходъ, вѣщаль, успѣховъ не иметъ;
 Засада приступъ намъ мѣшаетъ предпріять,

Намъ войскъ велику часть удобно потерять.

- Тогда Хилковъ возсталъ, являющъ умъ во взорахъ,
 540 Въ разсудкѣ плодovitъ, но кратокъ въ разговорахъ;
 Онъ рекъ Царю: Во вѣкъ мы града не возмемъ,
 Доколѣ изъ засадъ враговъ не изженемъ;
 Межъ дебрей и заразъ они въ лѣсахъ вмѣщенны;
 Но имъ дороги къ намъ отвсюду отворенны:
 545 Вели прерѣзати имъ со всѣхъ сторонъ пути;
 Но скромность надлежитъ въ сихъ подвигахъ блюсти,
 Засада коими привыкла къ намъ стремиться;
 Въ оврагахъ и горахъ вели своимъ сокрыться.
 Ко изстребленію Ордынскихъ наглыхъ силъ,
 550 Ты въ стрѣчу имъ пойдешь, они ударятъ въ тылъ;
 Есть Арскій близко градъ, тамъ скопище безбожно;
 Сіе гнѣздо враговъ разрушить вскорѣ можно;
 Отправь туда полки... Царь мужу внялъ сему,
 И съ Суздальскимъ велѣлъ уйти во градъ ему.
- 555 Но войски раздѣливъ, какъ тучу на двѣ части,
 Едину поручилъ Тверскаго Князя власти;
 Велѣлъ ему изъ горъ Ордынцовъ ожидать,
 Въ окопы пропустивъ, кроваву сѣчу дать;
 Къ порядку ратному оставшихся устроилъ,
 560 И тако воинство и духъ свой успокоилъ.
 Стрегущая Орду въ то время войска часть,
 Со Троекуровымъ терпѣла злу напасть;
 Возлечь Россіяне на ихъ мѣстахъ не смѣли,
 На копья опершись, мгновенный сонъ имѣли;
 565 Изъ за лѣсовъ густыхъ тревожитъ ихъ Казань:
 Имъ пища хлѣбъ сухой, столы ихъ были, длань;
 Любовь къ отечеству Россіянъ подкрѣпила,
 Сурову пищу ихъ, сонъ легкой заступила;
 Велико зло сіе, но меньше было тѣмъ,
 570 Что витязямъ судьба претила четверемъ
 Изъ града изходитъ. Какъ будто хищны враны,
 Отъ молній убѣжавъ, они цѣлили раны;
 Въ болѣзняхъ не могли Россіянъ возмущать:
 Причину скорби ихъ не время мнѣ вѣщать.
- 575 Но православія и нашихъ войскъ злодѣя,
 Рокъ лютой въ градъ привлекъ Нигрина чародѣя,
 Рамидина отца. Онъ внесъ войну, не миръ.
 Уже избавился отъ раны Гидромиръ;
 Возстали витязи Нигриномъ излѣченны;
 580 Но Россамъ грозы ихъ судьбою пресѣченны.

Уже три раза ночь сгущала мрачну тѣнь;
 Орда изъ засѣки въ четвертый вышла день,

- Которые себя по дебрямъ тайно крыли,
 Россіане враговъ ко стражѣ допустили;
 585 И стража начала въ окопы отступать,
 Дабы скрываясь, ровъ злодѣямъ изкопать.
 Побѣда вѣрная стремящимся польстила!
 Но Троекуровъ Князь врагамъ ударилъ съ тыла;
 Безстрашно изскочивъ на холмы изъ кустовъ,
 590 Съ мечами встрѣтили Россіане враговъ,
 Какъ звѣзды въ лѣтнюю ночь въ рѣкѣ изображенны,
 По небу движутся ни чѣмъ не возмущенны,
 Но вѣтры прилетѣвъ на крыліяхъ своихъ,
 Взволнують верьхъ рѣки и возколеблють ихъ:
 595 Такъ Россы съ двухъ сторонъ коней своихъ пустили,
 И варварски толпы смѣшали, возмутили.
 Казалось, храбрый духъ на крыльяхъ Россовъ несъ;
 Затворенъ градъ врагамъ, отрѣзанъ сзади лѣсъ;
 Блистають молніи, зіяетъ смерть отвсюду,
 600 Ни гдѣ спасенья нѣтъ, защиты ни откуду.
 Начальникъ нашихъ войскъ ихъ бѣдствомъ умиленъ,
 Злодѣямъ предложилъ неизбѣжимый плѣнъ.
 Великодушію враги сіи не внемлютъ,
 Отчаянную смерть въ свирѣпствѣ предприемлютъ.
 605 Какъ будто лютая склубившіся змія,
 Спѣшитъ разкинуться, во чревѣ ядъ тая:
 Такъ варвары сперва въ единый кругъ стѣснились,
 И вдругъ во всѣ страны разширились, пустились;
 Но будто твердою плотиною сонмамъ водъ,
 610 Прерѣзанъ воинствомъ Россійскимъ ихъ уходъ:
 Блестящіе мечи отвсюду засверкали;
 Тамъ Орды гробъ нашли, побѣды гдѣ искали;
 Перуны падаютъ, летаютъ копья въ нихъ:
 Пронзенъ въ гортань, упалъ Армазъ, начальникъ ихъ.
 615 Не узритъ вѣчно онъ ни дочерей, ни супруги;
 Оставили его и ближніе и други,
 Которые пришли дѣлать корысти съ нимъ;
 Судьба назначила подобный жребій имъ.
 Армазовъ юный сынъ погибнулъ смертью злою:
 620 Пронзенъ во грудь стрѣлой, песокъ чертитъ стрѣлою,
 Его во стременахъ строптивый конь влечетъ,
 И гдѣ влечется онъ, тамъ кровь ручьемъ течетъ.
 Казалось мечъ схвативъ свирѣпый ангелъ брани
 Какъ мѣльничны крылѣ вращалъ ужасны длани,
 625 Въ Ордынцовъ бросился, поля окровавилъ,
 Устами поглощалъ, стопами ихъ давилъ;
 Кони и всадники обратный путь теряютъ;
 Отъ смерти прочь текутъ, но смертью ускоряютъ.
 Какъ сонныхъ будто бы людей ночный пожаръ,

630 Ввергаетъ грозный бой въ безпамятство Татаръ;
Текутъ въ Россійскій станъ исполнены боязни;
Не родъ войны то былъ, но родъ жестокой казни.

Побѣда поднесла Россіянамъ вѣнецъ!...

Межь тѣмъ подземный ходъ свершился наконецъ,
636 За трудъ благій успѣхъ Россіянамъ награда!
Уже приблизились они подъ стѣны града;
Могила тайная, гдѣ лечь Казань должна,
Искуснымъ Розмысломъ была соружена,
И соотрѣтствуя намѣреніямъ Царскимъ,
640 Прорѣзанъ былъ подкопъ въ Казань къ воротамъ Арскимъ.
Коль жилы жизненны когда прерѣжетъ мечъ,
Тогда не можетъ кровь во связи оныхъ течъ:
Въ утробѣ такъ земной устроенные ходы,
Совокупленные пресѣкли съ градомъ воды.
645 Достигъ искусный мужъ подъ градски тайники,
И въ полѣ удержалъ гуляніе рѣки,
Которая во градъ свободный ходъ имѣла,
Почувствуя свой токъ пресѣченъ, онѣмѣла.
Казань къ струямъ ея печальный мещетъ взгляды;
650 Летитъ на крыліяхъ тосклива жажда въ градъ:
Смущенныхъ жителей приходъ ея тревожитъ;
И воображеніе ихъ жажду паче множитъ.

Но Розмыслъ тако рвы устроилъ въ сердцѣ горь,
Что слышать могъ въ землѣ Казанцовъ разговоръ:

655 Увы! что дѣлать намъ, въ подземномъ ходѣ внемлетъ,
Москва теченіе рѣки у насъ отъемлетъ.
По сводамъ раздался плачевный нѣкій гласъ:
И храбрыхъ витязей лишила ревность насъ;
Погибли! вопіютъ, скитаясь вкругъ бойницы,
660 Погибли! вопіютъ и жены и дѣвицы.

Повѣдалъ Розмыслъ то, что въ градѣ слышалъ онъ.
Къ осадѣ города не зрѣлося препонъ.
Познавый Іоаннъ Небесной помощь длани,
Селитрой вооружить велѣлъ подкопъ къ Казани.
665 Но долго Царь познать о таинствѣ не могъ,
Коль грозный витязей караль безъ брани рокъ.
О Муза! отъ твоихъ очей не скрыта древность:
Вѣщай, коль пагубна сердцамъ бываетъ ревность;
Среди военныхъ бѣдствъ и зримыхъ стѣнъ въ крови
670 Представъ ужасное позорище любви;
Не бойся перервать военну повѣсть, Муза!
Ты къ нѣгамъ отлетишь сихъ пѣсней для союза.

Въ горахъ, которыя объемлетъ мрачный лѣсъ,
Струяся, гдѣ лежитъ, высокихъ тѣнъ древесъ,

- 675 Которыя Гидаспъ водами напаяетъ,
Гдѣ вмѣстѣ грозный Еврѣ съ Зефиромъ обитаетъ;
Тамъ лютый волхвъ Нигринъ въ вертепѣ древнемъ жилъ:
Россіянъ изтребить онъ въ мысляхъ положилъ;
Волшебной прелестью для рыцарей опасну,
- 680 Въ бою безстрашную имѣлъ онъ дочь прекрасну;
Любовники отъ ней не отступали прочь,
Рамидою слыла пустынникова дочь.
Онъ вѣдая, что брань горитъ вокругъ Казани,
Умыслилъ приобрѣсть вѣнецъ въ кровавой брани,
- 685 Противу Христіянъ воителей возжечь,
И храбрыхъ витязей въ Казань съ луговъ отвлечь.
Коль многіе изъ нихъ, забывъ гремѣщую славу,
Забывъ родителей, отечество, державу,
Въ пустыню рабствовать къ пустыннику пришли!
- 690 Женоподобные съ Рамидой дни вели,
И къ нѣжности склонить прекрасну уповали.
Всегда пригожства лицъ виною зла бывали!
Сердечной слабостью любовкиковъ младыхъ,
Воспользовался волхвъ, и жаркой страстью ихъ.
- 695 Отъ дерзкихъ Христіянъ, онъ рекъ, Казань избавить,
Хочу я дщерь мою къ златой Ордѣ отправить;
Кто слѣдуя за ней, Россіянъ побѣдитъ,
Со мною тотъ союзъ и съ нею утвердитъ;
Тому въ приданое Казань и всѣ народы,
- 700 Которыхъ тамо есть безчисленные роды.
Не царство, не корысть, но тлѣнны красоты
Ввергаютъ рыцарей въ соблазны и въ мечты.
Сто храбрыхъ юношей ея очамъ предстали,
И мужество предъ ней мечами испытали;
- 705 Но брачный раздѣлить съ Рамидою вѣнецъ,
Осталось только три героя наконецъ:
Свирѣпый Гидромиръ, Мирседъ неустрашимый,
Бразинъ, во мнѣніяхъ своихъ непобѣдимый;
Всѣ трое думаютъ Рамидой обладать;
- 710 Но сердце женское удобнѣе отгадать!
Рамида никому любви не явила,
И паче ядъ въ сердцахъ прельщенныхъ разтравила;
Ласкаетъ всѣхъ троихъ, и всѣхъ троихъ крушить,
Но случай, случай все докажетъ и рѣшитъ!
- 715 Колико взоръ она и мысль ни притворила;
Но рана страсть ея Мирседова открыла;
Едва ушамъ ея коснулся слабый стонъ,
Примѣтилъ Гидромиръ, что ей пріятенъ онъ.
Разрывъ условія, съ Казанскихъ стѣнъ стремленье,
- 720 Догадки витязя служили въ подкрѣпленье;
Тогда мечталъ въ тоскѣ и злобѣ Гидромиръ,

- Что будто вокругъ его разрушился весь міръ;
 Смутили умъ его коварства и обманы:
 Онъ язву позабылъ, имѣвъ сердечны раны,
 725 Сіи тѣлесныхъ ранъ болѣзненнѣй сто кратъ!
 Пылая мщеніемъ, пришелъ обратно въ градъ;
 Но громомъ пораженъ отчаянной любви,
 Отъ скорби ослабѣлъ и отъ изтекшей крови;
 Рука, которая отъ язвъ его спасла,
 730 Погибель вѣчную Казани принесла.
 Отринулъ Гидромиръ, имѣя мысли черны,
 Спокойствія цвѣты, собравъ печалей терны;
 И рыцарства уставъ и совѣсть гонить прочь:
 Къ Рамидѣ онъ въ чертогъ пришелъ въ едину ночь,
 735 И тако ей вѣщаль: Рамида знаетъ вѣрно,
 Что я люблю ее, люблю ее безмѣрно;
 Твоею прелестью въ пустыню привлеченъ;
 Не сѣтоваль, что я отъ кровныхъ отлученъ;
 Пещеры предпочелъ долинамъ я цвѣтущимъ:
 740 И бѣдну хижину меня престоламъ ждущимъ;
 То все ты вѣдаешь, и вѣдаешь и то,
 Что храбростью со мной неравенъ есть никто;
 Россію ли одну у стѣнъ совокупленну?
 Могу къ твоимъ ногамъ повергнуть всю вселенну!
 745 Мнѣ стыдно подвиги съ Россіей измѣрять
 Пойдемъ со мной, пойдемъ вселенну покорять!
 Пойдемъ отсель! мнѣ брань безславная скучаетъ,
 Да нашу страсть вѣнецъ вселенныя вѣнчаетъ!
 Рамидѣ гордый духъ его извѣстенъ былъ;
 750 Противенъ рыцарь ей, коль много ни любилъ.
 Вѣщала: мнѣ велѣлъ того избрать родитель,
 Кто будетъ храбрыхъ войскъ Московскихъ побѣдитель,
 Я жду побѣды сей успѣховъ и конца;
 Незнающей любви, мнѣ всѣ равны сердца....
 755 Тогда, какъ будто бы желѣзо разкаленно,
 Которо блескъ даетъ отъ млатовъ возпаленно,
 Съ досадою Гидромиръ на витязьку воззрѣлъ,
 Свирѣпый гнѣва огонь въ очахъ его горѣлъ;
 Онъ рекъ: жестокая! тебѣ нужна побѣда!
 760 Мы всѣ тебѣ равны? а любишь ты Мирседа;
 Индѣйца слабаго сравнила ты со мной?
 Забудь его теперь, простися съ сей страной,
 Пойдемъ туда, гдѣ ждуть короны Гидромира;
 Пусть рыцари туда всего сберутся міра,
 765 Могу отвѣтъ съ мечемъ единъ вселенной дать;
 Умѣю ли тобой владѣть и побѣждать!
 За всѣ мои труды мнѣ ты одна награда;
 Мой конь уже готовъ, ступай со мной изъ града!

- Но дочь Нигринова кинжалъ свой извлекла,
 770 Постой, преступникъ клятвъ! постой! она рекла,
 Рамида данныхъ клятвъ Нигрину не забудеть;
 Кто Россовъ побѣдитъ, моимъ супругомъ будетъ;
 Ты клятву далъ сію, и тако всѣ клялись:
 Иди противъ враговъ, или со мной сразись!...
- 775 Питая Гидромиръ къ Рамидѣ уваженъе,
 Съ дѣвицей почиталъ презрительнымъ сраженъе;
 Однако гордую ея внимая рѣчь,
 Изъ града силою хотѣлъ ее извлечь;
 Но пробужденные отъ крѣпка сна Нигриномъ,
 780 Къ Рамидѣ во чертогъ вбѣжалъ Мирседъ съ Бразиномъ:
 Когда уже себя Срацынъ успѣхомъ льстилъ,
 И весь щитомъ закрыть, Рамиду ухватилъ,
 Какъ будто двѣ зміи, свои изсунувъ жалы,
 Изторгли рыцари блестящіе кинжалы;
- 785 Клятвопреступнику въ хребетъ вонзаютъ ихъ.
 Познавый Гидромиръ соперниковъ своихъ,
 Подобны молніямъ свирѣпы взоры мечеть.
 Рамиду заступивъ бѣнуется, скрежещеть,
 Всю трату онъ свою въ умѣ вообразилъ:
- 790 Мечъ поднѣлъ, наступилъ, соперниковъ сразилъ:
 Во звѣрской ярости отсѣкъ главу Мирседу,
 Онъ вскрылъ Бразину грудь и довершилъ побѣду!
 Рамида въ оный мигъ, къ спасенью своему,
 Вонзила мстительный кинжалъ въ гортань ему.
- 795 Омылись рыцари дымящеюся кровью,
 Пошли ихъ души въ адъ съ позорною любовью;
 Потоки крови ихъ бѣгутъ другъ другу въ слѣдъ.
 Рамида видѣща, что мертвъ лежитъ Мирседъ,
 Падеть, надъ нимъ падеть, и тѣло лобызаетъ,
- 800 Въ отчаянѣ она кинжаломъ грудь пронзаетъ...
 Нещастная любовь! прежалостный конецъ!
 Вотъ жребій жаждущихъ плотскихъ утѣхъ сердецъ!

- Нигринъ въ смущеніи въ чертогъ къ Рамидѣ входитъ;
 На мертвыя тѣла туманный взоръ возводитъ,
 805 Воителей въ крови, Рамиду познаеть.
 Что вижу я! увы! что вижу! вопіеть:
 О дочь, любезна дочь! твои затмились взоры,
 Лишилась въ рыцаряхъ Казань своей опоры.
 Но не разстануся навѣки съ вами я;
- 810 Наука оживитъ моихъ друзей моя.
 Наполнилъ страшными геенну онъ словами,
 И превратилъ тѣла крылатыми зміями.
 Въ семъ видѣ, онъ вѣщаль, вы должны въ мірѣ жить
 И въ пагубу при мнѣ Россіянамъ служить.

- 815   Но горестъ излилась какъ ядъ въ сердца народу,
Что отнялъ рокъ у нихъ и рыцарей и воду,
Уже погибели не изчисля мѣръ,
Въ отчаяніе впалъ жестокой Едигеръ;
Съ народа для Москвы въ умѣ собираетъ дани,
820 И хочетъ отворить Царю врата Казани;
Но часъ Россіянамъ побѣды не притекъ.
Предсталъ Нигринъ Царю, и тако въ гнѣвѣ рекъ:
О Царь! не унывай; я власть еще имѣю,
И Россовъ отвратить отъ стѣнъ твоихъ умѣю:
825 Я воду източу изъ воздуха для васъ;
Отмщу за дщерь мою, воздвигну стужи, мразъ,
Воздвигну хитрости волшебныя отъ града,
Свирѣпость оружу подвластнаго мнѣ ада;
Не могутъ мщенія злодѣи претерпѣть:
830 Оставятъ градъ, иль имъ подъ градомъ умереть!
Помедли три луны; о Царь! я вѣрно льщуся,
Что съ бурями къ тебѣ и съ мразомъ возвращуся....
Вѣщая тѣ слова, на мрачный облакъ сѣлъ,
И влечь себя зміямъ крылатымъ повелѣлъ.
835 Они бы въ ярости другъ друга изстребили,
Когда бы не волхвомъ обузданными были.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
5 Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣтъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ времянь сестра,
10 Покрыта сѣдиной, проворна и бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфиною одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
15 Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая движенья не имѣетъ:
20 Ни воздухъ тронуться, ни огонь пылать не смѣетъ;
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растопленна надъ сводами лучами,
Оканменѣвъ виситъ волнистыми слоями.
25 Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но все застужено, натура вся мертва;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ иніи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятели вьются вокругъ и производятъ бѣгъ,
30 Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Стѣсненны мразами, составили снѣга
Сребристые бугры, алмазные луга;
35 Оттолкъ къ намъ Зима державу простираетъ,
Въ поляхъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесныя сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ,

40 День гонить прочь отъ насъ, печальныя длить ночи,
 И солнцу отвращать велить свѣтѣящи очи;
 Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждуть,
 И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
 На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.

Влекомъ зміями къ ней, Нигринъ въ пещеру входитъ;
 45 Безбожный чародѣй, вращая смутный взглядъ,
 Почувствовалъ въ крови и въ самомъ сердцѣ хладъ;
 И превратился бы Нигринъ въ студеной камень,
 Когдабъ не согрѣвалъ волхва геенскій пламень;
 Со страхомъ осмотрѣвъ ужасныя мѣста,
 50 Отверзъ дрожащія и мерзлыя уста,
 И рекъ царицѣ мѣсть: О страхъ всея природы!
 Тебя боится громъ, тебя огонь и воды;
 Мертвѣютъ вокругъ тебя натуры красоты,
 Она животворитъ, но жизнь отъемлешь ты;
 55 Хаосъ тебѣ отецъ, и дочь твоя Ничтожность!
 Поборствуй тартару, и сдѣлай невозможность:
 Хотя затворена твоихъ вертеповъ дверь,
 И осень царствуетъ въ полунощи теперь;
 Разрушь порядокъ свой, сними, сними заклепы,
 60 Мятели свободы, морозъ, снѣга свирѣпы,
 Необнаженная и твердая земля,
 Теперь одры для нихъ цвѣтущія поля;
 Теперь безстрашные Россіяне во брани,
 Ругаяся тобой, стоятъ вокругъ Казани;
 65 Напомни имъ себя, твою напомни мочь:
 Гони ихъ въ дома вспять отъ стѣнъ Казанскихъ прочь;
 Твои способности, твою возможность знаю,
 И тартаромъ тебя въ семъ дѣлѣ заклиною,
 Дай бури мнѣ и хладъ!... Согбенная Зима,
 70 Россійской алчуща погибелью сама,
 На льдину опершись, какъ мраморъ побѣлѣла,
 Дохнула — стужа вмигъ на крыльяхъ излетѣла.
 Родится лишь морозъ, уже бываетъ сѣдъ,
 Къ чему притронется, преобразуетъ въ ледъ,
 75 Гдѣ ступить, подъ его земля хруститъ пятою,
 Стѣсняетъ, жметъ, мертвитъ, сражаясь съ теплотою;
 Свои изчадія въ оковы заключивъ,
 Вѣщала такъ Зима Нигрину, поручивъ:
 Возьми алмазну цѣпь влеки туда свободно,
 80 Гдѣ мразовъ мощь тебѣ испытывать угодно;
 Се вихри! се снѣга! иди... Явлюсь сама;
 Явлюсь Россіянамъ... узнаютъ, кто Зима!

Подобенъ съ вѣтрами плывущу Одиссею,
 Нигринъ отправился въ Казань съ корыстью сею,

- 85 При всходѣ третіей луны къ Царю притекъ;
 Народу съ бурями отраду онъ привлекъ.
 При вихряхъ радости повѣяли во градѣ,
 Когда готовились Россіяне къ осадѣ.
 Но прежде чемъ Нигринъ простеръ на Россовъ гнѣвъ,
 90 Четырехъ свободилъ отъ пагубы змѣевъ:
 Рамида, любяща обильны прежде паствы,
 И млечныя отъ стадъ и съ поля вкусны яствы,
 Веселій ищуща во прахѣ и въ пыли,
 Рамида скрылася во внутренность земли.
 95 Который изъ любви сліялъ себѣ кумира,
 Токъ водный поглотилъ на вѣки Гидромира,
 Единымъ суетамъ идущій прежде въ слѣдъ,
 Въ стихію прелетѣлъ воздушную Мирседъ,
 Бразинъ пылающій свирѣпостью и гнѣвомъ,
 100 Геенны поглощенъ ненасытимымъ зѣвомъ,
 И тако перешелъ въ печально царство тмы.

Но что при сихъ мечтахъ остановились мы!
 Готовяся Казань изобразить погранну,
 О Муза! обратимъ нашъ взоръ ко Іоанну.

- 105 Уже въ подобіе чреватыхъ горъ огнемъ,
 Селиторою подкопъ наполненъ былъ совѣмъ;
 И смерть имѣющій въ своей утробѣ темной,
 Горящей искры ждалъ въ кромешности подземной.
 Подъ градомъ адъ лежитъ; во градѣ мразъ и хладъ!
 110 Царъ ждетъ, доколь Хилковъ приидетъ въ станъ назадъ.
 И се полки его съ Хилковымъ возвратились,
 И гладны времена въ роскошны претворились;
 Сокровища свои хранила гдѣ Орда,
 Градъ Арскій, яко прахъ, развѣянъ былъ тогда;
 115 Изчезнулъ древними гордящійся годами,
 Пустыни принялъ видъ, разставшись со стадами.
 Россіяне его остатковъ не спасли;
 Съ побѣдой многія богатства принесли.
 Терпящи нищету, и гладомъ утомленны,
 120 Россійски вдругъ полки явились оживленны;
 На части пригнанныхъ дѣлятъ стада воловъ,
 Пиры составились на высотѣ холмовъ;
 Ликують воины, припасами снабженны,
 И злато видно тамъ и ризы драгоцѣнны.
 125 Но совѣсть воинамъ издалика грозить,
 Которыхъ злата блескъ и роскошь заразить;
 Герои таковы надежда есть Державы,
 Которымъ льстятъ одни вѣнцы безсмертной славы;
 Но Царъ внесенныя сокровища къ нему,

- 130 Въ награду воинству назначилъ своему.
 Такою храбрость ихъ корыстью награжденна,
 Могла корыстью быть взаимно побѣжденна,
 И вскорѣ то сбылось!... Отважный Иоаннъ
 Уже повелѣвалъ подвигнуть ратный станъ;
- 135 Въ долинахъ воинство препятства не встрѣчало,
 Осады пламенной приближилось начало.
 Возволновался вдругъ природы стройный чинъ:
 Пришедый съ бурями и мразами Нигринъ,
 На стѣны съ вихрями какъ облако восходить,
- 140 Оковы съемлетъ съ нихъ, въ движеніе приводитъ;
 На войски указавъ, лежащи за рѣкой,
 Туда онъ гонить ихъ, и машетъ имъ рукой:
 Летите! вопіеть, на Россовъ дхните прямо!
 Разсыпьте тамъ снѣга, развѣйте стужи тамо!...
- 145 Онъ бури свободивъ, вертится съ ними вкругъ¹.
 Какъ птицы хищныя, спущенны съ путель вдругъ,
 Поля воздушныя крилами разсѣкають,
 На стадо голубей паренье устремляють:
 Съ стремленьемъ таковымъ оставивъ скучный градъ,
- 150 На бѣлыхъ крыліяхъ летять морозы, хладъ,
 И воздухъ льдистыми наполнился иглами,
 Россіянъ снѣжными покрылъ Борей крилами;
 Поблекла тучная зеленость на лугахъ;
 Вода наморщилась и стынетъ въ берегахъ;
- 155 Жестокая Зима на паствы возлегаетъ,
 И грудь прижавъ къ землѣ, жизнь къ сердцу притягаетъ:
 У щедрой Осени престолъ она беретъ,
 И пухъ изъ облаковъ рукой дрожащей третъ.
 Мертвѣють вѣтвями лѣса кругомъ шумящи;
- 160 Главы склонили внизъ цвѣты, поля красящи;
 Увяла сочная безвременно трава,
 Натура видима томна, блѣдна, мертва;
 Стада, тѣснимыя мятелями и хладомъ,
 Въ единый жмутся кругъ, и погибають голодомъ;
- 165 Крутится по льду вихрь, стремится воздухъ сжать;
 Не могутъ ратники оружія держать.
 Изъ облака морозъ съ стрѣлами вылетаетъ,
 Всѣхъ ранить, всѣхъ язвить, дыханье отнимаетъ.
 Россійски ратники уже не ко стѣнамъ,
- 170 Но храбростью горя, бѣгутъ къ своимъ огнямъ;
 И тамъ студеныя вихрь возженный пламень тушитъ,
 Зима всѣ вещи въ ледъ преображаетъ, сушитъ.
 Не грѣетъ огонь, вода рѣчная не течетъ,
 Земля сѣдѣетъ вкругъ, и воздухъ зрится сѣдъ.

¹* О семъ волхвованіи Лѣтописатели тогдашнихъ временъ согласно повѣствуютъ.

- 175 Уже спасенія Россіяне не чають;
 Смущенны, на стѣнахъ Нигрина примѣчаютъ,
 Который въ торжествѣ съ Казанцами ходилъ,
 Руками дѣйствуя, морозы наводилъ.
 Сіе Казанское лукавое злодѣйство
- 180 Признали ратники за адско чародѣйство.
 Вступивше солнце въ знакъ Вѣсовъ узрѣвъ они,
 Далеко отъ себя считали зимни дни;
 Въ противны времена естественному чину,
 Поставили зимѣ волшебную причину.
- 185 Нигринъ, который ихъ тревожить продолжалъ,
 Россіянь вихрями и стужей поражалъ.
- Но Царь благій совѣтъ священныхъ старцевъ внемлетъ,
 Который помощью врачебною приѣмлетъ;
 И чародѣйствіе и тартаръ отразитъ,
- 190 Велѣлъ поднѣвъ Хоругвь священну водрузитъ,
 На ней изображенъ въ сіяніи Спаситель,
 Геенскихъ умысловъ всемошнй побѣдитель;
 Святыня на челѣ, во взорахъ Божество,
 Сулили надъ врагомъ Россіи торжество.
- 195 Благопріятствуетъ Россіи мысль Царева;
 Во знамѣ часть была животворяща древа,
 На коемъ Божій Сынъ, являя къ намъ любовь,
 Къ спасенью грѣшниковъ безцѣнну пролилъ кровь;
 И сею кровью міръ отъ ада избавляетъ.
- 200 Се! вѣрныхъ Крестъ святой вторично изкупляетъ.
 Божественную пѣснь священники поютъ;
 Возжегся ѳиміямъ, и бури престають.
 Свѣтило дневное воздушны своды грѣя,
 Обезоружило свирѣпаго Борея;
- 205 Зефирами гонимъ, онъ тяжко возстеналъ,
 Мятели предъ собой, и бури вспять погналъ.
 Теряютъ силу всю Нигриновы угрозы,
 Вѣтръ крылія свернулъ, ушли въ Кавказъ морозы;
 Сѣдые у Зимы растаяли власы;
- 210 Приѣмлютъ жизнь въ поляхъ естественны красы.
 Но риза, чемъ была Казань вокругъ стѣнъ одѣта,
 Та риза солнечнымъ сіяніемъ согрѣта,
 Лишилась бѣлизны и разступилась врозь,
 Тончаетъ, и хребетъ земный проходитъ сквозь.
- 215 Россіянь строгая зима не побѣдила,
 Но снѣжная вода подкопы повредила;
 Она въ утробу ихъ ручьями протекла,
 Селитру пламенну въ недѣйство привела.

- Явленіемъ святымъ животворятся войски,
- 220 Воскресли въ ихъ сердцахъ движенія геройски;

И видя помощь къ нимъ низпосланну съ небесъ,
 Ликують посреди Божественныхъ чудесъ.
 Къ осадѣ ихъ сердца, готовы къ бранямъ руки;
 При пѣннѣ святомъ внимають трубы звуки.

- 225   Адашевъ и Алей! и вашу кротость зрю:
 Вы мира сладости представили Царю;
 Ко ближнему любви, и кротости послушный,
 Приемлетъ Іоаннъ собѣтъ великодушный;
 Онъ видѣлъ всѣхъ подпоръ лишенную Казань,
 230 И руку удержалъ, держащу громъ и брань;
 Предпочитающій сраженіямъ союзы,
 Съ Казанца плѣннаго снимаетъ тяжки узы;
 Велитъ его во градъ мятежный отпустить,
 И тамо ихъ Царю съ народомъ возвѣститъ,
 235 Что рока близкаго себя они избавятъ,
 Когда Россіянамъ ихъ древній Градъ оставятъ;
 Или врата свои Монарху отворя,
 Примутъ отъ него законы и Царя,
 И тако возвратятъ наслѣдіе и правы
 240 Обиженной отъ нихъ Россійскія державы.

Нечаянной своей свободой восхищенъ,
 Казалось, плѣнникъ былъ крилами въ градъ несенъ.
 Простерла ночь тогда съ звѣздами ризу темну,
 И Розмыслъ паки вшелъ во глубину подземну.

- 245 Сумнѣніе съ Ордой о мирѣ Царь имѣлъ,
 Водой размытый путь исправить повелѣлъ;
 Гробница мрачная была совсѣмъ отверста,
 И городъ поглотить, ждала ко знаку перста.

Въ то время свѣтлыя открылись небеса,

- 250 Во мракъ озаривъ различны чудеса:
 Внѣ града слышались Казанскихъ тѣней стоны,
 Внимались во стѣнахъ церковей Россійскихъ звоны;
 Остановилося теченье ясныхъ звѣздъ,
 Простерлась лѣствица къ землѣ отъ горнихъ мѣстъ,
 255 Небесны жители на землю низходили,
 И Россамъ вѣрную побѣду подтвердили.
 Надъ градомъ облако багровое лежитъ,
 Вдыхають горы тамъ, и зданіе дрожитъ;
 Тамъ жены горькихъ слезъ не знаютъ утоленья:
 260 Вѣщаютъ близкій рокъ имъ страшныя явленья;
 Ожесточенная и гордая Казань
 Крѣпится, бодрствуетъ и движется на брань;
 Такъ змій, копьемъ пронзень, болѣнію не внемлетъ,
 Обвившись вокругъ копья, главу еще подѣмлетъ.
 265 Нигринъ пророчествомъ Казанцовъ веселитъ,

Даетъ видѣньямъ толкъ, побѣду имъ сулитъ.
Невольникъ присланный во градъ остается;
Съ другими во стѣнахъ онъ вскорѣ погребется.

- Едва заря луга румянить начала,
270 Упала предъ Царемъ пернатая стрѣла,
Которую Казань съ высокихъ стѣнъ пустила;
Посланіе къ стрѣлѣ съ презрѣньемъ прикрѣпила:
Какъ древу сей стрѣлы вовѣкъ не процвѣтатъ,
Такъ Россамъ царства вѣкъ Ордѣ не уступать...
- 275 Уступите его! вѣщаетъ Царь съ досадой,
И войска двинулся съ великою громадой.
Такъ басни брань боговъ изображаютъ намъ,
Когда Олимпъ отмщаль ихъ злость земнымъ сынамъ;
Перунами Зевесъ со многозвѣздна трона,
280 Разиль кичливаго и гордаго Тифона;
Весь адъ вострепеталь, и всей вселенной связь,
Въ тревогѣ ропотной дрожала устрашась.
Со всѣхъ сторонъ трубы во станѣ возгремѣли,
Казанцы робкіе смутились, онѣмѣли;
- 285 Но видя молніи оружіемъ подъ стѣной,
Весь градъ, объемлемый какъ будто пеленой;
Казанцовъ Едигеръ на стѣны призываетъ.
Отчаянье плодомъ свирѣпости бываетъ!
Отрыгнувъ подлую Россіянамъ хулу,
290 Готовятъ на стѣнахъ кипящую смолу;
Гортани мѣдныя, рыгающія пламень,
Горящи угля, песокъ, разженный камень;
Блистаютъ тучи стрѣлъ Россіянь отражать;
Не можетъ Россовъ громъ ни пламень удержать;
- 295 Какъ будто посреди цвѣтовъ въ глухой пустынь,
Роскійскіе полки дерзаютъ въ стройномъ чинѣ;
Подобно молніямъ доспѣхи ихъ горять;
Казалось, то орлы противу тучъ парятъ:
Весь воздухъ пѣніе святое наполняетъ.
- 300 Самъ Богъ, самъ Богъ съ небесъ идущихъ осѣняетъ,
И лаврами побѣдъ благословляетъ ихъ!
Остановился вѣтръ, и шумъ рѣчный утихъ;
Повсюду теплое возносится моленье;
Во градъ слышанъ вопль, внѣ града умиленье;
- 305 Въ стѣнахъ гремѣющій звукъ тревогу возтрубилъ,
Но онъ пронзительнымъ подобенъ стонамъ былъ;
Унывны внемлются тамъ гласы мусикійски;
Благоговѣніе бодритъ полки Россійски;
За вѣру и народъ грядутъ ополченны,
310 Со псалмопѣніемъ священные Чины;
Святою воинство водою окропляютъ,

- И храбрости огни во ратникахъ пылають.
 Какъ солнце, видимо во славѣ при веснѣ,
 Такъ войску Царь предсталъ, сѣдящій на конѣ;
 315 Онъ взоромъ нову жизнь Россіянамъ приноситъ,
 Господней помощи сражающимся проситъ:
 О Боже! вошеть, вѣнчаемый Тобой,
 Мамаю сокрушилъ Димитрій, предокъ мой,
 У Невскихъ береговъ Тобой попранны Шведы;
 320 Тамъ храбрый Александръ пожалъ вѣнецъ побѣды:
 Коль благо мы Твое умѣли заслужить,
 Дай помощь намъ, Казань, о Боже! низложить,
 Вели торжествовать Твоей святыни дому,
 Онъ рекъ; слова его подобны были грому,
 325 Въ пылающихъ сердцахъ Россіянъ раздались,
 И стѣны гордыя Казани потряслись,
 Промчался въ полѣ гласъ, какъ нѣкій шумъ дубровы:
 Пролить за вѣру кровь Россіяне готовы!
 И вдругъ умолкнулъ шумъ, настала тишина:
 330 Такъ вышедъ на брега, смиряется волна.

- Тогда послѣдую благоволеньямъ Царскимъ,
 Князь Курбскій изцѣленъ, къ вратамъ подвигся Арскимъ;
 Съ другой страны покрылъ Нагайскихъ часть полей,
 Съ отборнымъ воинствомъ безстрашный Царь Алей.
 335 Какъ камни нѣкіе казалися въ пучинѣ,
 Вельможи храбрые Россійскихъ войскъ въ срединѣ;
 Различной красотой убранство ихъ цвѣтетъ,
 Но разности въ огнѣ сердечномъ къ славѣ нѣтъ.
 Полки, какъ Богъ міры, въ порядокъ Царь уставилъ,
 340 И давъ движеніе имъ, къ осадѣ ихъ направилъ.
 Вдохнувъ совѣты имъ, склонился Іоаннъ
 Къ моленью теплому въ неотдаленный станъ;
 Но войску повелѣлъ идущему ко граду,
 Услышавъ грома звукъ, начать тотчасъ осаду.
 345 Сей знакъ съ надежной былъ побѣдой сопряженъ;
 Ужъ Розмыслъ вшелъ въ подкопъ, огнемъ вооруженъ,
 И молнія была въ рукахъ его готова;
 Ужасный громъ родить, онъ ждалъ Царева слова.
 Тогда воздѣвъ глаза и руки къ небесамъ,
 350 Молитвы теплыя излилъ Владѣтель самъ,
 Господь съ умильностью молитвамъ Царскимъ внимлетъ;
 Любовь возноситъ ихъ, щедрота ихъ приѣмлетъ:
 Надежда съ горнихъ мѣстъ, какъ молнія изъ тучъ,
 Царю влилася въ грудь и проліяла лучъ.
 355 Воззвалъ, внимающій святую литургію:
 О Боже! подкрѣпи, спаси, прославъ Россію!...
 И Богъ къ нему простеръ десницу отъ небесъ.

- Едва сей важный стихъ Пресвитеръ произнесъ:
 Единый пастырь днесъ едина будетъ стада...
- 360 Разрушился вдругъ подъ градомъ связи ада;
 Поколебалися и горы и поля;
 Ударилъ страшный громъ, разсѣлася земля;
 Трепещеть, мечется и воздухъ весь сгущаетъ,
 Казалось, міръ въ хаосъ Создатель превращаетъ;
- 365 Разверзлася мрачна хлябь, изходитъ дымъ съ огнемъ,
 При ясномъ небеси не видно солнца днемъ.
 Мы видимъ ветхаго въ преданіяхъ закона,
 Какъ стѣны гордаго упали Ерихона,
 Едва гремящихъ трубъ стѣнамъ коснулся звукъ:
- 370 Казански рушились твердыни тако вдругъ.
 Разторгнувъ молніи проломъ въ стѣнахъ возженныхъ,
 И побѣдителей страшатъ и побѣжденныхъ.
 Осыпалъ темный прахъ и горы и луга;
 Земля волнуется, вздыхаютъ берега,
- 375 Изображеніе Казанскія напасти,
 Летаютъ ихъ тѣла, разторгнуты на части.
 Въ развалинахъ они кончаясь вопіютъ,
 Но громы слышатъ ихъ стенанья не даютъ.
 Нигринъ, отломкомъ въ грудь отъ камня пораженный,
- 380 Валится вмѣстѣ съ нимъ въ глубокой адъ безденный;
 Вращаясь летѣлъ три дни, три ночи онъ;
 Въ гееннѣ рветъ власы, пускаетъ тяжкій стонъ.
 Приемлетъ таковой конецъ всегда злодѣйство!
- Но дымъ густой закрылъ полковъ Россійскихъ дѣйство;
- 385 Князь Курбскій съ воинствомъ кидается въ проломъ,
 Огонь черезъ огни, чрезъ громы вноситъ громъ;
 Преходитъ градски рвы, стѣною заваленны,
 Преграды разметалъ, огнями возпаленны.
 Какъ бурная вода, плотину разорвавъ,
- 390 Вломился онъ во градъ, примѣръ другимъ подавъ;
 По стогнамъ жителей встрѣчающихся рубить,
 Разить, стѣсняетъ, жметъ, побѣду въ градѣ трубить,
 Съ другой страны Алей, какъ будто страшный левъ,
 Съ полками на раскатъ и съ громомъ возлетѣвъ,
- 395 По лѣствицамъ стрѣльницъ Казанскихъ досягаетъ,
 Кипящій варъ, песокъ, огонь пренебрегаетъ;
 Онъ пламень отряхнувъ со шлема и власовъ,
 Касается одной рукою стѣнъ зубцовъ;
 Другой враговъ разить, женеть, на стѣны всходитъ;
- 400 Неустрашимостью страхъ, ужасъ производитъ.
 Какъ солнечнымъ лучемъ влекомая вода,
 Текутъ ему во слѣдъ его полки туда.
 О диво! вносятся знамена не руками,

- Возносятся они на стѣны облаками.
- 405 Какъ легкимъ бурный вѣтръ играющій перомъ,
Россіяне враговъ сѣвергають бросивъ громъ.
Со трепетомъ мѣста Казанцы покидаютъ,
Кидаются со стѣнъ, иль паче упадаютъ.
Но яко часть горы, отъ холма отдѣлясь,
- 410 Валить дубовый лѣсъ, со стукомъ внизъ катясь;
Или какъ грудью вѣтръ корабль опровергаетъ:
Шумящъ оружіемъ, Алей во градъ вбѣгаетъ:
Все ломить и крушить, отмщеніемъ разжень,
Ему не внятенъ стонъ мужей, ни вопли женъ.
- 415 Россійскіе полки, Алеемъ ободренны,
Бросаются къ врагамъ, какъ тигры разъяренны;
Стѣсняють, колятъ, бьютъ, сражаются; и вдругъ
Услышали вблизи мечей и копій звукъ;
Россіяне враговъ, друзей Казанцы чають;
- 420 Но Курбскаго въ дыму далеко примѣчаютъ,
Который на копѣ противника небесъ,
Вонзенную главу Ордынска Князя несъ;
Померклыхъ глазъ она еще не затворила,
И мнится жителямъ смиритесь! говорила.
- 425 Сей Князь съ державцемъ ихъ воспитанъ вмѣстѣ былъ,
Къ Россіи за вражду народъ его любилъ;
Но зря его главу несому предъ полками,
Смутились, дрогнули, и залились слезами.
Казалось, казнь и смерть отчаянныхъ разить,
- 430 Такоежъ бѣдство имъ, иль вящее грозить,
Зіяютъ изъ главы, имъ зрится, черны жалы.
Казанцы въ ужасѣ изторгли вдругъ кинжалы;
Единъ изъ воиновъ въ неистовствѣ речеть:
Вы видите, друзья! что намъ спасенья нѣтъ;
- 435 Предупредимъ позоръ и намъ грозящи муки,
У насъ кинжалы есть, у насъ остались руки;
И вдругъ кинжалъ вонзилъ внутрь чрева своего;
Дрожаща внутренна упала изъ него.
Жестокій сей примѣръ другихъ ожесточаетъ:
- 440 Братъ брата, сынъ отца въ безумствѣ поражаетъ;
Междоусобное сраженъе началось,
И крови озеро со звѣрствомъ пролилось.
Безчеловѣчное такое видя дѣство,
Россійски воины забыли ихъ злодѣйство;
- 445 Ко избавленію враждующихъ текутъ,
Вломившись въ тѣсноту, изъ рукъ кинжалы рвутъ,
Смиряютъ варваровъ, ихъ злобу утоляютъ,
Хотящихъ смерти имъ, отъ смерти избавляютъ.
Но жалить иногда полмертвая змѣя
- 450 Спасителей своихъ, въ утробѣ ядъ тая:

- Единъ признательнымъ Ордынцемъ притворился,
 Весь кровью орошенъ, онъ Россамъ покорился.
 Лишь только подступилъ Россіянинъ къ кому,
 Онъ мечъ его схративъ, вонзилъ во грудь ему,
 455 Къ Алею бросился съ поносными рѣчами,
 И тамо кончилъ жизнь пронзенный сквозь мечами.
 Другіе дней скончать спокойно не могли;
 На кровы зданіевъ горящихъ потекли,
 Стрѣлами и огнемъ Россіанъ поражали,
 460 Старая, мщенья жаръ въ герояхъ умножали.
 Россіанъ огонь губилъ и улицъ тѣснота;
 Но града часть сія уже была взята.
 Какъ два источника, съ вершины горъ текущи,
 И камни тяжкіе и съ корнемъ лѣсъ влекущи,
 465 Гремящею волной разятъ далече слухъ;
 Полстада потерявъ на холмъ бѣжитъ пастухъ
 Трепещущъ и унылъ на пажити взираетъ,
 Которы съ хижиной токъ бурный пожираетъ:
 Тамъ съ Курбскимъ Царь Алей побѣды умножалъ;
 470 Такъ робко Едигеръ отъ грома прочь бѣжалъ;
 Разрушилась его надежда со стѣнами;
 Онъ скрылся въ истуканъ съ прекрасными женами:
 Пророчествомъ своихъ волхвовъ предубѣжденъ,
 Еще ласкался быть на тронѣ утвержденъ.
 475 Уже Россіяне препоны не встрѣчали,
 И вскорѣбъ лавры ихъ во градѣ увѣнчали;
 Но вдругъ сквозь бурный огонь, сквозь пыль, сквозь черный дымъ,
 Корыстолюбіе какъ тѣнь явилось имъ:
 Ихъ взоры, ихъ сердца, ихъ мысли обольщаетъ,
 480 Ищите въ градѣ вы сокровищей, вѣщаетъ.
 Затмились разумы, прельстился золотомъ взоръ,
 О древнихъ стыдъ времянь! о воинства позоръ!
 Кто въ золото влюбится, тотъ славу позабудетъ,
 И тверже сердцемъ онъ металловъ твердыхъ будетъ.
 485 Прельщенны ратники, принявъ корысти ядъ,
 Для пользы собственной берутъ, казалось, градъ,
 Какъ птицы хищныя къ добычѣ устремились;
 По стогамъ потекли, во зданія вломились,
 Корыстолюбіе повсюду водить ихъ,
 490 Велитъ оставить имъ начальниковъ своихъ.
 Уже на торжищахъ грабленіемъ дѣлятся;
 Но хищники своей бѣдою веселятся.
 Серебро успѣло ихъ отравой заразить;
 Возможно ль было ждать, возможно ль вообразить?
 495 Тамъ жребій ратники на смерть свою метали;
 Единодушные противниками стали,
 Раздоръ посѣялся, изъ рукъ одежды рвутъ,

И рѣки за сребро кровавыя текутъ,
 Забыта важная отечеству услуга;
 500 Лишаютъ живота Россіане другъ друга.
 Коликихъ ты корысть бываешь золь виной!
 Отломки золота за градъ влечетъ иной;
 Иной на тлѣнъ и прахъ исполненный надежды,
 Окровавленные уносятъ въ станъ одежды:
 505 Но прежній другъ его за нимъ съ мечемъ бѣжитъ,
 Сражаетъ, и надъ нимъ пронзенный мертвъ лежитъ.

Ко славѣ пламенемъ и ревностью возженны,
 Князь Курбскій и Алей симъ видомъ раздраженны,
 Какъ вихри мчатся въ слѣдъ и воинамъ рекутъ,
 510 Которые отъ нихъ къ грабленію текутъ:
 Стыдитесь! вспомните, что Россами родились,
 Не славой вы теперь, но тлѣномъ ослѣпились;
 Побѣда вамъ и честь стяжаньемъ быть должна.
 Рекутъ, но рѣчь сія бѣгущимъ не слышна!
 515 Къ отважности Алей и власти прибѣгаетъ:
 Совѣтомъ не успѣвъ, онъ мечъ свой изторгаетъ,
 И потомъ орошень, бѣгущимъ въ слѣдъ течетъ;
 Вамъ лучше кончить жизнь во славѣ, онъ речетъ,
 Чѣмъ слыть грабительми!... Тогда до Іоанна
 520 Достигла вѣсть: Казань взята, попрашна.
 Доколь побѣдою пророкъ не возгремѣлъ,
 Дотолѣ руки вверху простертыя имѣлъ,
 Молитвой теплою рѣшилась брань велика;
 И тако поразилъ во брани Амалика:
 525 Держалъ въ объятіяхъ своихъ святой олтарь,
 Доколь побѣды гласъ услышалъ съ громомъ Царь.
 Онъ пролилъ токи слезъ, какія множить радость,
 Производя въ душѣ по тяжкихъ скорбяхъ сладость;
 И только рѣчь сію промолвить въ плачѣ могъ:
 530 Законъ Россійскій святъ! великъ Россійскій Богъ!
 Надъ нимъ летающа съ трубою зрѣлась Слава,
 Въ очахъ, въ лицѣ его ликуетъ вся держава;
 Подобенъ небесамъ его казался взглядъ;
 Съ оруженосцами онъ шествуетъ во градъ.
 535 Такъ видится луна звѣздами окруженна;
 Иль множествомъ цвѣтовъ въ лугахъ весна блаженна;
 Или объемлемы волнами корабли;
 Иль между сель Москва стояща на земли:
 Его пришествіе побѣда упреждаетъ,
 540 И слава подданныхъ Монарха услаждаетъ,
 Адашева обнявъ вѣщаетъ наконецъ:
 Не устыдится мной ни дѣдъ мой, ни отецъ;
 Не устыдишься ты моею дружбой нынѣ,

Не именовъ я Царь, я славлюсь въ Царскомъ чинѣ;
 545 Но славенъ Богъ единъ! Сія кротчайша рѣчь
 Заставила у всѣхъ потоки слезны течь.

И Царь, достигнувый подъ самы градски стѣны,
 Увидѣлъ вдругъ свои поверженны знамены.
 Какъ агнцы робкіе Россіяне текутъ,
 550 Вѣщаютъ съ ужасомъ: тамъ рубятъ и сѣкутъ!
 Какъ язва жителей терзающа во градѣ,
 Или свирѣпый тигръ ревущій въ агнчемъ стадѣ:
 Такъ сильно дѣйствуетъ надъ воинами страхъ,
 И мечетъ ихъ со стѣнъ, какъ буря съ камней прахъ;
 555 Царя бѣгущихъ вопль и робость огорчаетъ,
 Печальный оборотъ побѣды видѣть чаеть.
 Уже изторгнувъ мечъ, онъ самъ во градъ дерзаль,
 Но посланный къ нему Алеемъ мужъ предсталъ.
 Явились истинны лучи во темномъ дѣлѣ;
 560 Не ужасъ гонитъ ихъ, корысть влечетъ отселѣ,
 И сребролюбіе сражаться имъ претитъ.
 Тотъ робокъ завсегда, кого сребро прельститъ!
 Алеемъ посланный Царю сіе вѣщаетъ:
 Ни стыдъ отъ грабежей, ни страхъ не отвращаетъ;
 565 И естли Царь сея алчбы не пресѣчетъ,
 То вскорѣ самъ Алей изъ града потечетъ,
 Едва крѣпится онъ!... Смущенный Царь рѣчами,
 Велѣлъ опричникамъ приблизиться съ мечами;
 И симъ оплотомъ бѣгъ текущимъ преградить,
 570 Велѣлъ забывшихъ честь Россіянъ не щадить.
 Въ румяномъ облакѣ Стыдъ хищникамъ явился,
 Корысти блескъ погасъ и въ дымъ преобразился,
 На крыльяхъ мужества обратно въ градъ летятъ,
 За малодушіе свое Казани мстятъ.
 585 Трепещетъ, стонетъ градъ, рѣками кровь ліется,
 Послѣдній Россамъ шагъ къ побѣдѣ остается;
 Разтерзанъ былъ драконъ, осталася глава,
 Зіяюща еще у Тезицкаго рва.
 Подобны вихрямъ, внутрь пещеры заключеннымъ,
 590 И плѣномъ собственнымъ и тмой ожесточеннымъ,
 Которы селятся въ движеньѣ и борбѣ,
 Сыскать отверзтіе чрезъ своды горъ себѣ,
 Казанцы воинствомъ Россійскимъ окруженны,
 Противоборствуютъ громами вокругъ раженны;
 595 Прорваться думаютъ сквозь тысящи мечей,
 Текутъ; но не они, то крови ихъ ручей;
 Волнуются, шумятъ, стѣсняются, дерзаютъ;
 Но встрѣтивъ блескъ мечей, какъ тѣни исчезаютъ.

Князь Курбскій и Алей полками подкрѣплень.

- 600 Ни тотъ сраженіемъ, ни сей не утомлень,
 Подобны тучамъ двумъ казались идущимъ,
 Перуны пламенны въ сердцахъ своихъ несущимъ,
 Котора вдалекѣ блистаетъ и гремитъ;
 Возходятъ вверъхъ горы, гдѣ Царскій Дворъ стоитъ.
- 605 Тамъ робкій Едигеръ съ женами затворился,
 Сорывшись отъ мечей, отъ страха не сокрылся.
 Отчаянье туда вбѣжало въ слѣдъ за нимъ;
 Свѣтъ солнца у него сгущенный отнял дымъ;
 Казалось, воздухъ тамъ наполнился измѣны:
- 610 Земля вздыхаетъ вокругъ, трепещутъ горды стѣны;
 Рыданіе дѣтей унылы вопли женъ;
 И многими смертми онъ зрится окружень...
 Еще послѣдніе его полки бѣются,
 Послѣдней храбрости въ нихъ искры остаются;
- 615 Тѣнь мужества еще у Царскихъ вратъ стоитъ,
 Волнуется и входъ Россіянамъ претитъ;
 Усердіе къ Царю насильства не впускаетъ,
 Почти послѣдній вздохъ у праговъ выпускаетъ;
 Но силится еще Россіянь отражать.
- 620   Возможноль тлѣннымъ чемъ перуны удержатъ?
 Алей и Курбскій Князь, какъ вихри напряженны,
 Которыхъ крылія къ дубравѣ приложенны,
 Лѣсъ ломаютъ и ревутъ: Князь Курбскій съ копіемъ,
 Алей по трупамъ тѣль бѣжитъ во рвы съ мечемъ;
- 625 Какъ будто Ахиллесъ гремящъ у вратъ Скіискихъ.
 Тамъ видѣнь брани богъ, и духъ стрѣльцовъ Россійскихъ;
 Вѣщаетъ грозну смерть мечный и трубный звукъ,
 У стражи падаютъ оружія изъ рукъ;
 Отчаянье въ сердцахъ, на лицахъ томна блѣдность,
- 630 Тѣлохранителей являютъ крайню бѣдность.
 Какъ будто бы народъ на храмъ съ печалью зрить,
 Который воспаленъ отъ молніи горитъ,
 И видя пламенемъ отвсюду окруженно,
 Любезно божество внутрь стѣнь изображенно,
- 635 Спасая свой животъ, отъ храма прочь течетъ,
 О! богъ избавься самъ! въ отчаяньѣ речетъ.
 Такъ видя молніи и стѣны вокругъ дрожащи,
 Рѣкой кипящу кровь, тѣла кругомъ лежащи,
 Казански воины у Збойливыхъ воротъ,
- 640 Творящи Царскому Двору живой оплотъ,
 Который какъ тростникъ герои врозь метали,
 Тѣлохранители сражаться перестали;
 Россіянь укротивъ на малый часъ, рекли:
 Цареву жизнь до днесъ, какъ нашу, мы брегли;

- 645 Россіяне! тому свидѣтели вы были,
Что крови мы своей за царство не щадили;
Но днесь, коль васъ вѣнчалъ побѣдою вашъ Богъ,
Когда падетъ нашъ градъ, и Царскій съ нимъ чертогъ;
Когда Ордынская на вѣки гибнетъ слава,
- 650 Вручаемъ вамъ Царя нещастлива, но здрава,
И вамъ Казанскую корону отдаемъ;
Но смертну чашу пить теперь за градъ пойдемъ...
Спускаются съ горы, текутъ за стѣны прямо;
Бѣгущихъ Палецкій съ полками встрѣтилъ тамо;
- 655 Уставилъ щитъ къ щиту, противу грома громъ;
Ордынцы мечутся чрезъ стѣны, чрезъ проломъ,
Окровавляются брега рѣки Казанской,
И кровь Ордынская смѣшалась съ Христіанской.
Багровыя струи, Казанка гдѣ текла,
- 660 Несутъ израненны и блѣдныя тѣла....
Внезапно вопль возникъ, умножилось стenanье:
То городъ, испустя послѣднее дыханье,
Колѣна преклонилъ!.. Но дерзкая Орда
Ласкается, что ей погинутъ не чреда;
- 665 И гибелью своей въ свирѣпствѣ ускоряютъ,
Болотамъ и рѣкамъ нещастну жизнь ввѣряютъ;
Отъ покровительства отторглися небесъ;
Въ безумствѣ предпочли подданству темный лѣсъ.
Съ перуномъ Курбскій Князь по ихъ стремится слѣду,
- 670 Достигъ, сразилъ, попралъ и довершилъ побѣду.
Между прекрасныхъ женъ во истуканѣ скрытъ,
Увидѣвъ Едигеръ, что градъ кругомъ горитъ;
Что стражи обнажась, трепещутъ замка стѣны;
Наполненные рвы кровавой видя пѣны;
- 675 Что робость отгнала воителей въ поля;
Нещастный Царь тоскѣ и плачу женъ внемля,
Біеть стesящу грудь, вѣнецъ съ главы свергаетъ;
Но въ ужасѣ еще къ лукавству прибѣгаетъ.
Какъ будто плаватель богатствомъ удрученъ,
- 680 На мѣли бурныхъ водъ стремленьемъ привлечень;
Спасая жизнь свою, души своей пріятства,
Въ боязни не щадитъ любезнаго богатства;
И что чрезъ долгій вѣкъ пріобрѣтенно имъ,
То мечетъ съ корабля во снѣдь волнамъ сѣдымъ:
- 685 Такъ войска окруженъ Россійскаго волнами,
И вкупѣ сѣтующъ съ прекрасными женами,
Умыслилъ Едигеръ, еще алкая жить,
Пригожство женъ противъ Россіянь воружить,
Которы иногда героевъ умягчаютъ,
- 690 Надъ побѣдителями побѣды получаютъ.
Отчаянный на все дерзаетъ человѣкъ!

- Златыми ризами наложницъ онъ облекъ,
 Украсилъ въ бисеры и камни драгоцѣнны,
 Пріятства оживилъ, печалью потушенны;
 695 Въ убранствахъ повелѣлъ имъ шествовать къ вратамъ,
 И взорами Князей безоружить тамъ.
 Уже прекрасный полъ съ высокихъ лѣствицъ сходить,
 Единый ихъ Царевъ воспитанникъ предводитъ;
 Выносятъ не мечи, несутъ онѣ цвѣты,
 700 Пріятства, нѣжности, заразы, красоты;
 Главы ихъ пестрыми вѣнками увязенны;
 Власы по раменамъ, какъ волны разпущенны;
 Стенанья вырвались и слезы наконецъ;
 Оружія сіи опасны для сердець!
 705 Выходятъ, ко стопамъ героевъ упадаютъ,
 Обнявъ колѣни ихъ, болѣзнуютъ, рыдаютъ,
 И злато вольности на выкупъ отдаютъ,
 Спасите нашего Монарха! вопіютъ;
 Кровавые мечи, свирѣпость отложите;
 710 И челоуѣчество при славѣ докажите;
 Для насъ Царя, и насъ спасите для него;
 Остались мы ему, и больше никого!...
 Россіянъ трогаетъ красавицъ сихъ моленье,
 И близко прилегло къ сердцамъ ихъ сожалѣнье.
 715 Сабинки древнія такъ нѣжностью рѣчей,
 Смягчили сродниковъ, кидаясь средь мечей.
 Теряютъ мужество, теряютъ крѣпость мочи;
 Въ сердца желаніе, соблазнъ приходитъ въ очи:
 Младые воины не храбростью кипятъ,
 720 Кипятъ любовію, и пасть къ ногамъ хотятъ;
 Побѣду прелести надъ разумомъ пріемлютъ;
 Россіяне уже прекрасныхъ женъ объемлютъ.

Но вдругъ какъ нѣкій вихрь, поднявшійся съ полей,
 Вломились во врата Мстиславскій и Алей;
 725 Примѣтивъ, что любовь воителей прельщаетъ,
 Мстиславскій ихъ стыдомъ какъ громомъ поражаетъ;
 Гдѣ Россы? вопіетъ, гдѣ дѣлися они?
 Здѣсь храбрыхъ нѣтъ мужей, но жены лишь одни!

При словѣ томъ Алей, Ордамъ злодѣйство мстящій,
 730 Проходитъ сквозь толпу, какъ камень ключъ кипящій,
 Подъемлетъ копіе, и яростью разженъ,
 Разитъ онъ юношу, стоящаго средь женъ.
 Сей юноша самимъ воспитанъ Едигеромъ,
 И женской наглости содѣлался примѣромъ;
 735 Пораненный въ чело, бѣжитъ въ чертоги онъ;
 Отвсюду слышится рыданье, плачь и стонъ.

- Какъ вѣтръ, играющій въ ненастный день валами,
 Или какъ горлицы шумящія крилами,
 Которыхъ ястреба летая вокругъ страшатъ:
 740 Такъ жены обратясь за юношей спѣшатъ,
 Тѣснятся, вопіютъ, бѣгутъ ко истукану;
 Но юноша схвативъ своей рукою рану,
 Изъ коей кровь текла багровою струей,
 Къ Алею возопилъ: будь жалостливъ Алей!
 745 Не убивай меня, оставь Царю къ отрадѣ;
 Я не былъ на войнѣ, ни въ полѣ ни во градѣ,
 Не омочалъ моихъ въ крови Россійской рукъ.
 Алей на то ему: Но ты Казани другъ;
 Довольно и сего! Въ немъ ярость закипѣла,
 750 Уже главу его хотѣлъ сорвать онъ съ тѣла;
 Но храбрый Іоаннъ, какъ вихрь туда вбѣжалъ,
 И руку острый мечъ взносящу удержалъ;
 Къ Алею возопилъ: престанемъ быть ужасны!
 Престанемъ гнать враговъ, которы безопасны:
 755 Казань уже взята! вложи обратно мечъ,
 Не крови, милостямъ теперь прилично течъ.

- Явились яко свѣтъ слова его предъ Богомъ;
 Богъ пролилъ благодать къ Царю щедротъ залогомъ...
 Молчитъ вселенная, пресѣкся бѣгъ планетъ;
 760 Казалось, Іоаннъ въ правленье міръ беретъ.

- Но только робкихъ женъ Казанскій Царь увидѣлъ,
 И скипетръ и престолъ и жизнь возненавидель,
 Увидѣлъ, что сердце не тронула любовь,
 Багрову на челѣ воспитанника кровь;
 765 Внимая громъ мечей, внимая трубны звуки,
 Отчаянъ рветъ власы, рыдаетъ, вноситъ руки.
 Коль юность не смягчитъ сердце, ни красоты,
 Чемъ льстишься, Едигеръ, смягчить героевъ ты?
 Онъ тако возопилъ, и растерзая ризу,
 770 Низвергнуться хотѣлъ со истукана низу.
 Хотя во ужасѣ на глубину взиралъ,
 Но руки онъ уже далеко простиралъ:
 Главою ко землѣ и тѣломъ понижался;
 Висящъ на воздухѣ, одной ногой держался.
 775 Тогда клокочущій въ поляхъ воздушныхъ шаръ,
 Направилъ пламенный во истуканъ ударъ;
 Громада потраслась, глава съ него свалилась,
 Весь градъ затрепеталъ, когда глава катилась;
 Разсѣлся истуканъ... Но робкаго Царя
 780 Небесный Духъ схватилъ, лучами озаря;
 Онъ пальмы на главѣ вѣнцемъ имѣлъ сплетенны;

- Лилеи онъ держалъ въ Едемѣ насажденны,
 И ризу въ небесахъ сотканную носилъ;
 Взавъ руку у Царя, какъ лира возгласилъ:
 785 Нещастный! укрѣпись, отринь Махометанство,
 Иди къ Россіянамъ, наслѣдуй Христіанство!
 И вѣрой замѣни мірскія суеты;
 Не трать твоей души, утративъ царство ты;
 Россійскій кротокъ Царь, не недругъ побѣжденнымъ:
 790 Живи, гряди и вновь крещеньемъ будь рожденнымъ!
 Во изумленіи взирая на него,
 Смущенный Едигеръ не взвидѣлъ вдругъ его.
 Но благовѣстіе напомнивый небесно,
 Призналъ Божественнымъ явленіе чудесно;
 795 Свой жребій Едигеръ судьбинѣ покорилъ;
 Низходитъ съ высоты пареньемъ быстрыхъ крыль;
 Бѣжитъ, является Царю во Дворъ входящу,
 Спасите Царску жизнь! воителямъ гласящу.
 И се! его зоветъ военная труба,
 800 Приходитъ Едигеръ во образѣ раба:
 Глава его была на перси преклоненна,
 Покрыта пепеломъ дрожаща, откровенна;
 Омыта токомъ слезъ его стеньща грудь:
 Сквозь воиновъ сыскавъ лишенный царства путь,
 805 Отчаянъ, блѣденъ, нищъ и въ рубицѣ раздранномъ,
 Повергся, возрыдалъ, упалъ предъ Іоанномъ;
 Челомъ біющій пылъ, стопы Монарши зря,
 Вѣщаетъ: Не ищи Казанскаго Царя!
 Ужъ нѣтъ его! ужъ нѣтъ!... ты Царь сея державы,
 810 Съ народомъ я хочу твои принять уставы;
 Всеобщей вѣрности я ставлю честь въ залогъ.
 Ты будь моимъ Царемъ! твой Богъ, мой будетъ Богъ!

Со умиленіемъ Герой стенанью внемлетъ,
 И плѣннаго Царя какъ друга онъ объемлетъ,
 815 Вѣщая: вѣрой мнѣ и саномъ буди братъ!...
 Услыша тѣ слова, вспрянулъ и ожилъ градъ.

Тогда умножились во градѣ звучны бои;
 Привѣтствуютъ Царя Россійскіе герои;
 Князь Курбскій кровію и пылью покровенъ,
 820 Вѣщаль: да будетъ ввѣкъ сей день благословенъ!
 О Царь, великій Царь! твои побѣды громки
 Со временемъ прочтутъ съ плесканіемъ потомки.

Мстиславскій, мечъ въ рукѣ какъ молніюносящъ,
 Царей Казанскихъ скиптръ въ другой рукѣ держащъ,
 825 Сію величества подпору и блистанье,
 Къ Монаршескимъ стопамъ приноситъ на погранье.

Щенятевъ плѣнниковъ окованныхъ привлекъ;
 Ордынскихъ многихъ силъ, се тѣнь послѣдня! рекъ;
 Твоею, Царь, они рукою побѣжденны;
 830 За подвигъ нашъ твоей мы славой награжденны.

Романовъ съ торжествомъ текущей по тѣламъ,
 Приноситъ знамя то къ Монаршескимъ стопамъ,
 Которо смутныхъ Ордъ символомъ гордымъ было;
 Оно затрепетавъ, луну къ землѣ склонило.
 835 Шемякинъ оруженъ добычами предсталъ;
 Но славой паче онъ, чемъ бисеромъ блисталъ.

Микулинскій, сей мужъ Россійскихъ силъ ограда,
 Орудія принесъ разрушеннаго града,
 Мечи кровавые, щиты, пищали тамъ,
 840 Какъ горы видятся Монаршескимъ очамъ.

Адашевъ взопилъ: О Царь и храбрый воинъ!
 Ты славенъ сталь, но будь сей славы въ вѣкъ достоинъ!
 Спокойство возвратилъ ты не единымъ намъ,
 Даруешь ты его и позднымъ временамъ.
 845 О! естлибъ ты смирить Казани не рѣшился,
 Какихъ бы ты похвалъ, какихъ побѣдъ лишился!

Явился Палецкій, парящій какъ орелъ;
 По грудамъ онъ къ Царю щитовъ и шлемовъ шельъ;
 Хотя рука его корыстей не имѣла;
 850 Но вокругъ его хвала Россійскихъ войскъ гремѣла.

У Шереметева еще и въ оный часъ
 Геройскій духъ въ очахъ и пламень не погасъ.

Плещеевъ плѣнниковъ собираетъ Христіанскихъ;
 Въ темницахъ ищетъ ихъ, въ развалинахъ Казанскихъ,
 855 И вкупѣ возвративъ свободу имъ и свѣтъъ,
 Ко Іоанну ихъ въ объятія ведетъ.

Сбираетъ въ тѣсный кругъ вельможей храбрыхъ Слава.
 Вдругъ новый Царь насталь и новая держава!

Ликуй, Россійскій Царь! вѣщаль ему Алей;
 860 Казань ты покорилъ, и всѣхъ Ордынцовъ съ ней,
 Отнынѣ въ вѣкъ Москва останется спокойна.
 Но вѣрность ежели моя наградъ достойна,
 Въ корысть прошу одну Сумбеку, Государь!...
 И дружбу съ ней мою прими! вѣщаетъ Царь.

865 Въ восторгахъ радостныхъ Монархъ привѣтствамъ внемлетъ;
 Вельможей, воиновъ, съ потокомъ слезъ объемлетъ,
 И рѣчь сію простеръ: Сей градъ, вѣнцы сіи,
 Дарите Россамъ вы, сотрудики мои!
 И естли нашихъ дѣлъ потомки не забудутъ,

870 Вамъ славу воспоютъ, и вамъ дивиться будутъ,
А мнѣ коль славиться удобно въ мѣрѣ семъ,
Мнѣ славно, что я есмь толь храбрыхъ войскъ Царемъ.

Внимая небо то, одѣлось новымъ блескомъ,
И рѣчь заключена общенароднымъ плескомъ.

875 Разженный къ Вышнему благоговѣньемъ Царь,
Во градъ повелѣлъ соорудить Олтарь.
Влекомыя къ Царю небесной благодатью,
Сопровождаются чины священны ратью;
Ликують небеса, подземный стонетъ адъ;

880 Благоуханіемъ наполнился весь градъ.
Гдѣ вопли слышались, гдѣ стонъ и плачь недавно,
Тамъ нынѣ торжество сіяетъ православно;
Святое пѣніе пронзаетъ небеса:
Животворящая простерлася роса;

885 И стѣны чистою водою окропленны,
Свой пепель отряхнувъ, явились оживленны,
Святому пѣнію съ умильностью внемля,
Возрадовались вокругъ и воздухъ и земля.

Тогда среди кадилъ на гору отдаленну,
890 Олтарь возносится, являющій вселенну:
Хоругвями уже онъ зрится огражденъ,
Недвижимый стоитъ на камняхъ утвержденъ.
Передъ лицомъ святой и таинственной Сѣни,
Первосвященникъ палъ смиренно на колѣни;

895 Онъ руки и глаза на небо возносилъ,
И Бога къ Олтарю низшедша возгласилъ!
Народъ и Царь главы со страхомъ преклонили,
Небесные огни сердца возпламенили.
Тогда, дабы почтить святую благодать,

900 Тѣла во градъ Царь велѣлъ землѣ предать;
Онъ теплыхъ слезъ своихъ Ордынцевъ удостоилъ;
По стогнамъ наконецъ священный ходъ устроилъ;
Повсюду пѣніе, повсюду ѳиміямъ.

Гдѣ тартаръ ликовалъ, ликуетъ Вѣра тамъ;
905 Безбожіе взглянувъ на Святость, воздохнуло.

И солнце на Казань внимательно взглянуло;
Спустились Ангелы съ лазоревыхъ небесъ;
Возобновленный градъ главу свою вознесъ;
Отъ крови въ берегахъ очистилися волны;

910 Казались радостью лѣса и горы полны.
Перуномъ пораженъ Раздоръ въ сіи часы,
Терзаетъ на главѣ змѣйные власы,
Со трепетомъ глаза на Благодать возводитъ,
Скрежещетъ, мечется, въ подземну тму уходитъ.

915 Чело вѣнчанное Россія подняла,
Она съ тѣхъ дней цвѣсти во славу начала.
И естли кто сіе читающій творенье,
Не будетъ уважать Казани разрушенье,
Такъ слабо я дѣла Героевъ нашихъ пѣлъ;
920 Иль сердце хладное читатель мой имѣлъ.
Но, Муза! общимъ будь вниманьемъ ободренна;
Двухъ царствъ судьбу воспѣвъ, не будешь ты забвенна.

КОНЕЦЪ.